

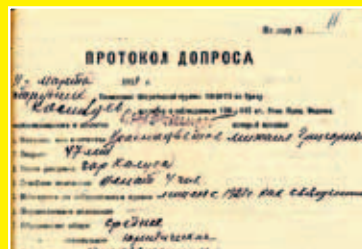
Печорский волок и волокита

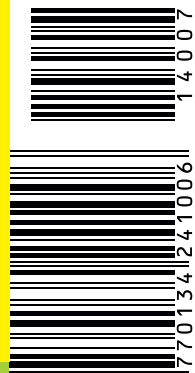
ГЕРОЙ,
ВНУК ГЕРОЯ

ДОМ ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

У НЕГО ИКОН
ПОЛОН УГОЛ

Июль 2014

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО в республике Татарстан

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2014 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №7 (685), 2014.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях (CD, DVD, флеш-картах). Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы помеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Добрые попутчики

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Уральское лето: рев моторов, жажда победы!.....8

Экспедиция

Е.КОРБУТ

Мечты сбываются!.....3

Река времени

Далекое-близкое

С.ДЕМИДОВА

Память места..... 10

Верхотурские

были-небыли

Ю.ГОРБУНОВ

Нарышкинское барокко14

Портреты

О.ОЖИГБЕСОВА

«Не могу не быть священником»... 18

Тропой поиска

Е.МЫРЗИНА

Железная дорога: земско-купеческий вариант 24

Наши проекты

Н.АСАБИНА

История России.

Река Чусовая.

Косой Брод

Раскуиха..... 30

Давным-давно

В.ТРУСОВ

Первостроители

Шайтанского

завода 36

Музей одной фотографии

Е.БИРЮКОВ

Загадочный клуб 35

Родословная

Р.ХАКИМОВ

Мост

жизни Каюма

Кушаева 40

Родословная

И.ГЛАДКОВА

Герой,

внук Героя 44

Журнал в журнале

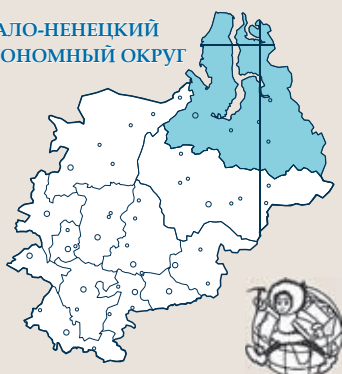
Аэлита

Группа туристов из Екатеринбурга под руководством Евгения Корбута совершила очередной, уже шестой, высокоширотный кайтовый поход по побережью Северного Ледовитого океана. Его впечатления, эмоции и переживания — вашему вниманию.

Фото автора

Мечты сбываются!

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Евгений Корбут

Путешественник. Руководитель многочисленных сложных зимних походов. Основатель направления туризма с использованием буксировочных парашютов и кайтов.

Диксон – арктический поселок на берегу Ледовитого океана. Первопроходцы уже в XVII веке начали селиться на побережье Карского моря. Из леса-плавника – строить свои зимовья. За проход в Енисей бились мореплаватели многих стран: от поморов до датчан и норвежцев. Российские цари боялись, что иностранцы освоят этот проход, который дает возможность попасть в самый центр богатств Сибири.

Идея похода: для нашего кайтового похода на лыжах с помощью ветра Диксон был интересен как очень труднодоступный и удаленный с туристической точки зрения поселок Арктики. Далее от Диксона мы планировали пройти до Норильска, где собирались оставить часть «тяжелого» снаряжения, и в последующие годы стартовать из Норильска и попытаться пройти по побережью Ледовитого океана дальше на восток.

Первый раз я пытался пройти до Диксона в 1999 году участником лыжного похода под руководством Дмитрия Тиунова. Но мы прошли тогда две трети маршрута.

Второй раз в 2012 году уже руководителем в кайтовом походе пройти до Диксона тоже не удалось. В Обской губе ледокол разломал льды, на одной из льдин стояла наша палатка, и мы поплыли в Северный Ледовитый океан. Со льдины нас снимали вертолетом.

Стрельей попытки нынче нам удалось пройти до Диксона. Состав группы: Евгений Корбут – руководитель, идеолог походов с помощью ветра на кайтах, Володя Воротников – штурман – всегда шел первым, Иван Касьяненко – охотник-хантер с настоящим ружьем, Володя Каргополов – ремонтник, Костя Холманских – истопник и хронометрист. Все участники прошли не менее четырех кайтовых походов.

Чем интересны походы на Север? Эти проекты, участие в них, подготовка к ним моральная, физическая, техническая – все это настолько завораживает людей, что это становится не то чтобы смыслом жизни, но глотком свежего воздуха, который позволяет дальше двигаться по жизни.

Кайт – устройство, напоминающее крыло или парашлан и позволяющее буксировать лыжника с помощью ветра. Впервые в истории наших походов на кайтах, а это был уже шестой поход, мы шли в одном классе, то есть у всех участников кайты были абсолютно одинаковые. Набор движущих средств: два кайта 7 и 10 кв. метров и два вида парашюта-буксировщиков. При ветре от 5 до 12 м/сек мы используем кайты, при ветре свыше – вплоть до 20 м/сек – передвигаемся на парашюта-буксировщиках. При ветре более 20 м/сек хождение по тундре нежелательно и опасно. Моя задача как руководителя вернуть домой тех, кого взял под свою ответственность. Если мы не пройдем маршрут, у нас будет еще масса возможностей в жизни пройти этот или другой маршрут.

Максимальная скорость, достигнутая в этом походе, – 54 км/час. Это при движении с санями, в которых вес 70-80 кг. Вес пристегнутых к человеку саней при этом никак не ощущается. Сани при хороших ветрах делают менее резким ускорение, стартуешь более плавно. При ветре в 10 м/сек – ветре, при котором мы ходим, скорость в 30 км/час достигается за несколько секунд. Не всякая машина имеет такое ускорение, как стартовое ускорение кайта. Все остальное снаряжение и одежда, которые мы использовали, изготовлено фирмой «ВЕК».

Излюбленная тема всех туристов – винить в плохом снаряжении производителя. Конечно, парни с хохотом говорили о недостатках «ВЕКовского» снаряжения, но четко и ясно понима-

ли, что тот комплект снаряжения, который был, невозможно было бы заменить снаряжением и оборудованием других фирм. Почему? Либо это снаряжение просто не производится, либо не учтена определенная специфика.

Поход начался в г. Ямбург, далее по акватории Обской губы на север. Акватория – идеальный полигон для катания. На пути встречаются торосы, целые поля торошения, но они объезжаемы. Всегда можно выйти на сушу и двигаться по ней. Движение на кайтах аналогично движению в лыжном походе: час идем, после отдыхаем и т.д. Остановка нужна, чтобы отдохнуть, размять ноги, обсудить ситуацию, проверить снаряжение в санях, хотя все и так упаковано и приторочено качественно. Сани испытывают колоссальную нагрузку, на скорости они прыгают на торосах и застругах. Снизу к саням прикреплены горные лыжи для лучшего скольжения. На моих са-

нях к концу похода у одной лыжи был сломан носок, а у второй высypались все канты.

По Обской губе добрались до первого и последнего на всем восточном побережье поселка Тадебьяха. А далее, учтя опыт 2012 года, чтобы не столкнуться с ледоколом, стали пересекать Гьданский полуостров. Глядя на карту, видно, что вся поверхность тундры покрыта речками и озерами. Перепады высот не очень большие, опасных каньонов практически не было, но езда на хороших скоростях требует от тебя полной концентрации внимания, хорошего умения управлять «крылом» и умения кататься на горных лыжах.

Прошли за день 100 км, на следующий день 110 км, еще на следующий день – 140 км. Вот это да! Мы побили рекорд 2012 года – когда максималь-

ное расстояние было пройдено за день в 130 км. Когда мы делаем такие большие переходы, это говорит о том, что ветра много, он хороший и позволяет идти группе с хорошей скоростью.

Обычная туристская группа, двигаясь в зимнем походе 3-5 км в час, мо-

жет идти в сильный ветер или даже в пургу в своем ритме. В отличие от нее мы не можем двигаться при ветре сильнее 20 м/сек, даже если он попутный. Тогда мы ставим палатку, никуда не идем и пережидаем пургу. Как правило, пурга не длится более двух дней. Мы ходим в полярные походы, когда световой день уже длинный, что позволяет нам двигаться достаточно долго в течение дня. Режим дня примерно такой: в 4 часа утра встает дежурный, готовится завтрак, в 5.30 он будит всех, группа встает, завтракает, и в 7 часов мы уже начинаем движение, в 14.00 обед, в 20-21 – остановка на ночлег. Бывали случаи, когда дежурный приготовил завтрак, а на улице пурга или встречный ветер против курса, все равно все встают, завтракают, и потом идет команда «отбой!» до обеда. Но дежурный не дремлет, а вдруг подует попутный ветер. Тогда группа начинает готовиться выйти на маршрут. Надо сказать, что организм очень хорошо использует возможность отдохнуть и восстановиться в непогоду, бывает двое суток сплошного сна как одна ночь. Каждый занят своим делом: кто-то спит, кто-то читает, кто-то слушает плеер. Мы брали с собой солнечные батареи, и их хватало на зарядку электронных книг, фото- и видеоаппаратуры, спутникового телефона.

Дальше мы попали на территорию, где, скорее всего, никогда не ступала нога туриста. На самом деле ощущать себя Робинзонами очень прият-

но. Сами названия завораживают: полуостров Мамонта, остров Олений, Проклятые острова. Встречи с местным населением – это самые незабываемые и интересные моменты в походе. Все эти люди очень самобытны, интересны, все прекрасно говорят по-русски. Я очень ценю такие встречи. Как правило, ненцы издали нас замечают, не было случая, чтобы мы подъехали к поселку незамеченными. Может, нас чуют местные лайки-хаски? Подходя к острову Оленьему, мы в этот день прошли 140 км, встали на льду, не на острове. Хотя и называется он Оленьим, но оленей на нем нет. Мы пролетели по его краю на следующий день и взяли направление в сторону Диксона.

Когда до Диксона осталось 50 км, начались неправильные с точки зрения кайтовых походов вещи – встречный ветер, потом пурга, потом штиль.

Девиз наших походов: «Ни шагу вперед!». Мы, обзавев себя сухопутными яхтсменами, не ходим пешком вообще, только с помощью ветров. Какой смысл ходить в горнолыжных ботинках, когда максимальная скорость движения 3 км/час и за день можно пройти максимум 30 км, когда на сле-

дующий день эти же 30 км можно проехать за час или два. Мы сидели и думали, а может быть, пройти эти 50 км? В итоге ветер все-таки подул и группа победоносно доехала до Диксона. Он оказался нам на правом берегу в тумане. Доехали, положили на высоком берегу кайты, ни одна собака и ни один человек нас не обнаружили и не увидели.

Отдохнув и познакомившись с достопримечательностями поселка, на попутном ветре через два дня мы двинулись по Енисейскому заливу на юг.

Вот здесь мы впервые столкнулись с ледокольным следом. Его видно издалека. Это такая полоса льда в виде ледового забора, его преодолеть можно, только спешившись. Суда ходят по одному и тому же фарватеру. И если глубина льда 1,8 метра, то в ледокольном следе она намного меньше.

Около мыса Сопочная Карга, там, где огромный широкий залив с соленой водой сужается в Енисей, начался штиль. Мы пошли на экскурсию пешком до полярной станции «Сопочная Карга». Начальник станции предупредил нас, что сегодня вечером будет проходить ледокол, и чтобы мы не пропустили это интересное зрели-

ще. Мы перешли этот ледакольный след и поставили свою палатку в километре от него. Подошли пешком и ждем, когда же появится ледакол. Стоять можно рядом хоть в 5-10 метрах, это безопасно. Единственно, если будешь стоять близко, то тебя просто может обрызгать водой. Вдалеке идет ледакол – это некий 9-этажный дом, который движется на тебя. Подходит ледакол, мы его фотографируем с разных ракурсов, читаем название и...

Идет навстречу нам не кто иной, как ледакол «Вайгач». Знал бы он, кого в 2012 году отрезал на Обской губе и благодаря кому мы оторвались от берега и поплыли на льдине в Ледовитый океан.

Мне кажется, что в любых рассказах о наших путешествиях нужно доводить до внимания слушателей ту мысль, что такие походы могут совершать обыкновенные люди, может быть, немного дерзкие или целеустремленные, но мы все не сверхчеловеки. У нас нет накачанных мышц, супер талантов, уникальных способностей. Мы просто серьезно готовимся к каждому походу. Организм очень быстро вспоминает нагрузки прошлых лет, есть, видимо, мышечная память, которая помогает быстро встать в строй. Но самое большое качество – это психическое здоровье человека. И последнее: важно, чтобы ты сам понимал, кто ты такой, что ты делаешь. Каждый из участников – особенный человек, яркая индивидуальность, но когда ты в команде – ты действуешь так, как нужно команде, чтобы достигнуть поставленной цели. Каждый может стать таким, как участники нашей команды. Надо только очень этого захотеть и к этому стремиться. Очень импонировало то, что при наличии разных качеств и ярких индивидуальностей все четко и ясно понимали и отражали в своих действиях то, что мы – команда. Все ясно и четко понимали, что если с кем-то что-то случится, то команде придется закончить маршрут. Всем настолько хотелось пройти этот маршрут, что все шли «ноздря в ноздю», «локоть к локтю». Каждый понимал, что от него зависит конечный результат всей команды. И еще, у нас не было никаких проблем с сосуществованием пятерых человек в маленькой палатке, где жизненное про-

странство ограничено спальным местом. Сутками в пургу мы жили в этой палатке, и никаких проблем с совместимостью не было, потому что на все эти сложные вопросы мы нашли ответы в прежних походах. И это один из важнейших факторов при прохождении маршрута. Потому что конфликты в полярных походах разрастаются из ничего и молниеносно. И если появляется обида – выполнять сложные задачи и идти к намеченной цели тяжело и нереально.

Мы побили все свои рекорды прежних лет. Общее количество пройденных километров – 1396 км. В первой части Диксонского похода мы максимально за один ходовой день прошли 140 км, а во второй части – 206 км. В этот день максимального похода мы уже до обеда сделали 115 км. Совпали все факторы: направление и сила ветра, ровный лед Енисея, наконец, исчезли заструги и – самое важное – появилась хорошая видимость.

Проходя мимо поселка Воронцово на Енисее, нас встретили десятки людей на снегоходах, которые никогда не видели, как люди передвигаются по тундре на каких-то «тряпочках» в воздухе и перевозят за собой тяже-

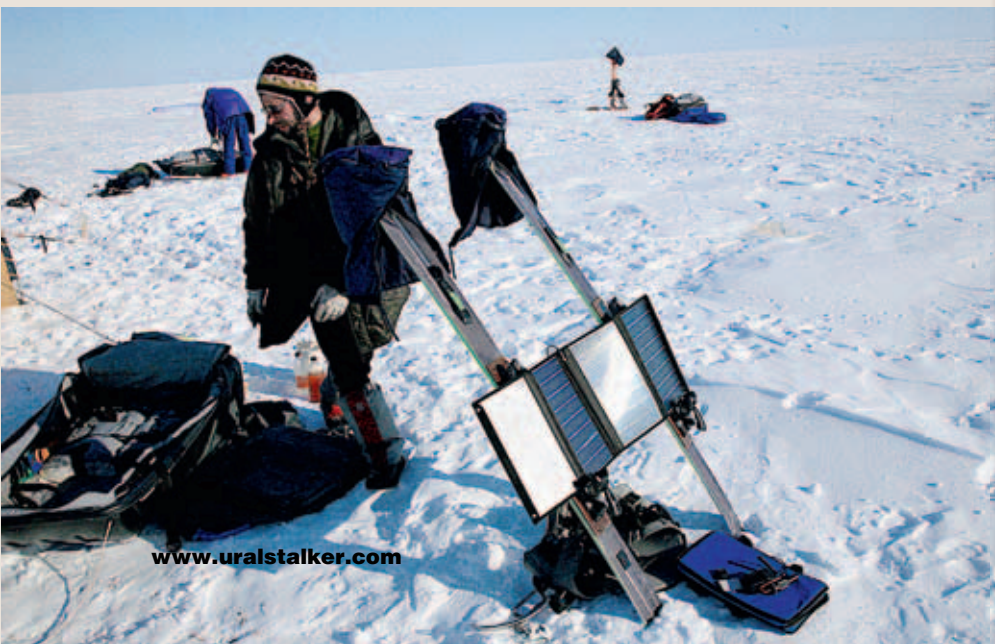

лый походный груз. Преодолевают с помощью ветра большие расстояния по диким нехоженым местам. На них мы произвели глубочайшее впечатление. По Енисею мы дошли до Дудинки, где закончили свой поход.

Итог: пройдено 1396 км за 28 дней, из которых 20 дней ходовых. Мы прошли маршрут. Все было на очень тонкой грани: усталость снаряжения, нереально большие физические нагрузки, непредсказуемость погоды, хо-

лода до -30 градусов. В то же время не было напряжения в команде. Мы поставили цель, и мы ее выполнили. Все закаты и восходы в тундре – наши, все метели и пурги – наши, белая мгла тоже наша. Нас просто зашкаливало от восторга того, что мы сделали. Мы все были на очень высоком эмоциональном подъеме. Что дальше? Есть такая мысль – замахнуться на 2000 км. Шестой кайтовый поход состоялся! Впереди новые планы. **УС**

Уральское лето: рев моторов, жажда победы!

Финишировал грандиозный байк-рок-пробег «По хребту» по новому туристскому маршруту «Самоцветное кольцо Урала». Мотоколонна в сопровождении музыкантов и журналистов проследовала через Невьянск, Нижний Тагил, Висим, Мурзинку, Реж, Коптелово, Алапаевск, Нижнюю Синячиху, Ирбит, Талицу.

Мероприятие состоялось при поддержке регионального Министерства экономики, Центра развития туризма Свердловской области под эгидой фестиваля «Старый Новый Рок». Целью проекта организаторы ставили привлечение внимания жителей и гостей Свердловской области к достопримечательностям Среднего Урала. Помимо знакомства с туристическими объектами, участников пробега ждали добрые дела: они посещали детские спортивные школы, помогали в облагораживании территорий, дарили подарки.

Утром 14 июня более 40 байкеров покинули столицу Урала, чтобы совершить путешествие длиной в 700 км. Первой остановкой стал город Невьянск, в котором участники пробега посетили знаменитую Невьянскую наклонную башню, музей невянской иконы, а в таволожских мастерских успели поработать за гончарным кругом и отведать настоящий уральский чай из таволги. Несмотря на капризы уральской погоды, под рев моторов организованная колонна байкеров двинулась дальше по маршруту — в Нижний Тагил, где специально для тагильчан была организована выставка мототехники. Участники пробега отметились на самой высокой точке города — на вершине Лисьей горы.

Там же, в Нижнем Тагиле, все желающие смогли познакомиться с экспонатами музея подносного промысла «Дом Худояровых» и с уникальной уральской техникой лаковой живописи по металлу. Кроме того, байкеры встретились с воспитанниками дет-

ской спортивной школы, которым подарили сертификаты на приобретение спортивной техники и инвентаря. Завершилось посещение Нижнего Тагила большим рок-концертом «Старого Нового Рока» на восточном склоне горы Долгой. На одной площадке выступили местные группы и хедлайнеры фестиваля — Олег Универсал, группа «MORDOR» и группа Т.О.П. И даже начавшийся ливень не расстроил планы организаторов. Более 1500 человек, собравшихся на концерт, благодаря энергетике и драйву выступающих стойко дождались финала концерта.

Новый туристский маршрут «Самоцветное кольцо Урала» уникален тем, что объединяет в себе несколько видов туризма. И на каждом этапе его прохождения желающий сможет найти развлечение по душе. Одна из реперных точек «Самоцветного кольца» — мараловая ферма, перспективный центр сельского туризма. На ее территории обитают олени, страусы, табун якутских лошадей, зайцы, дикая и домашняя птица. Здесь же производятся товары народной медицины.

Жители поселка Висим поразили всех своим радушием и гостеприимством. Колонну байкеров, представителей СМИ и организаторов пробега встречали как самых дорогих гостей — песнями и хлебом-солью. Висим привлекателен для культурно-познавательного туризма: здесь расположен дом-музей знаменитого уральского писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Гости поселка получают возможность побывать

и в удивительном мире героев русских сказок в доме Виталия Черепанова. Виталия Николаевича часто называют уральским самородком, мастером наивного искусства. Каждый участник байк-пробега смог сфотографироваться с Иваном-Царевичем, сидящей на ветвях Русалкой или поймав перо Жар-Птицы, сделанных руками мастера.

Для запланированного «доброе дело» был выбран местный храм. Вместе с жителями Висима гости провели «субботник» по уборке его территории. Поблагодарив сельчан за теплый прием, герои нашего события продолжили пробег.

Поселок Мурзинка — это одна из самых интересных точек на «Самоцветном кольце Урала», визитная карточка минералогического туризма в Свердловской области. Мурзинка и ее окрестности по праву считаются «кладовой самоцветов». Посетителей Минералогического музея им. Академика Александра Ферсмана знакомят с историей рода уральских горщиков Зверевых, родоначальник которого, Данила Зверев, стал прообразом Данилы-мастера — героя сказа Павла Петровича Бажова «Малахитовая шкатулка». Именно в Мурзинке каждому туристу открывают секреты добычи уральских самоцветов в 17–20 веках: в какое время года было удобнее всего на них «охотиться», какую технологию применяли при добыче минералов, как обрабатывали найденные образцы. Хранители музея представили гостям богатую коллекцию уральских самоцветов, собранную за 50 лет.

В финале посещения музея в Мурзинке участников пробега ждал приятный сюрприз — интерактивный аттракцион по поиску минералов. Каждый смог почувствовать себя в роли следопыта и с помощью ковша и сита намыть в импровизированной шахте свою россыпь самоцветных камней. Узнав свойства каждого камня, желающие смогли взять свою «добычу» на память.

«Минералогический» этап байк-пробега продолжился в Режевском природно-минералогическом заказнике, на Липовских карьерах. А после байкеры посетили и сам город Реж, где их пригласили на Режевской экспериментальный завод. Посещение предприятия очень увлекательно: в цехах можно увидеть своими глазами, как из самоцветов создаются украшения и произведения искусства. В Реже прогремел очередной концерт байк-пробега «По хребту».

Следующая остановка мотоколонны состоялась в одном из старинных уральских поселений — селе Коптелово. Звуки моторов, сигналы мотоциклов и яркий автобус фестиваля «Старый Новый Рок» известили всех жителей от мала до велика о прибытии гостей. После торжественного приветствия состоялась экскурсия в Музей истории земледелия и быта крестьян. Рассказчиком выступил директор музея Леонид Русаков, который с первых же минут захватил внимание абсолютно всех. Он поведал об истории села, традициях русского чаепития и правилах вышивки.

Затем каждый смог побывать в «Избе бабы Кати» — самой старой избе на Урале. Она была построена больше 400 лет назад без единого гвоздя, и по сей день в ней полностью сохранился интерьер и внутреннее убранство. Погружение в историю крестьянства на Урале продолжилось на интерактивной выставке, где все смогли увидеть полный цикл обработки льна, традиционные крестьянские ремесла, коллекции столярного и бондарного производства, большую гончарную коллекцию.

В Алапаевске все участники пробега с радостью приняли предложение прокатиться 170 км по узкоколейной железной дороге, одной из ста-

рейших и самой крупной среди пассажирских узкоколеек Советского Союза и России. Следующей остановкой стала еще одна алапаевская достопримечательность — Мемориальный дом-музей Петра Ильича Чайковского. Его экспозиция состоит из двух частей. Одна посвящена жизни Чайковских в Алапаевске, а другая хранит редчайшую коллекцию музыкальных инструментов народов мира, в том числе миниатюрных копий — количество экспонатов превышает 500 единиц, и большая часть из них в рабочем состоянии. Специально для участников пробега сотрудники музея любезно согласились продемонстрировать звучание некоторых инструментов, что вызвало у гостей особенно бурный интерес.

В Ирбите, российской мотоциклетной Мекке, гости посетили единственный в стране музей мотоциклов, имеющий статус государственного. Помимо того, старинный город Ирбит примечателен Государственным музеем изобразительных искусств, один из филиалов которого расположен в памятнике архитектуры Дому купцов Казанцевых, и в запаснике которого недавно был обнаружен подлинник картины Рубенса под названием «Кающаяся Мария Магдалина с сестрой Марфой». Ирбит не только столица мотоциклов, но и прежде всего старинный уральский купеческий город. И в свободное время, как и полагается, на байке многие совершили поездку по Ирбиту, во время которой смогли посмотреть место, где располагалась знаменитая Ирбитская ярмарка — Пассаж и торговые ряды. А город Талица, ставший одним из последних пунктов байк-рок-пробега, известен мемориальным музеем Героя СССР Николая Кузнецова и Петропавловской церковью, построенной в середине XIX века. Недалеко от Талицы расположилось село Бутка — родина первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Проект «Самоцветное кольцо Урала» был презентован на федеральном уровне, где получил самую высокую оценку. В его рамках предполагается сформировать отдельные экскурсионные маршруты для разных целевых аудиторий, что в перспективе по-

зволит сгенерировать дополнительный туристский поток и тем самым повысить узнаваемость территории. Последнее, в свою очередь, создаст дополнительные условия для развития транспортной инфраструктуры и послужит хорошим плацдармом для вложения бизнес-инвестиций.

В событийном календаре есть дата, которую ожидают любители активного отдыха, экстремалы, нынче приходится она на 5 июля. В этот день на горе Конжаковский Камень, что на территории Карпинского городского округа, при поддержке Министерства экономики Свердловской области, Центра развития туризма Свердловской области, Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области стартует XIX Международный горный марафон «Конжак» и 4-й этап Кубка России, одновременно пройдет 2-й этап Кубка России по скайраннингу (горному бегу). Начало соревнования в 10.00 часов.

Путешествуйте по Среднему Уралу! **УС**

Центр развития туризма Свердловской области, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 13, телефон (343) 350-05-25. Узнать больше о туризме в Свердловской области можно на сайте gotoural.com

Фото из архива автора

Память места

Вероятно, инженер Николай Ипатьев остался бы для мировой истории всего лишь одним из множества русских железнодорожных строителей, если бы не трагические события, произошедшие в его доме почти сто лет назад: 17 июля 1918 года в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге была расстреляна царская семья. Свой жизненный путь Николай Ипатьев вместе со своей супругой мирно окончил в Праге. Будет нелишним вспомнить о нем и его доме в эти июльские дни.

В далекие 1950-е годы я еще ничего не знала о трагической истории Ипатьевского дома, он был для меня просто соседским. Мы жили поблизости, в сотне метров ниже по склону Возне-

сенской горки. Почти каждый день я проходила мимо него, это была моя главная тропа — в школу, во Дворец пионеров, на прогулку в парк, куда я водила младшего брата. Я никогда

не бывала в самом доме, нам и в голову не приходило заглянуть туда. А в ближайшем квартале мы, дети, конечно, знали каждый камень. Собственно, этими камнями — большими гранитными плитами — был выложен весь тротуар по откосу, ступенями спускавшийся к пруду.

Моя бабушка говорила, что «цари» жили в угловой комнате с окнами на проспект и в наш переулок, а «царевны» — в смежной, над подвалом... С этим домом меня связывает еще одно «семейное» обстоятельство. Мой дядя А.Т. Романов, выпускник Петербургского института гражданских инженеров, во время войны занимался эвакуа-

▼ Фасад дома, выходящий в Вознесенский переулок; два окна от правого угла — комната царя и царицы, следующие окна — комнаты царских дочерей, под ними — выход из подвала

▼ Харитоновская усадьба — Дворец пионеров в Свердловске, фото 1950-х гг.

▼ Ипатьевский дом и «часовня-памятник», поставленная в 1808 году на месте бывшей здесь ранее деревянной церкви

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

цией из Ленинграда в Свердловск коллекций Эрмитажа. Часть их была размещена и до 1947 года хранилась как раз в Ипатьевском доме. Я об этом узнала уже много позже, а в те детские годы, помню, мучилась подозрением, что мой дядя — царский родственник, чудом уцелевший и теперь тайно у нас живущий, и очень боялась его «разоблачения»...

Дореволюционный адрес дома — Вознесенский проспект, 49/9, на углу с одноименным переулком. Здесь, на вершине холма, в конце XVIII века была поставлена церковь Вознесения Господня. Соответственно, Вознесенскими были названы горка, площадь

Софья Демидова

По образованию архитектор, работала по специальности в проектных институтах. Детские и юношеские годы провела на Урале, о чем впоследствии написала и издала книжку. Сокращенный вариант — «Детство в Свердловске» — был опубликован в журнале «Урал» (№6, 2011 г.). Живет и работает в Петербурге, публикуется в архитектурных и литературных журналах в России и за рубежом. Ведет свой блог в Живом журнале в Интернете (sophia-demidova.livejournal.com).

перед собором и прилегающие улицы. Это красивое место, откуда весь город — как на ладони, издавна было облюбовано богатыми горожанами.

В начале XIX века золотопромышленники Расторгуевы-Харитоновы возвели на площади роскошный дворец по проекту итальянского архитектора и разбили обширный английский парк, а к концу века, в 1870-х годах, напротив Харитоновской усадьбы появился каменный особняк горного инженера И. Редикорцева. Затем дом побывал в собственности золотопромышленника И. Шаравьева, у которого в 1908 году его вместе с садом и службами приобрел Николай Николаевич Ипатьев.

Дом компактным объемом удачно вписывался в крутой рельеф Вознесенской горки. С восточной (главной) стороны, обращенной на площадь, он был одноэтажным, с западной, выходящей в сад, имел два этажа. Вследствие такого конструктивного решения образовался большой подвал, заглубленный в склон горы, с отдельным выходом в глухой переулок. Видимо, потом это обстоятельство сы-

грало не последнюю роль в выборе места для размещения царской семьи.

Со строительством этого дома Вознесенская площадь, формировавшаяся на протяжении целого столетия, получила, мне кажется, достойное завершение. Три основных здания разного времени постройки и, соответственно, разных стилей: барочная церковь, ампирная усадьба и этот нарядный, опоясанный рельефным орнаментом белокаменный теремок составили, тем не менее, гармоничный архитектурный ансамбль. К сожалению, его удачный масштаб был грубо нарушен сооруженным здесь в начале XXI века Храмом на Крови циклопических размеров. На мой взгляд, для увековечения памяти мучеников достойно было бы восстановить уничтоженную в 1930-е годы часовенку, что была молчаливой свидетельницей трагедии июля 1918 года. На сохранившихся старых фотографиях часовня хорошо различима. Вот уж она-то действительно стояла «на крови», и по возрасту — самая почтенная на этой горке. Она была поставлена еще в 1808 году на месте разобранной старой деревянной Вознесенской церкви, бывшей здесь до постройки каменного собора.

...Итак, дом обрел нового хозяина. Николай Николаевич обзавелся собственным жильем уже в зрелом возрасте, женившись и выйдя в отставку. Он родился в Москве в 1869 году в семье известного архитектора Николая Алексеевича Ипатьева, где, кроме него, было еще двое детей: брат Владимир и сестра Вера. Сыновья-погодки были отданы учиться в кадетский корпус, по окончании которого продолжили военное образование в офицерских училищах. В этом очерке речь идет только о младшем брате — владельце

▼ Панорамный вид современного Екатеринбурга с Храмом на Крови на месте снесенного Ипатьевского дома

▼ Вид на Екатеринбург, фото С.М. Прокудина-Горского, 1910 г.

дома в Екатеринбурге. Жизнь и деятельность старшего, В.Н. Ипатьева, известного русского химика, заслуживает отдельной публикации. Николаев Ипатьев в 1885 году поступил в Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге и успешно его закончил. Затем продолжил обучение в Николаевской инженерной академии. По ее окончании в 1894 году был направлен военным инженером на строительство российских железных дорог и за годы военной службы на Урале и в Сибири приобрел уникальный опыт и авторитет среди коллег.

Выйдя в отставку в чине инженер-капитана, Ипатьев организовал собственное дело. Его строительная фирма разместилась в полуподвальном этаже дома, а семья жила наверху. Дом был оснащен всеми видами коммуникаций, интерьер богато украшен лепниной, потолочной росписью, каглинским лицевым, картинами. В прихожей стояло огромное чучело медведя с разинутой пастью. Это не было диковинкой — медвежьи чучела можно было увидеть во многих екатеринбургских домах, благо тайга рядом. Такой же медведь встречал входящих в доме писателя Мамина-Сибиряка, жившего по соседству (в нижней части Вознесенской горки на Колобовской улице). И с та-

▲ Ипатьевский дом,
рисунки С. Демидовой

ким же медведем мы играли в детстве в доме моей школьной подруги из семьи потомственных горных инженеров. Но уральская тайга в первые десятилетия наступившего века уже интенсивно расчищалась для постройки новых железных дорог.

Фирма Н. Ипатьева выполняла подряд на прокладку железнодорожного пути Пермь — Екатеринбург. По этой дороге до сих пор ходят поезда, а в 1910 году по завершении ее успешного и качественного строительства подрядчика Н.Н. Ипатьева наградили золотым памятным жетоном. Его личные и деловые качества высоко ценились в екатеринбургском обществе. Он постоянно избирался в многочисленные городские комиссии и комитеты, состоял членом УОЛЕ — широко известного в России Уральского общества любителей естествознания, был приглашен в городской думский комитет по надзору за строительством Горного института в Екатеринбурге, был активным членом клуба служащих железных дорог и входил в попечительский совет Пермской железной дороги.

На групповой фотографии собрания попечительского совета, хранящейся в нашем семейном архиве уже более ста лет, мне известны два человека: родная сестра моей бабушки Ирода Спиридоновна Матвеева и стоя-

щий в центре усатый брюнет во френче — Н.Н. Ипатьев. Снимок сделан в 1910 году, стало быть, ему здесь сорок лет. Известно также, что муж И.С. Матвеевой, пермский адвокат П.А. Матвеев, консультировал и вел дела служащих Пермской железной дороги, в том числе и специалистов фирмы Н. Ипатьева. Надо полагать, что этот талантливый инженер еще немало бы послужил на благо Отечества. Но Октябрьский переворот перевернул и его жизнь. Прежде всего Ипатьев лишился своего дома предписанием в 24 часа убраться из него. Новая власть выбрала его особняк для проживания императорской семьи не случайно — в центре города, на открытом месте, что удобно для обороны в случае попытки захвата. Дом стал называться ДОНОм («дом особого назначения»), был срочно обнесен двойным тесовым забором, и в конце апреля 1918 года из Тобольска в Екатеринбург туда привезли Романовых. Я не стану описывать всем известные события, которые вскоре сделали дом печально знаменитым на весь мир. Сразу после расправы с семьей началось бегство большевиков из города, и вскоре в него вступили чехословацкие войска под командованием генерала Войцеховского. Какое-то время осенью 1918 года дом занимал командующий фронтом чешский генерал Р. Гайда... Ипатьев в своем доме больше никогда не жил, и, возможно, именно отступление с чехами предопределило выбор его нового местожительства.

▼ Молебен на месте снесенного Ипатьевского дома.
Фото 1990 г.

▼ Здание екатеринбургского вокзала. Фото начала XX в.

▲ Буклет, посвященный церемонии прощания с царскими мучениками. Издан в 1998 г.

В 1920-е годы в доме находился Музей революции. «Расстрельную» комнату «восстановили» (обшивка стен и пола с застрявшими пулями и штыковыми отверстиями была вывезена белыми при отступлении) и водили туда экскурсии. Затем в доме размещались Антирелигиозный музей, партийный архив, коммунальные квартиры и разного рода конторы. В 1974 году дом поставили на охрану как памятник истории и культуры. А в 1977-м, в бытность Ельцина секретарем Свердловского об-

▼ Собрание попечительского совета Пермской железной дороги. В центре – брюнет с густой шевелюрой во фраке – Н.Н. Ипатьев, третья слева – И.С. Матвеева. 1910 г. Публикуется впервые

кома партии, здание взорвали по постановлению Политбюро – опасались повышенного внимания зарубежной общественности в связи с приближением роковой даты 17 июля 1978 года – 60-й годовщины со дня трагедии.

В 1998 году, в 80-ю годовщину, останки Романовых были с почестями захоронены в Петропавловском соборе в Петербурге. Но сначала венценосных узников проводил Екатеринбург.

В тот день было очень жарко, все пространство перед собором было заполнено народом, у многих в руках цветы. В храм сумели попасть далеко не все желающие. Людской поток не иссякал, наоборот, ближе к 12 часам – объявленному торжественному моменту – люди все прибывали. Вдруг за несколько минут до полудня небо внезапно покрылось тучами, и с первым ударом церковного колокола, в момент выхода из собора траурной процессии, разразился страшный ливень. Как некий знак – прощания, покаяния?.. Военные несли урны. За ними медленным шагом следовали важные чиновники – без зонтов, под проливным дождем, который внезапно прекратился, как только они начали садиться в машины, отъезжающие в аэропорт. Через несколько минут снова засияло солнце...

Наверное, уместно здесь упомянуть, что к этой дате мне удалось с помощью одного частного издательства выпустить цветной буклет с фотографиями и стихами уральского поэта Германа Дробиза. Накануне церемонии прощания его раздали гостям на пресс-конференции губернатора, а на следующий день какое-то количество экземпляров я раздала горожанам на площади. Помню, меня удивило, что никакой официальной печатной продукции не было. Похоже, наша с Германом инициатива была единственной, а буклет стал раритетом (тираж – 500 штук).

В начале 1990-х, отчаянных годов, когда вроде бы начиналась но-

вая эпоха, этот дом, теперь уже только его изображение, опять возник в моей жизни. Я его многократно рисовала, так же, как и прочие заметные городские особняки, а деловые люди покупали у меня эти картинки в качестве сувениров для поездки за рубеж. И, в конце концов, я изобразила его на бумажной купюре достоинством 20 уральских франков – был у меня такой заказ в 1991-м году. Идея создания Уральской республики кружила головы молодым уральским политикам. И первое, что они сделали, – напечатали новые деньги, «уральские франки», для которых я нарисовала эскизы. Двадцатилетие этого знаменательного для себя события я отметила в конце 2011 года публикацией статьи в интернете (в течение 20 лет свое авторство не заявляла). В мае этого года была опубликована статья «Как я рисовала уральские франки» в журнале «Петербургский коллекционер» (№ 3 за 2012 год).

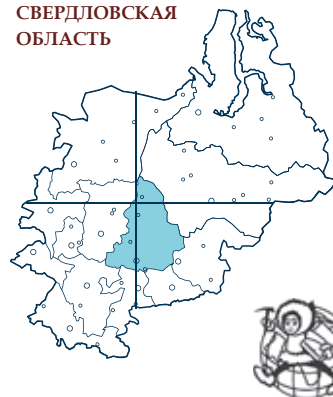
...Нынче в марте я снова побывала в любимой Праге. И на Ольшанском кладбище навестила своего земляка – замечательного русского интеллигента и патриота Николая Николаевича Ипатьева. Прах его покоится в крипте Успенской церкви. По возрасту он – ровесник моего деда, и, теоретически, я могла бы быть с ним знакома, когда жила по соседству, если бы он продолжал там жить. Прошлое не оставляет нас и во многом определяет наше будущее...

В статье использованы биографические сведения о Н. Ипатьеве из материала известного уральского краеведа Л. Сониной «Ипатьевы из рода Ипатьевых».

Статья С. Демидовой была опубликована в пражском журнале «Русское слово» (2012. №№ 7–8). VG

▼ «Дом особого назначения» во время пребывания в нем царской семьи. На переднем плане – будка охранника и часовня-памятник

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

Двое любящих и Бог Нарышкинское барокко

Очередной очерк «Верхотурских былей-небылей» рассказывает о событиях конца 17 века, когда на Троицком Камне воеводой Нарышкиным возводился новый, вместо сгоревшего, деревянный соборный храм Святой Живоначальной Троицы.

Правительница Софья, между дворцовыми хлопотами, обмолвилась, что в сибирском граде Верхотурье сгорела соборная церковь и что не мешало бы послать туда воеводой какого-то из Нарышкиных — они храмы поднимать горазды. Нарышкины, конечно, головы поопускали, на правительницу не глядят: кому, сказать, охота от теплого государева местечка да в этакую сибирскую даль...

Григорий Филимонович тоже заопасался, да своей Матрене Степа-

новне о том дома и поведал. Матрена, как у нее водится, в ум не взяла, только проворчала будто про себя, что за Камнем от стрельцов и прочих московских смут опасу-те поболее будет.

Софья о нужде не забыла. А когда разговор о верхотурском воеводстве снова затеплился, Григорий возьми да головы и не опусти.

— А что, Григорий Филимонович, — сказала тогда правительница, — поставишь на нашем Верхотурье новый собор, может, и боярином награжу.

Матрена же, ворча, что Григорий и вечно-то все по-своему сладит, сразу принялась собираться, и по первому октябрьскому снежку немалое семейство Григория Нарышкина, новоставленного верхотурского воеводы, двинулось обозом по Бабиновке в путь.

Троицкая церковь, что дала имя верхотурскому Камню, полыхнула еще летним месяцем прошлого 1683 года. Деревянные храмы на Руси жили ненамного дольше людей, а Троице к той поре было ведь уже за девяносто.

Подоспевшие посадские охапками хватили иконы, книги, утварь и спустили подальше от огня и ветра — на низкий берег Туры. А Нерукотворный образ Спасителя, выпав из иконостаса, говорят, упал в реку со всей высоты Камня да и уплыл по течению. Мало что удалось вынести. Пламя, ликуя, слизнуло Троицу, не оставив даже голове-

шек. Одно пепелище и закоптелые обломки звона.

Как мытарились прихожане без соборной церкви, неведомо. А только осенью следующего года правительница Софья, при царях-недоростках Петре да Иване, отправила стольника Григория Нарышкина поднимать новую Троицу. Именно, сказать, строителем отпустила, а потом уж воеводой. И пока не поставил он новый соборный храм на Камне, обратно на Москву его не звали — семь лет Нарышкин строил-воеводствовал. Ни один до него и после градоначальник столько не усидел.

Москва, хоть и не до храмов приходилось ей в эту пору, а знала, кого послать. Григорий Филимонович Нарышкин был из тех даровитых царедворцев, кои умели себя держать, что у трона, что у плахи. Происходили от крымского татарина Нарышка, что объявился на Москве в середине XV столетия в пору Василия II Темного. А на московском «верху» оказались, когда царь Алексей Михайлович, после смерти жены своей Марьи Милославской, выбрал себе второй супругой боярыню Наталью Кирилловну Нарышкину. То есть угораздилось в самом месиве жесточайшей дворцовой смуты, когда по смерти царя Алексея Михайловича надо было выбирать между царевной Софьей, дочерью Марьи Милослав-

ской, и царевичем Петром, сыном Натальи Нарышкиной.

Вблизи трона умели Нарышкины взять свое, а взяв, весело и легко шиковали, устраивая быт своих поместий. Не скупились на зодчих, древоделов и резчиков. Вот и храмовых умельцев повастривали на своих подмосковных, смоленских, серпуховских, таврусских и прочих дареных усадьбах ладить деревянные, а потом и каменные церкви — не сказать богохульские, а этакие обмирщенные, по себе самим. Позднее, побывав за морем с легкой руки молодого царя Петра, понаглядевшись внешнего храмового убранства, Нарышкины начали принаравливать к архитектуре древнерусских посадских и городских храмов то колонны, не к делу приставленные, то фронтоны, пустоту прикрывающие, то кронштейны, только и держащие, что самих себя. И то сказать, что могла взять на пороге XVIII века Русь-молодуха от европейской зрелой дамы, кроме внешней невидали да румян? Эту храмовую бутафорию, украшенную затейливой резьбой по известковому камню на манер древнерусской деревянной росписи, ученые нарекли нарышкинским или еще московским барокко.

Вот из каковских был новый воевода Григорий Нарышкин. Но в Софью пору строить верхотурский собор из камня ему еще не было велено. И лесу-то, коего не за морем же искать, удавалось добывать для стройки с трудом, того и гляди, на свои кровные. Привез ли с собой Григорий Филимонович вместе с бригадой московских древоделов какого храмового умельца, своим ли норовом и опытом строил, это нам неведомо. Известно только, что к строительному делу лежала его душа: на Верхотурье он затеял, например, опись деревянного Кремля и всех слободских острогов, обозначив в ней, на радость будущим историкам и краеведам, годы построения каждой крепости.

Словом, несуетными его трудами стала подниматься на Троицком Камне новая кедрово-лиственнососновая соборная церковь — под непременно приглядом Ивана Михайлова, протоиерея-погорельца.

Помимо семейства — жenuшки Матрены Степановны, урожденной Гурьевой — из тех, надо думать, купцов Гурьевых, что оставили своего имени городок на русском Каспии

(ныне Атырау), нескольких разнополых нарышчат, меньшому, Семе, только год миновал, — привез Григорий Филимонович с собой на Верхотурье неподъемный груз недавних драматических событий и неуспешной памяти.

С воцарением еще малолетнего Петра Романова с Нарышкиных, родичей его матери Натальи Кирилловны, сняли недавнюю «милославскую» опалу. Возвратили из ссылки и немилости, многих пожаловали стольниками. Но тут разразился жестокий стрелецкий бунт 1682 года в пользу «милославской» же сестры Петра — Софьи Алексеевны. Брат Григория — Василий, 20-летний стольник, и двое дядьев были зверски зарезаны стрельцами. Другой брательник — Федор — тоже погиб в той дворцовой смуте. Чудом уцелел и сам Григорий, оказавшись в горячую пору в своем смоленском поместье. А Софья стала правительницей при малолетних братьях-царях Петре и Иване.

Смутным и терзаемым памятью ехал на Верхотурье Григорий Филимонович. Видение стрелецкого лиха неотлучно стояло перед глазами. Братья в той памяти еще живыми обрелись. И дядья... Ох и поубавил Нарышкиных стрелецкий бунт! А его, Григория, горестно вопрошал воевода, для какой такой надобы оставил-уберег его ангел-хранитель святой Григорий Нисский?

Но лихорадка стройки сразу захватила Григория. Всю воеводскую докуку доверил он градскому голове Иванову. А сам новую городовую храмину начал неведать от пепелища — восьмерик на четверике с алтарным выступом на восток. По самой по утрянке воевода с нарышкатами все в холщовых рубахах навыпуск, забрав волосы тесьмой, едва не первыми будили острожную округу — на посаде было их слышно. Только Матрену стройка реже видела. В темном, надвинутом на глаза платке, она и вовсе не стольничихой смотрелась, а купчихой едва не из раскольников. А ведь когда успевала, из-под какой руки — все про все о Григорьевой докуке знала-ведала. Разумела Матрена: хорош был ее Григорий, если то, что делал, перед ним живым видением маячило. Гоголем ходил тогда по стройке. Всюду был его догляд. Даже 13-летняя дочь Иришка свое задание знала.

Поначалу Москва о Нарышкине помнила, и прибывшим с ним плотникам была работа.

Уже и до наверхшия поднялась лиственнососновая нарышкинская храмина, остов луковичного купола принялись ладить плотники, когда Ба-

на Плещеевом озере, три века
лидался российский флот...

◀ Здесь создавался потешный флот Петра I. Художник В.С. Емышев

биновка стала приносить вести о чудачествах юного царя Петра. Что, мол, на озере на Плещееве в Переславле-Залесском ладит он небывалую на Руси флотилию из яхт и галер и войско собирает «потешное». Все бы потеха, да ведь и выбрал же время державный юнш — когда вернулась ни с чем из-под Крыма едва ли не 100-тысячная рагь Софьина любимца князя Василия Голицына. И опять же не до потехи было Софье, когда Петров флот и войско стали именитыми боярами полниться и опекаться. И все неистребимые Нарышкины, знамо дело, тут как тут.

Потекли для Григория смутные дни. Засвербило ретивое, и опостылела стройка. Опять, гляди-ко, буза затевается на Москве. И почто он вечно на отшибе — то в смоленской деревне, а теперь вот аж за Камнем?

— Слышь, Матрена? — то и дело заводил разговор Григорий. — Родич-то наш зубы запоказывал. И все наши к нему подались. А мы тут бревна тешем.

— Кто руками, а кто Божьим промыслом — кажный к своему делу приставлен, — ворчливо отмахивалась Матрена. — Родич твой войско собирает, а ты — храм. Не одними, руками...

Ходит Григорий по стройке сам не свой. «Не одними руками...» — передразнивает жену. «Не одними... А он у меня почто одноглавый? — вдруг ему мелькнуло. — Нас у Петра-воителя вона сколько на Москве!». И по-другому глянул Григорий на свое храмовое творение. Словно бы не Софья-правительница послала его сюда, а само провидение — в его, нарышкинском, храме запечатлеть мгновение времени. И он не одной своей жизнью, а многими жил теперь на земле.

Не глянулся уже ему комольный однокупольный собор, а запросилось многоликое пятиглавие. То ли будет это Божий сын с евангелистами, то ли юный Петр в нарышкинском окружении. То ли церковь он теперь поднимал, то ли летословие творил своего беспокойного века. Что ни купол-свеча — то судьба и лик. Первый из четырех ладил в память жертв стрелецкого погрома, братьев и дядьев незабвенных. И смотрел у него тот поминальный купол строго на закат светила — в страну мертвых.

— Второй будет юному и распотешному воинству Петрову, оно теперь на юг повернуто, на неподатливый под турками Азов, — расписывал он Матрене. — Третий — отдам несчастному брату Матвею — слышать,

▲ Правительница Софья

возвел его Петр той же потехи ради патриархом всепеньейшего собора. Без греха, погляжу, не бывать бы Петровой потехе, а без потехи и флоту Плещееву не бывать. А четвертый, Матрена, будет наш с тобой и артели нашей — делописцев храмовых.

— Тебя, непутевого, послушать, так без ада и раю не бывать.

Так привычно диагональное расположение глав в храмовом пятиглавии обрело новый, «нарышкинский» манер — по странам света.

Вот уже и пять луковичных глав на восьмигранных барабанах воспарили над Камнем, когда прислал Нарышкину отписку тобольский воевода Алексей Петрович Головин. Боярин писал, что по наущению прелестника и вора Якушки Лепихина крестьяне-вероотступники Красноярской слободы намерены устроить саможог, и сам убежлый Якушка прячется где-то в верхотурских подгородных селениях. Еретика велено было поймать, а раскольничий саможог остановить. Такое одному городскому голове не поднять — с воеводы будет спрос.

Нарядили сысжной отряд стрельцов под началом сына боярского Михаила Бабыкова. В Красноярскую слободу поспели они вовремя. Но Якушка таки убег, только братьев его и двоих ребятенков Бог помог из самого полымя выхватить. У дочушки рука, у парнишки бок обгорелым тряпьем обмотаны, глазешки затравленно зыркают.

Опять ночами не спал воевода. Вроде бы надо поскорее соборную церковь вершить, а у Григория руки опустелись. Якушка крестьян баламутит, сам при этом заметая след, а ведь крестьянам-то под православным опасом обретаться бы надобно. И опять отчужденной глянулась Григорию его Троица, отрешенной от смертельных событий. И воротился Григорий ночами в полусне-полуобреду. Толпы мерещились, огонь, плач неумный — и его безучастная, пустая, как колодец, Троица.

Матрена тоже не спала теми его ночами. «А помнишь, Гриша, нашу субботинскую?» — спросила однажды будто бы невзначай. И сразу встала у него перед глазами их смоленская усадьба Субботники, и церковь посадская — всегда-то что тебе пчелиная колода, людьями напичканная.

«Ба! — всполохнулся Григорий. — Да как же в эко-то время храму соборному без трапезной! Где народ-то гоношиться будет? В Якушкиной, гляди, избе? Если уж гореть, то в храме! А не даст, не попустит Троица!».

— Матрена, ты спишь? А, Матрена? Трапезную ведь надо...

— Да утомонись ты! Знать, так делай. Поперешной...

Так городской соборный храм Григория Нарышкина обрел вроде бы и неуместную ему по чину трапезную.

Споро затем пошла его стройка. Если бы Москва не тормазила. Там не до туринаского Камня было. Троевластие сказывалось во всем. Софья трон упускать не хотела, крымская кампания ее фаворита Василия Голицына не удалась, а 16-летний Петр будто каким балоуством войско и флот собрал невдали от трона... Чужло Софьино сердце — не по ее поворачивается дело на Москве.

В 1689-м Петр стал единовластным царем, а Григорий-летописец неумоно ставил на Верхотурье вдохновенную первыми деяниями Петра и устремленную ввысь колокольню Троицы. В те же годы вершилась на Москве нарышкинского стиля колокольня Новодевичьего монастыря и едва ли не выше других вознеслась над столицей. А в стенах того монастыря доживала свои дни постриженная в монахини опальная правительница Софья...

Нарышкинские зодчие любили восьмерик — сначала деревянный сруб со скошенными углами, а потом и в кирпиче. Говорят, восьмерик напоминал своим видом башни маяков, коими в эту же пору начали об-

заводиться и российские порты, заливы и устья рек. Восьмерик за восьмериком поднималась и деревянная колокольня Троицы, завершившись восьмигранным же шатром и куполом-луковицей тоже на восьмигранном барабане.

Купола пятиглавия и колокольни покрыл Григорий малахитовой зеленью — цветом святого духа.

...Только с угасанием дня собиралось семейство в воеводском доме и, повечеря, укладывалось на боковую.

— Не Симеон я Полоцкой, Матрена, — отдохновенно сетовал Григорий. — А то измыслил бы свой «Вертоград многоцветной». Да ведь Бог не дал. Ставь, мол, храмину.

— А храмина чем тебе не сад-вертоград? Може, он тебя на то и ниспослал? Непутевой ты, непутевой, — ворчала, как всегда, Матрена. — Да убери ручищу-те. Семерых уже наплодил, а все лапашь.

Но руки его не сняла.

В 1691-м Григорий Филимонович покинул Верхотурье и был наречен боярином.

Но каким же коротким оказался век деревянной Троицы Григория Нарышкина! Семь лет он ее творил и почти столько же времени его деревянная сказка радовала глаз и умиротворяла душу. Потому что уже в 1698-м от молодого царя пришел указ строить на Верхотурье каменный кремль и новый из камня же соборный храм Троицы. А нарышкинский раскатать.

Тотчас прибыли каменных дел мастера московской выучки. Камень бутовый принимался искать в округе, глину для стойкого кирпича, извест-

ковый камень для отделочного куража. Но вот загадка: ни имени зодчего того белокаменного храма, ни образцов, ни сметной росписи, ни планов в архивах до сего дня не было обнаружено. А ведь подобные руководства были тогда в обычае. По присланным из Москвы чертежам, например, возводились даже каменные воеводские хоромы и приказные палаты Верхотурья. А белокаменная Троица Живоначальная (в наши дни она признана памятником, охраняемым ЮНЕСКО) словно бы ни откуда или Божиим промыслом взялась.

А не донеслось ли до царя благовестие о деревянной нарышкинкой сказке? Ну от того же, скажем, начальника Сибирского приказа и Приказа артиллерии Андрея Андреевича Виниуса, построившего на Урале первый казенный доменный завод на Невье (Нейве)? Он в 1702-м как раз «гостил» в Верхотурье и писал оттуда Петру. Искал позарез надобные царю и России руды для железных и медных заводов. До такой степени надобные, что велено было царем снимать иные колокола и переплавлять в ядра. О той нужде и письма Виниуса. Не он ли где-то между строк, в устной ли беседе отдал должное нарышкинскому творению? А Петр с легкой его руки решил, что не надобно новому храму ни зодчего, ни чертежей, коли стоит рядом свежий живой образец. Не пускать же на ветер труды верноподданного родича и деньги из государевой казны.

Исследователи храмового и дворцового русского зодчества давно и доказательно установили, что прототипами барочных строений московско-нарышкинского стиля при всей его новизне остаются образцы русского деревянного зодчества. Хоть взять трехчастные посадские церкви, как наша Троица, хоть самые оригинальные «нарышкинские» творения, подобные многоглавому Большому собору Донского монастыря в Москве. Воплощаясь в камень и расцветиваясь барочными изысками начала петровского царствования, и наша Троица осталась верна «деревянной» основе-фантазии, к которой тяготели русские мастера. Словом, у первого верхотурского храма-песни слова Нарышкиных, а музыка народная.

Итак, рядом с основоуниверсальной сказкой стал подниматься ее двойник — белокаменный соборный храм с приделами. **VC**

◀ Стрельцы выволакивают Нарышкина. Художник А.И. Корзухин

«Не могу не быть священником»

«По Вагаю места хороши... Земля расчищена по реке... Переехав Вагай, места становятся пустее. От Кусеряка до Готопутова — волок, т. е. пустые места, где начинают строиться мужики из-за Ишима. 10 верст от Кусеряка места становятся выше, по Ишиму очень хорошие...». Эти строки были написаны Александром Радищевым в 1790 году. Знаменитый путешественник-правдолюбец проехал по аромашевским местам дважды: сначала в ссылку, спустя несколько лет — обратно.

Через сто тридцать лет тем же путем пройдет дальний потомок первого русского революционера — аромашевский священник Михаил Григорьевич Красноцветов. Ссылка предка закончится в Калуге. Крестный путь отца Михаила — в тюменской тюрьме, в скорбном 37-м...

Род Красноцветовых происходит из Костромской губернии, где уже с XVIII века его представители были псаломщиками, чтецами, а затем диаконами и священниками. Отец и дед Михаила Григорьевича — оба служили в калужских храмах. Есть версия, что в Калуге и пересеклись два рода — Радищевых и Красноцветовых. Об этом свидетельствует сохранившаяся в семейном альбоме старинная фотография-дагерротип, на которой изображена молодая женщина. На обратной стороне подписи: «...от любящей тетки Веры Радищевой». Прадед отца Михаила — Григорий Александрович Красноцветов — был женат на урожденной Марии Радищевой, сестре той самой Веры. Кем они приходились знаменитому писателю, еще предстоит выяснить любителям дворянских родословий: у него было семь детей от двух жен.

Казалось, путь Михаила Красноцветова был предопределен: окончив калужскую духовную семинарию, он неминуемо должен был продолжить дело своих предков. Однако неожиданно для родни Михаил поступил на юридический факультет Московского университета.

Сведения о дальнейшей его жизни в разных источниках несколько расходятся. Так, по воспоминаниям супруги и внуков, окончив в 1906 году университет, молодой юрист служил судьей в судебной камере на Таганке. Однако сам Михаил Григорьевич приводит несколько иные факты: «В 1909 году, не окончив университет, вышел и поступил на службу сельским учителем в село... Меленковского уезда Владимирской губернии, где проживал и служил в данной должности по 1911 год. С 1911 по 1917 год служил участковым земским страховым агентом. В 1917 году при правительстве Керенского избран мировым судьей, по-

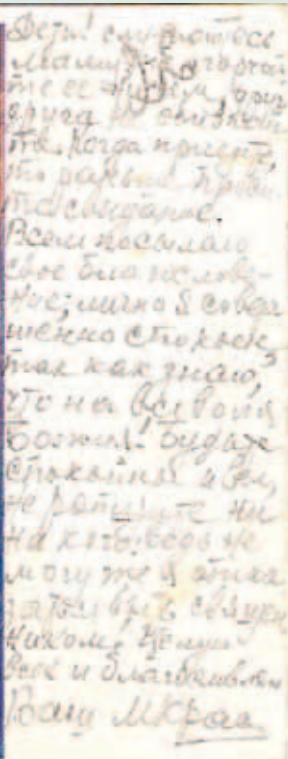

Ольга Ожгибесова

Окончила Уральский гос. университет. По профессии — журналист и редактор. Печаталась в различных изданиях Москвы, Екатеринбурга, Тюмени. Автор нескольких книжек стихов и прозы. Живет в Тюмени.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

сле Октябрьской революции оставлен народным судьей в городах Меленки и Гусь-Хрустальный до 1920 года».

Наверное, этим сведениям стоит верить, ибо зафиксированы они в уголовном деле № 115 во время допроса в тюменском ГПУ в 1931 году.

Еще будучи студентом, Красноцветов участвовал в революционных волнениях и даже задерживался полицией. В те же годы женился — избранницей его стала девушка из обедневшей дворянской семьи, получившая, впрочем, хорошее образование: Мария Николаевна, урожденная Давыдова, была пианисткой и преподавала музыку в приюте для сирот. К 1917 году в семье родилось уже пятеро детей.

Именно о них, в первую очередь, думали супруги Красноцветовы, когда в Москву, измученную революцией и Гражданской войной, пришел еще и голод. Жалования народного судьи не хватало, чтобы прокормить семью. Продавали и меняли на продукты все, что было ценного в доме. Не помогало... К тому же религиозно настроенную Марию Николаевну пугали воцарившиеся в столице нравы. Ей казалось, что началось пришествие Антихриста...

Из Москвы решено было уехать. Вот только куда? В Центральной России народ умирал от голода. Зато за Уральскими горами, словно призрачное Эльдorado, манили бескрайними хлебными полями просторы загадочной Сибири... На семейном совете решено было ехать именно туда.

В показаниях М.Г. Красноцветова (1931 г.) читаем: «В 1920 году я прибыл в Сибирь, в с. Кротово бывшего Ишимского округа, где поступил на должность пожарного страхового инструктора...».

Судя по всему, Красноцветовы не имели ни малейшего понятия о том, куда едут. Должно быть, Сибирь представлялась им сытым, благословенным краем, где живут нравственно чистые, добрые, богобоязненные люди, и казалось, что с этим переездом закончатся их беды. Они не подумали о том, что Гражданская война, словно цунами, уже прокатилась и по сибирским деревням и селам. Они не знали, что непонятное слово «продразверстка» с лета 20-го года стало воплощением беды для

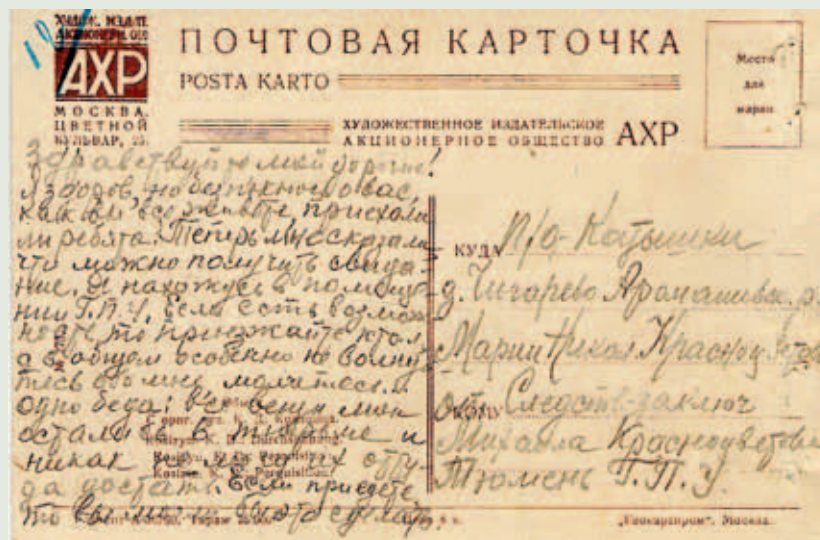
сибирского крестьянина. И кому какое дело было до их семьи, бежавшей из голодной России в поисках покоя и благополучия?..

Мария Николаевна Красноцветова вспоминала: «Муж пошел смотреть свою «камеру» (контору) и пришел в ужас от царившего там разгрома. Бумаги «дел» изорваны на цигарки проходившими по этой местности войсками — то Колчака, то красных, то каких-то авантюристов. Восстановить что-либо не было никакой возможности. Муж писал в Москву, но никакого ответа не получил... Продовольствия нам никто не давал, пришлось все менять на свой скерб...».

Называется — приехали... Но самое страшное еще ожидало впереди.

Февраль 1921 года обрушился на Аромашевский район не только метелями, но и кровавым крестьянским мятежом. В течение всего предыдущего года советская власть выребала из закромов зерно, которое так нужно было пухнувшим от голода городам Центральной России. Крестьянин скрипел зубами, но расставался с хлебушком, добытым нелегким трудом и политым соленым мужицким потом. Но терпение русского народа не беспредельно...

Из воспоминаний М.Н. Красноцветовой: «В это время была очередная продразверстка, опять забирали у людей так называемые «излишки». Наконец, народ возмутился отнятием последнего мешка хлеба и началось ужасное восстание. Мужики пошли воевать — трудно передать этот ужас. Не щадили и не разбирали ничего. Советский служащий — значит, враг... В селе, где мы жили, перебили всех служащих в сельсовете и всех учителей... Скоро началось настоящее междуусобие — приехали красные «усмирители», кровь полилась рекой. Жили все время под стра-

По делу № _____ 11

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

31- Мария 1931 г.
 Кошмаров
 Кошмаров

Томенской Оперативной группы ППОГПУ по Уралу
 допроса с соблюдением 128-142 ст. Угол. Проц. Кодекса
 которого поназал:

исполнениваного в качестве

1. Фамилия, имя и отчество *Красноцветов Михаил Григорьевич*
2. Возраст *47 лет*
3. Место рождения *г. Аркаим*
4. Семейное положение *Женат 4 лет*
5. Пользуется ли избирательным правом *лишен с 1921 г. как священник*
6. Имущественное положение
7. Образование: общее *среднее*
 специальное *юридическое*
8. Происхождение *сын священника*
9. Партийность *б/п.*
10. Политические убеждения
11. Чем занимался до Февральской революции 1917 г.
12. Февральской до Октябрьской 1917 г.
13. Октября 1917 г. по день допроса.
14. Последнее место службы или работы и занимаемая должность *священник с. Армашьево*
15. Адрес квартиры *д. Чекаева Армашевского района*
16. Сведения о прежней судимости
17. Отношение к обвинению

Показания по существу дела *Я радился в семье священника в Аркаиме в 1909 году и не окончил курс Екатеринбургского университета и пошел на службу в*

Томень, губ. арх. об-д. Уральскитраф. заказ № 54—20 г.

М. Крамар

хом смерти — от рук не одних, так других...».

Из огня да в полымя... Ирония судьбы: сын священника, бывший царский служащий, бежавший из Москвы подальше от всевидящей «чрезвычайки», в одночасье снова оказался в списках врагов, но теперь уже восставшего против коммунистов народа.

Из показаний М.Г. Красноцветова (1931 г.): «В 1921 году наша местность, т.е.с. Крогово, была захвачена повстанцами, и нас, несколько человек совслужащих, арестовали, но потом выпустили...». Мир не без добрых людей... Спасать отца, рискуя собственной жизнью, бросился старший сын Григорий. Прибежав в сельсовет, где повстанцы решали судьбы арестованных, он закричал: «Папа мой — не коммунист! Отпустите его!». «В то время там находился наш сосед Семченко, — вспоминала позже Мария Николаевна, — муж однажды дал ему какой-то юридический совет, который очень помог. Этот сосед под-

твердил слова Гриши, сказав: «Ребята, он — не коммунист, у него икон полон угол». Мужики послушали его и отпустили мужа. Разве это не чудо Божие?».

Чудо случилось и еще однажды. Как-то в дом Красноцветовых вошел Петр Семенович Шевченко, командир повстанческого отряда: «...мужик очень умный, организатор, он собрал

и устроил правильное войско, посадил своих солдат на коней, и эта кавалерия отовсюду победоносно прогоняла «усмирителей».

— А вы, товарищ, что же? — обратился он к хозяину. — Коли за нас, так пойдем с нами воевать. Мария Николаевна пришла в ужас. Остаться одной, с пятью детьми на руках, без всяких средств к существованию, в глухой сибирской деревне? «Вот когда взмолилась душа моя, все существо мое в едином порыве возопило к Богу о помощи!»...

— Товарищ Шевченко, — сказала она, — муж мой для вас совершенно бесполезный человек, он плохо видит... Да и что же я буду делать одна с детьми? Пожалейте детей!

Шевченко огляделся.

— Это все ваши?

— Да, наши...

Шевченко вычеркнул Красноцветова из списка, который держал в руках, встал и вышел из дома.

И все-таки от судьбы не уйдешь... Может быть, Михаилу Красноцветову, юристу, не востребованному советской властью, признававшей только один закон — закон силы, на роду было написано продолжить дело отца и деда, став священником. А может, испытания, выпавшие на его долю, привели к такому решению, тогда казавшемуся единственно верным, но в итоге ставшему роковым.

22

Выписка из протокола № 15
 Заседания тройки ППОГПУ ПО УРАЛУ 20/VI 31

Дело № *3676* по обв.
КРАСНОЦВЕТОВА Михаила Григорьевича по ст. 58-10 УК.

КРАСНОЦВЕТОВА Михаила Григорьевича заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок наказания с 29.III-31г.

Выписка в ерна:
 Уполномочен. ПСО *Ботоманов*

Из показаний армашевского крестьянина Ивана Павловича Жвакина (1931 г.):

— По словам жены священника с. Кармацкое о. Василия Плешкевича, будто бы Красноцветов сам открылся ему, что в священники пошел, потому что когда было восстание в 21-м году, то его, как сов. служащего, заперли в подвал и хотели казнить. Но он дал

мужикам и Богу обет, что, если жив будет, уйдет с советской службы и посвятит себя служению народу... Для него между понятиями «служение Богу» и «служение народу» стоял знак равенства.

Из показаний М.Г. Красноцветова (1931 г.): «...считаю несовместимым служить в сов. аппарате на ответственных постах и быть религиозного убеждения».

Переезд в Сибирь не стал спасением. Юрист и пианистка — их знания и таланты оказались никому не нужны в этой глухомани. Не до музыки — выжить бы... В деревнях, опустошенных продразверсткой, начался голод... Когда стало ясно, что ни работы, ни жалованья не будет, Михаил Григорьевич решил узнать волю Господа: написал несколько записок, положил их в алтаре, на престоле. Затем помолился и выбрал одну. Вышло: «быть священником»... В ноябре 1921 года М.Г. Красноцветов отправился в Тобольск, к владыке Иринарху, чтобы принять сан. По тем временам путешествие и без того должно было стать долгим — недели три-четыре, но жена и дети ждали его два месяца. Ждали, уже почти потеряв надежду: он мог наткнуться на остатки разбитых и разрозненных повстанческих отрядов — банд, как их называли, еще скрывавшихся по лесам и выходивших к жилищу, чтобы разжиться продовольствием. Мог попасть в руки красных, гонявшихся за повстанцами, что тоже не сулило ничего хорошего: стреляли и рубили, не разбирая, кто прав, кто виноват, без суда и следствия. А тут — интеллигент из бывших.

Его задержали-таки в каком-то селе по дороге на Тобольск. При обыске обнаружили в портфеле документы об образовании и письмо к архиерею от кротовского священника. Для расстрела вполне достаточно. Но опять, в очередной раз Бог, в которого так верил Михаил Григорьевич, отвел занесенную для удара руку: поостыв, арестовавшие его продразверстчики попросили помочь наладить учет реквизированного хлеба. Красноцветов согласился. Впрочем, у него не было выбора...

До Тобольска он добрался только через месяц, а спустя еще один вернулся домой — уже в сане священника.

Из Кротово семья перебралась в деревню Малая Скаредная — там, в маленькой церкви, должен был служить отец Михаил. Поселились в доме священника, жили своим хозяйством, как все вокруг, и на пожертвования. Жили скудно, бедно, едва сводя концы с концами, — к 1924 году в семье прибавилось еще двое детей. Семеро по лавкам...

А беды не отступали. Сельские власти решили открыть в деревне начальную школу и не нашли под нее лучшего помещения, чем дом священника. Семью батюшки, не задумываясь, выбросили на улицу. Никому и в голову не приходило, что крова над головой лишились ни в чем не повинные дети! Отец Михаил вынужден был ночевать в церковной сторожке, а Мария Николаевна с малышками ютилась в маленькой заброшенной избышке.

Так продолжалось, пока Михаила Григорьевича не перевели в Аромашево — районный центр. Продав все, что можно, семья с трудом наскребла небольшую сумму денег и построила собственный дом. Казалось, можно сделать выдох — теперь у них была своя крыша над головой. Завели огород, небольшую пасеку; отец Михаил крестил детей, отпевал умерших, в Рождество ездил с детьми по селу со славой «Христос воскрес!» — тогда семье перепало немного денег и продуктов. А тучи тем временем сгустились над его головой...

Борьба с классово чуждым элементом в деревне принимала часто изощренные формы. К примеру, дети священнослужителей не имели права учиться в школе. Чем уж они так провинились перед советской властью? Самого отца Михаила регулярно арестовывали, увозили на допрос и допытывались: как посмел он оставить должность советского служащего, уехать из Кротово, куда его направили из Москвы, да еще и стать священником? Вот так: сначала упразднили должность, оставив человека без работы, а потом это же поставили ему в укор...

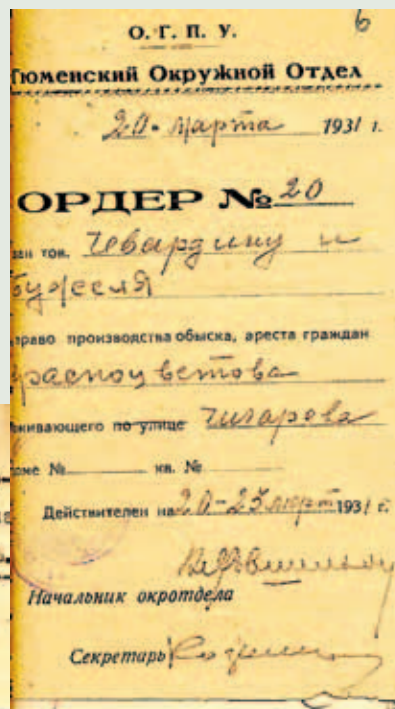
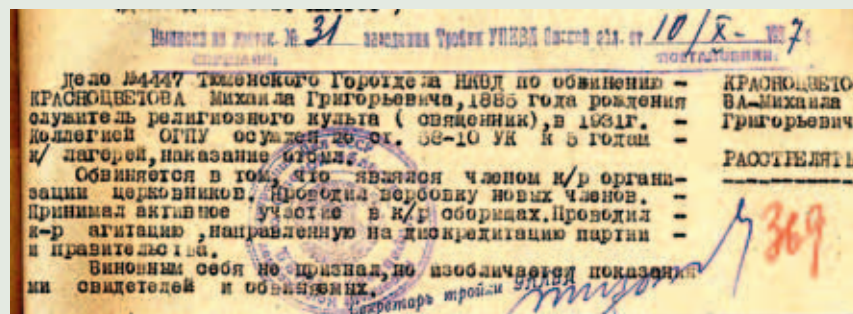
Но все это были только цветочки. Когда началась коллективизация, Красноцветовых, едва сводивших концы с концами, объявили... кулаками! Со всеми соответствующими последствиями: семью раскулачили, отняли последнее имущество и выгнали из собственного дома...

Из показаний Андрея Егоровича С., крестьянина с. Аромашево (1931 г.):

— Священника Красноцветова я знаю с момента назначения в Аромашевский приход. Он проявил себя как противник существующего строя. Говорил: «...вот рабочие имеют свои права, а крестьяне нет, и даже своего союза не дают организовать. Потому что советская власть крестьянского союза боится, старается задавить попытки крестьян организоваться». ...По убеждению он крайне реакционный, но пользуется большим авторитетом среди крестьян-верующих. ...Говорил, что если не встать на защиту церкви, то православие уничтожат, что нужно организоваться и объявить борьбу Советской власти за... мучение православия».

Из показаний Трофима Ивановича А., крестьянина с. Аромашево (1931 г.):

— Священника Красноцветова я знаю, как личность, настроенную против существующего строя и все время ведущего почти открыто агитацию. Призывает бороться с колхозами как организациями антинародными: «Советская власть говорит, что не против религии, а на самом деле даже не дает свободно молиться. Прав папа Римский, когда призывает на-

▲ Последняя фотография.
1937 год

род к крестовому походу против этих извергов-большевиков... Надо объединиться и идти на защиту храма, и если мы этого не сделаем, храм уничтожат».

Были эти наговоры правдой, нет ли — трудно сейчас судить. Скорее всего, общаясь с прихожанами, отец Михаил мог, не сдержавшись, резко отозваться о действиях власти — тогда, в конце 20-х, за это еще не наказывали. Кто же мог знать, что пройдет всего несколько лет, и однажды неосторожно сказанные слова повлекут за собой большие неприятности? Кто же мог знать, что наказывать в государстве, провозгласившем победу всеобщего равенства и социальной справедливости, начнут не за действия, а за слова и даже за мысли?.. Которых, возможно, и не было...

29 марта 1931 года М.Г. Красноцветов был арестован — за контрреволюционную агитацию против советской власти.

Постановление о приступе к следствию: «...Используя свое служебное положение и фанатизм масс в контрреволюционных целях, в своих проповедях агитировал крестьян против вступления в колхозы и за не отпуск детей в школу. Ведет агитацию среди населения о создании крестьянского союза».

Отец Михаил виновным себя, конечно, не признал, что не помешало следователю ОГПУ Никитину написать в обвинительном заключении: «...инкриминируемая преступная деятельность... следствием вполне установлена и свидетельскими показаниями подтверждается». Приговор тройки

Бабушка Мария Николаевна Красноцветова
Конец 60-х годов

ПП ОГПУ по Уралу гласил: «Красноцветова Михаила Григорьевича заключить в концлагерь сроком на 5 лет».

В конце 20-х — начале 30-х в Советском Союзе был только один лагерь для политических заключенных — СЛОН: Соловецкий лагерь особого назначения. В четвертом его отделении на реке Вишере, печально известном по произведениям Варлама Шаламова, бывшего эка Вишерлага, отбывал свой срок и аромашевский священник Михаил Красноцветов. Ему еще «повезло», если можно считать болезнью везением: на корчевке пней отец Михаил, надорвавшись, заработал себе кровотече-

ние и был переведен на работу счетоводом. Но вместе с остальными заключенными жил в бараке, — сколоченные из досок, они продувались всеми ветрами, не спасая от холода, и зимой за ночь волосы примерзали к стене. Уму непостижимо, как можно было выжить в таких условиях, но выживали...

Еще из тюрьмы о. Михаил написал письмо своей семье. Судя по тому, что оно сохранилось в деле, никто и не собирался передавать детям благословение отца: «Дети! Слушайте маму и не огорчайте ее ничем, друг друга не обижайте... Всем посылаю свое благословение; лично я совершенно спокоен, т.к. знаю, что на все воля Божия! Будьте спокойны и вы, не ропщите ни на кого: ведь не могу же я отказаться быть священником. Целую всех и благословляю».

В 1936-м, отбыв свой срок от звонка до звонка, Михаил Григорьевич приехал в Тюмень, куда к этому времени перебралась его семья.

Улица Таборная до сих пор существует в нашем городе — между улицами Циолковского и 50 лет Октября. Судя по названию, здесь когда-то жили цыгане, а в начале 30-х годов в маленьком, на два окна, ветхом, но зато своем доме под номером 20 поселилась семья опального священника — в нескольких минутах ходьбы от Храма во имя Всех Святых.

В 1930-м году все храмы Тюмени были закрыты. Все, кроме Всехсвятской церкви. Ее собирались отдать под школу, но по какой-то причине передумали, и церковь долгие годы оставалась единственным открытым культовым зданием в Тюмени.

В истории храма, опубликованной на официальном сайте Тобольско-Тюменской епархии, имя отца Михаила Красноцветова не упоминается, однако, вернувшись с Соловков, он служил священником именно здесь. А в свободное от служб время занимался домашними делами — топил печь, варил обеды, помогал жене — она зарабатывала тем, что стегала одеяла. В общем, вел обычную жизнь, наслаждаясь домашним покоем и общением с близкими, по которым так скучал долгие пять лет в Вишерлаге.

В июле 1937 года праздник св. Петра и Павла пришел на 12-е число. Сын Григорий решил сфотографировать на память всю семью; уговорили и отца Михаила, который не любил фотографироваться. На этом снимке — в последний раз вся семья вместе. В ту же ночь Михаил Григорьевич Красноцветов был арестован...

Заговоры против советской власти мерещились ее адептам повсюду.

Но война с призраками оборачивалась войной с реальными людьми. В июле-августе 1937 года тюменским отделом НКВД были арестованы 36 человек — священнослужителей и верующих — по обвинению в участии в контрреволюционной организации, целью которой, конечно же, была борьба с советской властью. Читать материалы дела № 2099 за 1937 год и смешно, и горько.

Одним из главных его фигурантов стал некто Л.Я. Кондаков. В обвинительном заключении о нем говорится следующее: «Обвиняемый Кондаков показал, что в 1936–37 годах было вовлечено в контрреволюционную организацию 17 человек. Так, весной 1936 года у себя на квартире он одновременно завербовал Татищева, Румянцеву и Носыреву, в сентябре на квартире Носыревой завербовал Сажина, Алексеева и Белавину... В мае 1937 года Кондаков около сада им. Шверника завербовал своего бывшего (!) знакомого Миртова...».

Вот так — пришел, увидел, завербовал... Кто вовлек в «контрреволюционную деятельность» Михаила Красноцветова, осталось за кадром. В постановлении о предъявлении обвинения написано: «Вступив в контрреволюционную организацию настроенного духовенства, повел активную работу по спланированию духовенства и других контрреволюционно настроенных лиц для борьбы с советской властью... Красноцветова М.Г. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58, п. 10-11 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в тюменской тюрьме».

Дело «контрреволюционной организации» представляет собой

1900-е годы. Первый ряд: Михаил и Мария Красноцветовы с первой дочкой Галиной (умерла в младенчестве)

огромный фолиант. Все, что не имеет отношения к М. Красноцветову, закрыто белыми листами бумаги — чужие тайны остаются тайнами. Из 36-ти арестованных показания дали только тринадцать. Остальным, по всей видимости, вообще нечего было сказать. Но и эти якобы свидетельства вполне безобидны.

На допросе 7 июля Михаил Григорьевич отвечает на вопрос следователя:

— Виновным себя не признаю. Членом контрреволюционной организации не состою, контрреволюционной агитации не вел, в контрреволюционных собраниях никогда не участвовал.

— Ваше показание ложно, — заявляет ему следователь. — Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Я говорю только правду.

На втором и последнем допросе 19 июля Красноцветов продолжает стоять на своем.

Осенью, едва похолодало, Мария Николаевна решила передать мужу теплые вещи, но их у нее не приняли. Последним отца видел сын Григорий: как-то утром по дороге на работу он встретил группу арестантов. Куда их везли? Зачем? Отец Михаил тоже заметил сына и крикнул: «Прощай, Гришенька!». Уже знал свой приговор? Или предчувствовал близкую развязку?

Выписка из протокола № 31 заседания тройки УНКВД Омской области от 10 октября 1937 года: «Слушали дело № 4447 Тюменского горотдела НКВД по обвинению Красноцветова М.Г. ... Виновным себя не признал, но полностью изобличен показаниями свидетелей и обвиняемых. *Постановили: расстрелять*».

Приговор приведен в исполнение 12 октября 1937 года.

Остается добавить: из 36-ти арестованных по делу о контрреволюционной организации духовенства 35 были расстреляны.

Р. С. Заключение по архивно-следственному делу № 1165 от 19 дек. 1956 г.

«Я, старший следователь Управления КГБ при Совете министров СССР по Тюменской области капитан Быков, рассмотрев следующее дело № 1165, нашел: ...Обвинение предъявлено без оснований, т.к. контрреволюционной организации, членами которой якобы являлись обвиняемые по делу лица, не существовало. Обвинение доказано не было».

9 февраля 1957 г. Михаил Григорьевич Красноцветов реабилитирован по делу 1937 года. 14 сентября 1989 г. — реабилитирован по делу 1931 года. **✠**

Михаил и Мария Красноцветовы. 1916 год

Иллюстрации из архива С.Н. Согрина и фондов Чердынского музея

Железная дорога: земско-купеческий вариант

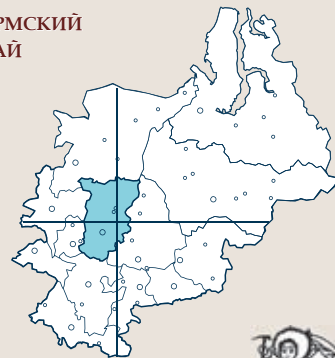
Пермь Великая Чердынь была присоединена к Московскому княжеству при царе Иване III. С середины XVI века Чердынь становится торгово-ремесленным и административным центром Верхнего Прикамья. Со второй половины XVII века в Чердыни идет процесс классового расслоения населения. Зажиточные «лучшие люди» начинают формировать первые купеческие династии Алиных, Могильниковых, Юргановых, Верещагиных, Оболенских...

Печорский волок

Ввиду того, что в XVIII – XIX веках соседний Печорский край по-прежнему был отрезан от центральных районов России, он во многом зависел от предприимчивых чердынских купцов. Древний волок с Печоры на Колву в Прикамье со времен Новгородского княжества оставался главной торговой магистралью вплоть до начала XX века. На север из Чердыни доставлялся провиант: крупчатка, соль, сахар, чай, хлеб, а также мануфактура, одежда, обувь, посуда, железные изделия, семена. Хлеб крупными партиями покупался в Кунгуре, Казани, Екатеринбург и других крупных городах. Водным путем на пароходах весь этот товар сосредотачивался в Чердыни. Из многочисленных деревень и поселков Печорского бассейна пушнина, рыба, дичь, кожи, ворвань, масло, брусяно-точильный камень тоже везли в Чердынь, а отсюда товары расходились по всей России и за границу. Перевалочной базой на Печоре для их складирования и хранения служила

пристань Якша. Среди купеческого сословия Чердыни XIX – начала XX века самыми предприимчивыми были представители Алинского рода, которые более ста лет вели торговлю в северном крае, настоя-

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Екатерина Мырзина

Заведующая отделом маркетинга и рекламы Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина.

Якшинская пристань на р. Печорѣ.

▲ Чердынь. Конец XIX в.

◀ В.Н. Алин

ке Волоснице, по которой можно было сплавиться до Печоры. Либо верхом напрямик до Якши. Даже при весеннем паводке здесь могли пройти только небольшие лодки с мелкой осадкой.

Купец первой гильдии Н.П. Алин почти каждый год по весне преодолевал этот путь, чтобы со своим товаром участвовать в сплаве на баржах по Печоре до Пустозерска в ее дельте. Вот как он описывает Волок в своих письмах жене Анфии Даниловне.

«Апрель, 29 дня, 1901 г. Пристань Усть-Еловка.

Милая Финочка!

...Вот уже третьи сутки как меня нет дома. Сейчас мы приехали в Усть-Еловку, пьем чай и сейчас же вперед. Сегодня к вечеру будем на Печорском Волоку». (В Усть Еловке у Алина было 6 амбаров и жил караульный).

«Пристань Якши, мая, 7 дня, 1901 г.

....До Волоку пробирались по мелким речушкам. Вода очень велика. Кругом море. Везли скоро. В лодке до Волоку лежали, даже надоело. Бока все устали. Ехали день и ночь, остановки только были пообедать да попить чайку. С Волоку 20 верст до Якши верхом. Дорога часть борами, большая половина болотами и речками. Ехать тут не завидно в болотах. Воды было полно, и река Волосница была боль-

шая. Хоть и с верховых и не слезали, но ехать было тяжело. На Волоснице перешли по мостикам, а лошади по брюхо вброд. В общем дорога плоха, сильно натрясло».

В начале XX века грузооборот на Камско-Печорском волоке достигал 1,5 млн пудов в год. О доставке такого количества товаров по древнему волоку не могло быть и речи.

Государственные и практические деятели еще с конца XVIII столетия думали об улучшении путей сообщения Камы с Печорой. Известны, например, проекты соединения каналами бассейнов Камы и Печоры, предлагаемые адмиралом Рибасом (1789) и генерал-майором Паренцем (1886). Купец В. Н. Алин «собственным счетом произвел изыскание грунтовой дороги... и составил проект такой дороги». Чердынское земство осуществило этот проект. Но из-за топких

◀ Н.П. Алин, Селиванов, Верецагин

размеров и камско-волжские парходчики закричали о «нефтяном голоде».

Чердынцы понимали, что если посредством железной дороги не дать выхода по намеченному направлению в целях выхода нефти ухтинской нефти, то, при отсутствии для бакинских нефтепромышленников конкуренции, бакинская нефть с 50 коп. за пуд легко может подняться до 1 рубля, и керосин будет стоить вдвое дороже. Большинство парходов в силу необходимости перейдет на дровяное топливо и через 30–40 лет леса на Каме и Волге исчезнут, реки обмелеют от заноса песками.

В 1910 году Чердынское земство возбудило ходатайство о постройке на казенный счет железной дороги от станции Усольская до села Троицкого на Печоре с ответвлением на Ухту. К ходатайству присоединились «Нижегородский и Пермский Биржевые Комитеты, Господин Начальник Пермской губернии, Соликамская Городская Дума и Пермское Губернское Земское Собрание».

В Петербург прибыла депутация из Чердыни. Кандидатом от города для совместного с земством ходатайства чердынская Дума единогласно выбрала гласного Думы купца Николая Петровича Алина. Он решил съездить на свои средства, а 300 рублей, специально ассигнованные ему для поезд-

болот дорога могла использоваться только в зимний период. Существовали и другие проекты. А крестьянин Суслов из села Камгорга предложил соединить Каму с Печорой посредством водно-железнодорожного пути.

Необходимость соединения железной дорогой Камы с Печорой еще в 1902 году признало и высочайше учрежденное Особое Сопровождение о нуждах сельскохозяйственной промышленности еще, но постройка Камско-Печорской железной дороги не осуществилась из-за чрезвычайных расходов на войну в 1905–1906 годах.

Чердынским купцам ничего не оставалось, как ежегодно зимой снаряжать санные обозы. Одни толь-

ко Алинские обозы до пятисот лошадей преодолевали 240 верст из Чердыни в Якушу и обратно. В Чердынском краеведческом музее сохранилась целая пачка квитанций за 1915 год купца Н.П. Алина, получаемых «возчиками» при доставке грузов на пристань Якушу. Бывало, что из-за капризов погоды санные обозы застревали в раскисших снегах, и тогда товары оседали в амбарах промежуточных баз на Семи Соснах и в Усть-Еловке.

Депутация

В начале XX века внимание печати, как столичной, так и уральской, обратилось к Печорско-Ухтинской нефти: цены на это топливо поднялись до небывалых

▲ Якшинский тракт В.Н. Алина

ки, предоставил Степану Алексеичу Верецагину, сказав при этом, что Городской голова, Потомственный Почетный Гражданин должен ехать обязательно. От Чердынского земства ходатайствовал выдающийся земский деятель, кавалер ордена св. Владимира 4-й степени Николай Степанович Селиванов.

При содействии пермского губернатора В. А. Лопухина делегаты были приняты Председателем Совета Министров П. Столыпиным. Ходатаи подали ему подробно мотивированную докладную записку о необходимости проведения Камско-Печорской железной дороги, предоставив и карту проектируемого пути. В докладной записке говорилось: «Серьезнейший вопрос о жидком топливе, связанный с монополией бакинских нефтепромышленников с одной стороны, и интересами промышленности, пользующейся жидким топливом, — с другой, нужно признать вопрос первостепенной государственной важности, и нужно поставить поэтому дело разработки ухтинской нефти в самых широких размерах, что возможно только при устройстве туда усовершенствованных путей сообщений».

Столыпин объявил, «что он вполне сочувствует такому ходатайству, так как со своей стороны признает эту дорогу полезной и необходимой как для края, так и в интересах государственного хозяйства, но, к сожалению, правительство не может принять постройку этой ли-

ческими и экономическими изысканиями, составить проект дороги и помочь в создании акционерного общества. Адрианову выдали полную доверенность. Он начал действовать энергично: уже в феврале 1911 года на имя Н. П. Алина из министерства путей сообщения пришло разрешение «произвести изыскательные работы по Камско-Печорской железной дороге на собственные средства».

На экономические и технические исследования Камско-Печорской железной дороги жителями города и уезда было ассигновано 31350 рублей. Наиболее крупную сумму внесли купцы Алины — 5 тысяч рублей. Соликамские солепромышленники Рязанцевы и Касаткин подписались на 1900 рублей. Соликамская городская Дума внесла 1500 рублей,

Привалъ на р. Вогулѣ.
Начало печерскаго волока.

нии в ближайшем времени на средства казны, так как в настоящее время все внимание правительства и ресурсы казны обращены на устройство второго Сибирского железнодорожного пути». Он посоветовал произвести изыскание проектируемого пути на местные средства и приискать частных предпринимателей, которые взяли бы на себя постройку этой линии на концессионных началах.

Инициаторы проекта «вошли в соглашение» с известным в железнодорожном строительстве инженером путей сообщения Григорием Васильевичем Адриановым. За приличное вознаграждение он взялся руководить техни-

а Чердынская земская управа ассигновала 15000 рублей.

Инициаторы проекта смогли начать изыскательные работы. Экспедиция инженера Адрианова занялась экономико-статистическим обследованием района железной дороги и исчислением ожидаемого грузооборота. Работал и статистик Л. К. Чермак.

Успешное начало

На трассе будущей дороги начали действовать три отряда. Наиболее трудным был ухтинский маршрут. На пробивке просек работали крестьяне из села Троицкого и деревни Ксенофонтовой. На всем протяжении от Ухты до станции Усо-

С. Троицкое на Печоры.
Каравань барокъ съ грузомъ.

лье производились технические изыскания с разбивкой оси земляного полотна пикетными кольями через каждые 50 сажен и устанавливались в глубокие ямы угловые знаки и реперные столбы с нивелировочными отметками.

Работала также горно-геологическая партия горного инженера Мамонтова от геологического комитета, снабженная указаниями академика О.Н. Чернышева. Эта партия занималась обследованием полезных ископаемых по системам р.р. Вишеры, Илыча, Пильвы и других. Все эти работы, производимые на частные средства, исполнялись под наблюдением инспектора от МПС инженера Г.А. Рогалевича. Изыскания — технические, экономические и геологические — поглотили до 60 тыс. рублей, из которых 40 тыс. затратило Чердынское уездное земство.

К осени полевые работы были закончены. Протяженность дороги вместе с ответвлением на Ухту составила 550 верст. До Троицкого намечалось поставить восемь станций, в том числе: «Алина», «Селиванова», «Верещагина».

Благодаря своей активности организаторы проекта смогли многого добиться. Селиванов в 1913 г. в своем докладе к уездному собранию сообщил: «Осуществление нашего проекта принимает на себя компания, состоящая из следующих фирм: Британский для внешней торговли Банк, Англо-Русский Трест и Ч. Бирч Крисп и Ко. С компанией этой нами, через своего поверенного, заключен уже нотариальный договор, засвидетельствован-

ный Российским Генеральным Консулом в Лондоне. Этим договором компания обязалась по Высочайшему утверждению устава (концессии), не позже как через четыре месяца, образовать акционерное общество и открыть Правление, внести требуемую уставом часть акционерного и облигационного капитала (поверочным) изысканиям проектированной линии и по отчуждении потом земель под дорогу приступить к самой постройке дороги. Причем в условии выговорено, что если компания не приступит в срок к выполнению принятых на себя обязательств, то должна заплатить нам неустойку в 200 тыс. рублей».

В июне 1913 года технический проект дороги и устав Акционерного общества были одобрены комиссией о новых дорогах. Дело передали в Министерство финансов и путей сообщения, где к нему отнеслись «благоклонно». В Правлении Общества Ухта-Печора-Камской железной дороги директором был назначен Н.С. Селиванов. Казалось, дело, начатое три года назад, близилось к завершению. Но в конце 1914 года Устав из министерства вновь вернули «для пересмотра» в Департамент железных дорог. «И началась бюрократическая волокита, порожденная противоречивыми интересами разных групп торговой буржуазии».

Волокита

Еще в самом начале переговоров о получении концессии на строительство Камско-Печорской дороги ею заинтересовались разного рода дельцы. Например, комиссио-

нер из Петербурга Бобрицкий настойчиво предлагал Николаю Алину продать концессию и на этом заработать. Проект дороги вызвал интерес и за границей. С. Дубровский из Лондона в письме к «господину Чердынскому Голове» задавал целый ряд вопросов, связанных с этой дорогой и ухтинской нефтью. Поступали предложения и от французов.

Местное население, купечество, земство прекрасно понимали насущную необходимость дороги. Вот мнение губернатора Вологодской губернии: «Возможность расцвета нефтяной промышленности на Ухте, несомненно, тесно связана и с заселением казенных земель Вологодской губернии. Для нефтяной промышленности необходимо громадное количество местных рабочих рук, а для целесообразности заселения необъятных пространств губернии необходим местный сбыт сельскохозяйственных продуктов в местные промышленные районы.

Вдумайтесь, какую громадную пользу России могли бы принести и приток на рынки дешевой северной нефти, и отлив целого миллиона голодающего малоземельного крестьянства для заселения пустынной губернии.

Кончилось бы властвование над промышленностью Нобеля и Ротшильда, кончилась бы легкая возможность для революционных комитетов давить на промышленность устройством забастовок в Баку. Для бакинских королей Братьев Нобелей выпуск ухтинской нефти на рынок грозит страшной катастрофой.

Вместо того, чтобы тратить последние деньги на прокормление того самого миллиона голодающих, которые жаждут переселения, государство, поселив этих голодающих на половину хотя бы казенных земель Вологодской губернии (13 ½ миллиона десятин), получило бы миллион плательщиков прямых, а главное косвенных налогов».

Алин, Верещагин и Селиванов в своих ходатайствах приводили те же доводы. Но именно всеми осознаваемое общегосударственное значение транзитного пути и встретило столько преград. Становится понятным, почему статистик Л. К. Чермак при подсчете грузооборота дороги совсем не учел нефть. Учредители проекта столкнулись с политикой «нефтяного голода», искусственно проводимой могущественными монополиями России. Для братьев Нобелей общегосударственные интересы России ничего не значили по сравне-

нию с тем, что им давало владение нефтепромыслами в Баку. Поднимать цены и получать большие прибыли было возможно, лишь владея монополией на производство нефти. В 1906–1910 годах компания Нобеля через подставных лиц скупила почти все нефтеносные участки Ухтинского месторождения. Промышленное бурение здесь даже не начинали — участки были заморожены. Окончательным результатом махинаций нобелевской группы был полный срыв работ по использованию Ухтинского месторождения.

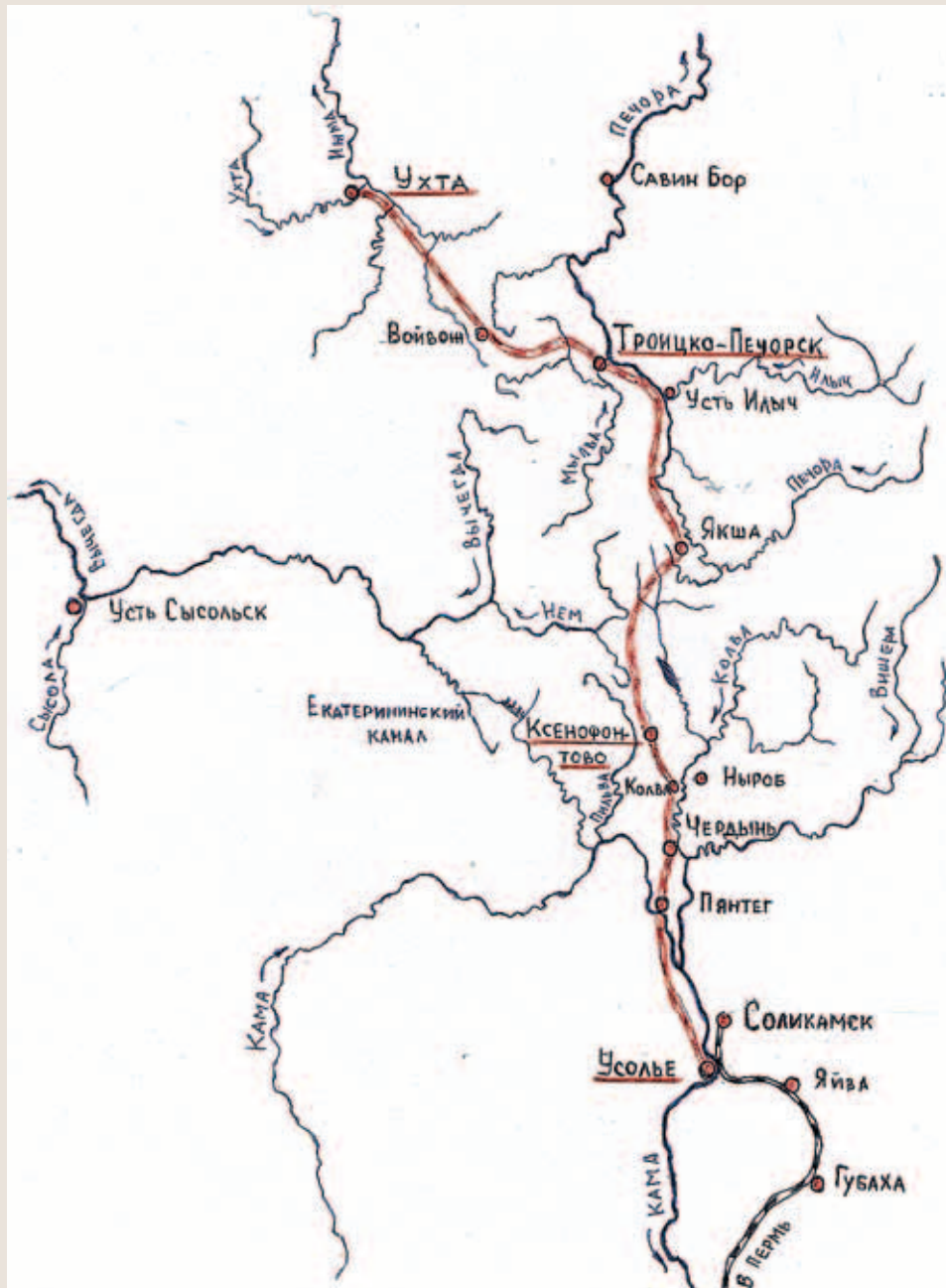
А без перевозок нефти Камо-Печорская железная дорога оказывалась малооходной по сравнению с вкладываемым капиталом. Стоимость дороги определялась в 25 000 000 рублей. По подсчетам статистика Л. К. Чермака, дорога должна была ежегодно давать чистой прибыли от 450 до 545 тысяч рублей. Ее вероятный грузооборот мог составить 26–28 миллионов пудов. Важнейшим из грузов отправления в подсчетах Чермака назывался лес — 18 миллионов пудов, а также — хлеб и соль — до 800 тысяч пудов. С Печоры должна вывозиться рыба, дичь, точильный камень и другие товары. И ни слова о нефти!

Поэтому все внимание стали уделять лесным богатствам Печорского края. Г. В. Адрианов теперь обосновывает важность подведения железной дороги к селу Троицко-Печорскому: «Географическое положение села Троицко-го... создало в нем не только административный центр, но и промышленный, для всего громадного Зырянского края, где главной фирмой для эксплуатации казенных лесных богатств является английская кампания *Stella Polaris*». Стало понятным, чей заказ выполнял Г. В. Адрианов и Л. К. Чермак.

Полное русское «ничего»

«Сколько энергии, времени и денег потрачено на одно дело и в результате полное русское «ничего». Как после этого упрекать русского человека вообще и русского промышленника в частности в отсутствии у него предприимчивости? Как упрекать Россию в промышленной отсталости?». Эти слова, сказанные Д. А. Удинцевым в 1907 году о предпринимателях на Ухте, применимы и к чердынским деятелям.

В советское время этот многолетний труд охарактеризовали так:

▲ План дороги

«Проект соединения Камы и Печоры при помощи железной дороги, подобно множеству других ценных проектов, в царской России не был осуществлен. Пока шла борьба между отдельными группами буржуазии, свершилась Октябрьская социалистическая революция. Хозяином страны стал сам народ».

Новая власть жестоко распорядилась судьбами многих умнейших и достойнейших людей. Вот строки из газеты «Известия Чердыньско-Печорского края» за 21 сентября 1918 г.: «По постановлению Чрезкома за 20 сент. с. г. расстрелян Верещанин Степан Алексеевич, быв. гор. го-

лова, как организатор белой гвардии». Как была решена судьба Н. С. Селиванова, известно из «Пермской земской недели»: «Николай Степанович Селиванов — старейший деятель уездного земства. Арестован в собственном доме г. Чердыни 12 июля 1918 года. Препровожден первоначально в Чердынскую уездную тюрьму. По постановлению чрезвычайки Селиванов был отправлен из уездной тюрьмы в Кизеловские угольные копи, по пути был завезен в Усьолье и в ночь на 20-е июля расстрелян». Н. П. Алин тоже был арестован, но его отпустили под большой залог, конфисковали все ценное имущество. Алин со своей семьей был вынужден уехать из Чердыни. Умер он в 1919 году в Чите от сердечного приступа. ▣

История России.

Река Чусовая

(Фотоэкспедиция)

Село Косой Брод

Надежда Асабина

Материалы и фотографии предоставила бывший директор кособродской школы, ныне преподаватель немецкого языка и хранитель школьного музея.

Крепость

Когда появилось на Чусовой это поселение, точно неизвестно. Есть сведения, что в 1721 году здесь жили две семьи. В том году они пережили набег и пожар бунтовавших башкир. А в 1723-м по указанию Георга Вильгельма де Геннина здесь построили крепость с четырьмя башнями, чтобы «...рудным вошкам, которые руду... для плавки меди возили в Уктусский и Екатеринбургский

заводы, [башкиры] не могли чинить препятствия и оные вошки в ночные времена могли спать и коней кормить в безопасности, под охранением». С крепостью, ее оборонительной функцией связано, считают краеведы, название горы Пульной.

Последнее документальное упоминание крепости относится к 1764 году. После ее ликвидации Косой Брод превратился в обычную деревню.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

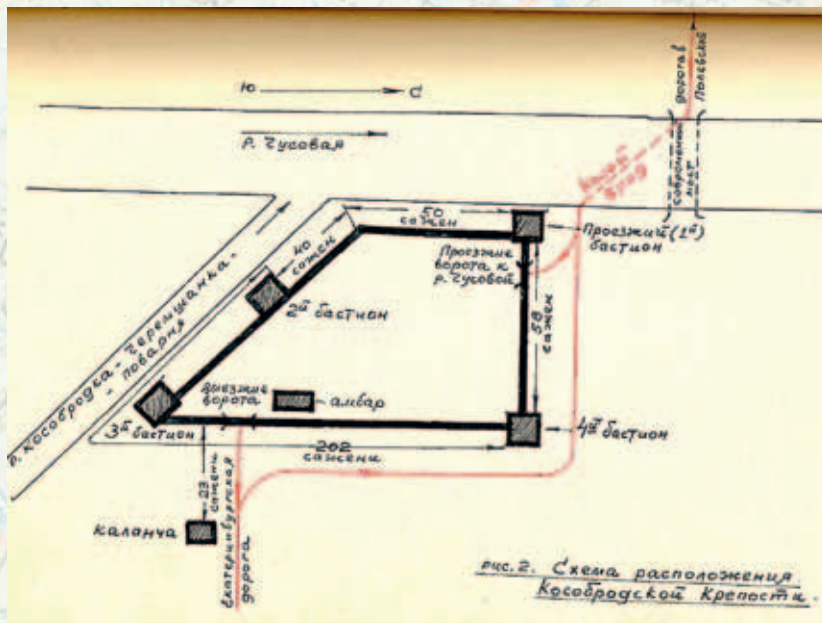
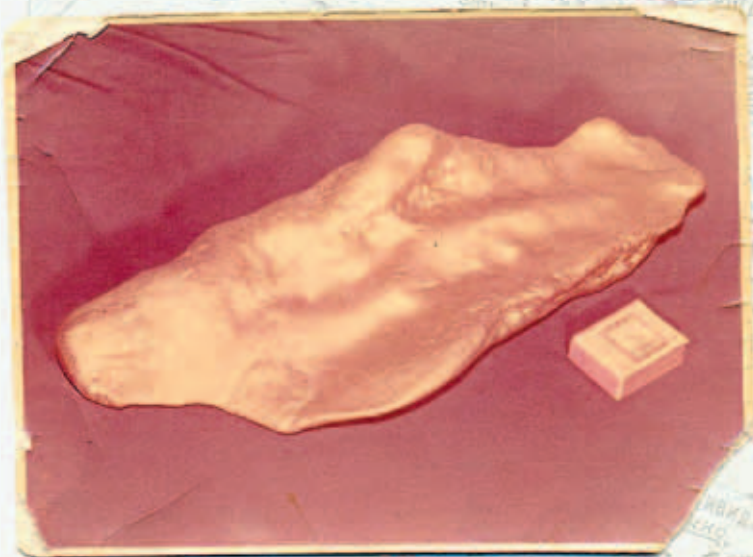

рис. 2. Схема расположения Кособродской крепости.

▲ Самородок. Фото Ф.П. Зюзева

▲ Пальцев Илья Семенович, Волкова Раиса Николаевна

◀ Артель. Слева направо: Пальцев Иван Аристархович, Пальцев Илья Семенович, Волкова Раиса Николаевна

«Лосиное ухо»

Денисовский золотой прииск, что жил к северу от поселка, — ныне заросший карьер. Именно здесь в 1935 году нашли знаменитый золотой самородок «Лосиное ухо» весом 13 килограмм 776 грамм.

Артель старателей Илья Семеновича Пальцева состояла из его двоюродного брата Ивана Аристарховича и Раисы Николаевны Волковой. Братья взяли ее в артель, потому что она владела лошадью, доставшейся в наследство от отца. На заимке, где пре-

жде бил шурфы отец Ивана, им и подфартило. Слиток золота, найденный Ильей, видом напоминал ухо лося и оказался третьим по величине самородком из тех, что найдены в России. Артельщики, кроме положенной по закону суммы, наградили тогда подарками: братьям дали по патефону с пластинками, а Раисе — швейную машинку.

Теперь «Лосиное ухо» хранится в Алмазном фонде Кремля под названием «Самородок золотого похода имени М. И. Калинина».

www.uralstalker.com

Святой источник

По словам краеведов, Покровский родник на берегу реки Поварни «был всегда». Имя обустроенному источнику дал приход Покрова Пресвятой Богородицы. Главный устроитель родника, полевской предприниматель Михаил Колмогоров, привез камень-змеевик серпентинит, а сын его Алексей вырезал на отполированной поверхности образ Богородицы с покровом в руках.

Телицынские узоры

От дома супругов Телицыных, что на улице Бажова, веет теплом резного дерева. Узорчатые наличники окон и изящная беседка под тридцатилетним кедром выдают романтическую натуру хозяев — Николая Николаевича и Тамары Алексеевны Телицыных.

Способ обработки деревянно-го кружева (обжиг) Николай Никола-

евич «подсмотрел», проезжая однажды через деревню Большое Седельниково. Идея заинтересовала супругов. Пять лет ушло на выжигание узоров. Трафареты придумывали и делали сами. Материалом служила сосна. Смекалка профессионального электрика подсказала мастеру способ выжигания узоров из дерева. Николай Николаевич смастерил собственной выдум-

ки прибор в виде «удочки» из нихрома длиной около 400 мм. На конце «удочки» — груз. Электропитание идет через понижающий трансформатор.

В гости к умельцу наведались школьники — участники краеведческого кружка, и он преподавал им настоящий мастер-класс. Значит, будет жить в селе телицынский промысел!

Николай Зюзов

ИСТОРИЯ КОСОГО БРОДА

Река времени

◀ Н.Ф. Зюзов. «История Косого Брода»

Приехал в село москвич...

Приехал однажды в Косой Брод москвич погостить. Зашел в местную школу, собрал в классе ребят, что интересовались историей своего села, и вдруг начал им рассказывать о селе с самого его основания. Да так подробно, образно, будто все своими глазами видел. Оказалось, что Николай Федорович Зюзов приехал навеситить маму, что здесь он и родился в 1919-м в многодетной семье плотника, учился в здешней школе-четырёхлетке, потом в северской, полевской... Девятиклассником решил с ребятами-односельчанами сплавить на лодке по Чусовой. Стартовали в Косом Броду и проплыли по живописному речному серпантину несколько сот километров.

Окончив школу, Николай поступил в Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота. Войну начал воентехником 1-го ранга. Свой первый страшный лик война показала ему эшелонем раненых под Сталинградом, еще не получивших первой помощи: у одного висит полуоторванная рука, у другого нет передней челюсти...

В 1946-м получил первый отпуск, приехал в Косой Брод, женился и отбыл обратно на службу в Северную Корею.

После службы, проживая в Москве, досуги свои посвящал архивам и библиотекам — выискивал самые разные документы и свидетельства по истории родного Полевского края. В этих поисках рождалась его книга. При жизни Николай Федорович успел настучать ее на пишущей машинке. Несколько машинописных экземпляров подарил землякам. Ныне труд Н.Ф. Зюзова стал первоисточником. Собранный им материал лег в основу многих книг и публикаций.

На кособродском доме, где жил историк-энтузиаст, теперь мемориальная доска. А должно бы быть музеем...

А был ли мальчик?

Листаем совсем еще свежую «Иллюстрированную краеведческую энциклопедию» Свердловской области Н. Рундквиста и О. Задориной (Екат., 2009). Там сказано, что чуть севернее Косого Брода, на лесной поляне на правом берегу Чусовой, в километре от автодороги Екатеринбург — Полевской, стоит поселок Подгорный. Прежде он назывался «Поселок фермы полевого горздравотдела», а в 1966-м ему дали название Подгорный. Жили здесь работники молочной фермы полевого совхоза «Красный партизан», кто в бараках, кто в частных домах. Иные работали на заводах в Полевском и Северском, добираясь до работы пешком. Неподалеку был детский санаторий — нынешние старожилы помнят, как в нем детьми отдыхали, потом — пионерлагерь...

А нынче... Поляна на берегу Чусовой есть, автодорога в километре бежит, Чусовая течет параллельно дороге, а поселка нет, нет даже при-

знаков его бывшего существования. А ведь поселок Подгорный был чьей-то малой родиной. Здесь чье-то детство, юность, молодость прошли. Так мечтается, чтобы на месте исчезающих поселков и деревень оставались хотя бы незатейливые памятники-obelisks, чтобы было чему поклон-

▲ Жители пос. Подгорного. Из архива М.И. Бачуриной

ниться. Может быть, Михаил Васильевич Колмогоров, предприниматель, чьи творения метят многие памятные места полевой округи, может быть, он загорится благой идеей и затеплит на месте поселка свечу сыновней памяти?

◀ Торговая лавка

▼ Новый храм

Раскуиха

Гора Крон «рассказывает»

Год рождения деревни Раскуихи заблудился где-то в начале XVIII века. К ее основанию Василий Татищев руку приложил. С горы Крон, что в километре от деревни, хорошо видна округа. А при желании можно представить не только округу, но и события далекого прошлого.

Название деревне подарила речка Раскуишка, в устье которой селение зародилось. А через речку шла конная дорога. Берега топкие, лошади вязли в грязи по брюхо и теряли сбитые в пути подковы — расковывались. Отсюда, говорят, и название деревни — Раскуиха. Такова версия знакомого нам дотошного историка Николая Зюзева. Так ли было? Потом деревню разорили, а воскресла она уже на берегу Чусовой, где и ныне пребывает. Жители были приписаны к Уктусскому Елизаветинскому заводу, к Монетно-

му двору. Мыли золото на Раскуишке, а когда появилась пристань Горнощитской каменоломни — грузили на барки мрамор и отправляли его по весне

вниз по Чусовой. Благословения сплавщики, старатели и прочий люд молили в деревянной часовне во имя Святого Николая Чудотворца. Потом часовню превратили в храм — стала Раскуиха селом. В советскую пору церковь была приурочена под школу, а в наше уже время, в начале 1990-х, ее перестроили.

Вот такое прошлое оставила за своей спиной Раскуиха. Ныне старожилы в ней, увы, уже не осталось. И только дачники замаливают в храме свои неизбежные грехи. И, тем не менее, Раскуиха живет в своем новом дачном качестве и обличье.

◀ Пруд на Раскуишке.
Фото Евгения Тамплона

▲ Старый храм. Фото Евгения Савенко

▲ У домика Жукова.
Фото Алексея Кожевникова

Жуков в Раскуихе

На рубеже 40-50-х в Раскуихе располагалась охотничья база Уральского военного округа. Здесь любил побродить с ружьем сам его командующий — бывший маршал Советского Союза, к тому времени трижды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Сохранился домик на два окна, где он останавливался на ночь. На стене дома — мемориальная доска, установленная полевым предпринимателем М. В. Колмогоровым. Было даже благое намерение устроить здесь музей...

В тех же 1950-х в Раскуихе работал самостоятельный художник Василий Дьячков. Он неоднократно встречался и общался с Жуковым, оставив об этих встречах свои воспоминания (см. УС. 2008. №№ 11-12).

▼ Г.К. Жуков на охоте (второй справа). Фото из книги «Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Хроника жизни» (1998)

Загадочный клуб

Эта фотография удивила датой — 1922 год —
и аббревиатурой: «i в. О.Ш. И.Ф. Щ. Клуб «Спартак».

Известно, что спортивное общество «Спартак»
организовано в 1935 году, а тут... 1922-й.

Спартак — вождь восставших римских рабов — еще до новой эры погиб в бою. Его имя снова всплыло в Италии во время борьбы за воссоединение самостоятельных княжеств. Роман Джованьоли «Спартак» (1874) был переведен и на русский язык.

В 1916 году в Германии левые коммунисты (Карл Либкнехт и др.) Объединились в «Союз Спартака». Аукнулось и в России: в 1919 году в Екатеринбурге (уже советском) одну из главных улиц переименовали в ул. Карла Либкнехта. Уважили и Спартака. В 1903-м екатеринбургский предприниматель Круковский в пос. Елизавет построил фабрику «Гера» (производство с/х механизмов). В советские 20-е годы ее перепрофилировали и переименовали в «Спартак», при нем — стадион. Ближайшее водохранилище старожилы до сих пор называют спартаковским.

Вот об аббревиатуре у меня версии нет. В 1935 году всесоюзное общество «Спартак» объединило физкультурников торговли, культуры, здравоохранения и гражданской авиации. В Свердловске даже была спортивная база «Спартак» — в пойме реки Исети напротив нынешнего Цирка.

Ждем читательских версий.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Бирюков

Краевед, историк фотографии на Урале. Собиратель и хранитель коллекции, старший научный сотрудник и экскурсовод екатеринбургского Музея фотографии (Дом Метенкова). Автор книги «Метенков и К — фото».

Фото автора

Первостроители Шайтанского завода

Датой основания Первоуральска считается 1 декабря 1732 года, когда был выплавлен первый чугун на Шайтанском заводе Никиты Никитича Демидова, третьего сына Никиты Демидовича Демидова (Антуфьева).

Современное название город получил 2 сентября 1920 года после того, как Шайтанский завод был переименован в «Первый уральский завод цельнотянутых труб». Этому событию предшествовал выпуск первой стальной трубы 28 января 1920 г.

Как и у Екатеринбурга, у Первоуральска два отца-основателя. Никита Никитич Демидов (около 1688 — после 9 декабря 1762) — заводовладе-

лец, на его деньги построен Шайтанский завод. Находился при строительстве предприятия осенью 1732 года. Принял ряд важных мер для запуска домны. Возвратился в Тулу до декабря 1732 года.

Василий Никитич Демидов (1707 — около 1735) — его старший сын. С первых дней начинал строительство Шайтанского завода вместе с дядей Лукьяном Копыловым. Участвовал в выпуске

первого чугуна. Историки иной раз путают его с Василием Ивановичем Демидовым, статс-секретарем императрицы Елизаветы Петровны, и даже отправляют на жительство в Америку.

В конце XIX столетия священник-краевед Александр Александрович Топорков в своей книге «О Васильевско-Шайтанском заводе» писал: «Приходское кладбище находится на расстоянии полуверсты от церкви, в черте поселения, в линии с обывательскими домами, что весьма вредно в гигиеническом отношении, тем более что сток воды с кладбища идет в заводской пруд, водой которого пользуются все жители.

► Мост, объезд

◀ Ремонт плотины

Кладбище, имеющее в длину 60 1/2, а в ширину 50 1/2 сажени, обнесено деревянной оградой, переполнено могилами и содержится крайне небрежно. Оно существует более 60 лет и уже третье с основания завода; второе, находившееся в расстоянии от настоящего 200 сажень, с 1861 года застроено обывательскими домами, а первоначальное, существовавшее при деревянной сгоревшей церкви [Преображения Господня], ныне огорожено каменной оградой. На этом кладбище устроены два каменных склепа: в одном похоронены дети первого заводовладельца — Демидова, а в другом — Ефим Алексеевич Ширяев, убитый в 1771 году атаманом разбойников Рыжанко». Значит, Василий Никитич Демидов покоится в Первоуральске.

Лукьян Степанович Копылов (около 1682 — не ранее 1744) — первый приказчик Шайтанского завода — был двоюродным братом Никиты Никитича Демидова. Вместе с Василием Никитичем он начинал стройку с первого колышка. Уехал с Урала по срочным делам осенью 1732 года до запуска домны.

Приказчики Иван Яковлевич Яковлев и Агафон Иванович Конищев участвовали в запуске домны и выплавке первого чугуна 1 декабря 1732 года.

Не каждый 300-летний город может назвать своих работников, которые на пустом месте возвели металлургический завод. Первоуральск может — по переписи 1747 года Игнатия Слепушкина, которая начинается с воспроизведения переписи 1732 года полковника Толбузина и сказок о мастеровых,

рабочих людях, приписных крестьян Шайтанского завода Н.Н. Демидова 1762 года. Полностью перепись поручика Слепушкина опубликована в моей книге «Шайтанский завод Никиты Никитича Демидова. 1730–1743 годы» (Первоуральск, 2013).

Владимир Труссов

Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

А из списка шихтмейстера Сергея Ярцова, составленного 10 декабря 1735 года, узнаем о первых обывателях Шайтанского завода.

Нарбутовский Антон Евстратьевич (1707 — неизв.) — родиною был польской природы местечка Друя. Из того местечка свезен поручиком Никитой Бабаниным и жил у него 12 лет. И по смерти ево жил собою в городе Туле лет с шесть. А в подушных книгах нигде не написан, и паспорта при себе не имел. Из Тулы цегентнер Никита Демидов договорился с ним, чтоб житьем на Шайтанском ево заводе у приема руды и угля на один год за двадцать рублей. И жил у него по той ряде два года, и на оном заводе женился. И по женитьбе в 1733 году получает платы по 30 рублей в год. А на оной завод из Тулы привез ево оной Демидов на своем коште. Жена Афимья Прохорова дочь (1719 — неизв.), взятая в Уктусском заводе у литейного мастера Прохора Володимирова.

Токарев Андрей Федорович — родиною бывал Спаса-Симонова монастыря, что в Москве. Плотничий сын. В подушных книгах написан он за оным монастырем, и подушные деньги платил по 1730 год. И о тех платежных деньгах отписки имеются у брата ево Федора Токарева, которой жительство имеет в Ревдинском заводе. А с того 1730 году подушных денег не плачивал. Из Москвы пришел в 1724 году с паспортом того монастыря от заместника. И пришел на Нижнетагильский Акинфея Демидова завод, и жил в работе лет с семь. Брал платы по шести копеек на день,

и потом жил в молотовых мастерах на железном Осокина заводе один год. На Шайтанской цегентнера Никиты Демидова завод пришел собою с тому три года и работал молотовым мастером без договору с платы. Получает куда против других, которых выработанных денег обходится в год по шестидесяти рублей.

Разуков Кирило — напред сего житель бывал Олонецкого уезду. Государев человек. И в подушных книгах написан в оном уезде. И подушные деньги на пред сего плачивал. Из оного уезду сошел назад тому лет с десять от хлебной скудости с паспортом от старосты Данила Сибиряка да от выборного Шилова. И пришел в Санкт-Петербург и жил один год. А из Санкт-Петербурга пришел в Москву и жил один же год. А из Москвы пришел жить на Дугненские цегентнера Демидова заводы и работал плотничную работу четыре года. Платы получал по десяти копеек на день. А с того заводу оной Демидов привез на своем коште на Шайтанской ево завод тому четыре года, на котором и поныне живет, и по договорной цене по десяти копеек на день.

Бурдикин Федор — родом бывал города Серпухова деревни Колтовской Пафнутьева монастыря. Крестьянин. Из той деревни сошел от хлебной скудости назад тому лет с 16 того монастыря от архимандрита. И в пути тот паспорт сторел. В подушных книгах написан за оным монастырем. Подушные деньги платил брат ево родной Иван Бурдикин, и отписки имеет оной брат ево у себя. На Шайтанской завод пришел в 1732 году, а платы от него, Деми-

дова, получал по двадцати по пяти копеек на неделю.

Черной Семен — родом бывал из Новгорода. Ямщик. Из оного города сошел от хлебной скудости назад тому седьмой год в Тулу и работал на государевом Оружейном заводе плотничную работу. В подушном окладе нигде не написан для того, что гоняют в ямы. На Шайтанской Демидова завод пришел в 1732 году по просьбе оного Демидова на время и работал плотничную работу подрядом токмо из подневоли.

Беспалов Иван — родом бывал города Осташкова Петербургской губернии. Патриаршей бобыль. Из оного города сошел назад восемь лет от хлебной скудости и жил в Москве. Работал плотничную работу два года, а оттуда сошел на Дугненские заводы Никиты Демидова и жил с полгода. Потом жил на государевом Оружейном заводе с полгода с паспортом от бургомистра Семена Иванова. И идучи в пути, оной паспорт утопил. В подушном окладе писан в оном городе. И подушные деньги платил брат ево родной Максим Беспалов, а квитанций при себе не имеет. На Шайтанской завод пришел в 1732-м году по просьбе оного Демидова на время, и работает плотничную работу подрядом из подневоли.

Лукиных Дмитрий — родом города Каргаполя деревни Савины. Крестьянин. Из оной деревни сошел от хлебной скудости назад тому семь лет с паспортом от старосты Ивана Попова. И жил в Москве с год и работал плот-

▼ Карьер у горы Волчихи

▲ Карьерный паровоз на пьедестале

ничную работу. И оттуда сошел в Тулу и жил на государевом Оружейном заводе. А паспорту ныне не имеет. В подушном окладе писан в оной деревне. Подушные деньги платит дядя ево родной, а отписки он не имеет. На Шайтанской завод пришел в 1732-м году по просьбе оного Демидова на время и работает в плотничной работе подрядом токмо из подневоли.

Кузнецов Ларион Васильевич — родом бывал Московского уезду дворцовой Сулинской волости. Крестьянской сын. В подушных книгах писан в Балахонском уезде в деревне Ронжиной. Подушные деньги платит за него отец ево, и квитанция имеется у отца ево. На Шайтанском заводе живет третьей год в молотовых подмастерьях. А паспарту не имеет. За оную работу получает платы с пуда по копейке с четвертью. Сын Василий отдан в рекруты.

Кутков Ларион Матвеевич — родом Олонецкого уезду Пудовского погосту. Крестьянской сын. В подушных книгах написан в оном погосте. Подушные деньги платит за него дядя Петр Федоров повсегодно. Отписки при себе не имеет. На Шайтанской завод привез ево с Дугненского ево, Демидова, заводу оной Демидов на своем коште тому

пятой год. А за работу получает платы по десяти копеек на день.

Репин Кондрат Иванович (неизв. — до 1762) — родом бывал Городецкого уезду. Крестьянской сын Антоньевского монастыря. В подушных книгах написан в показанном уезде. Подушные деньги платит за него брат ево Тимофей. Отписей при себе не имеет. На Шайтанской завод привез с Дугненского своего заводу цегентнер Никита Демидов на своем коште, где и поныне работает.

Щукин Иван Васильевич — житель бывал Олонецкого уезду деревни Горюшек. Крестьянской сын. И в подушном окладе написан в показанной деревне. Подушные деньги платит за него дядя ево, токмо отписки не имеет. Из оной деревни отлучился седьмой год с данным паспортом той волости от старосты и от мирских людей. И жил в Москве при плотничьей работе три года. Оттоль сошел в город Тулу и работал у него, Демидова, у строения палаты одно лето. И по договору оной Демидов для плотничества на Шайтанской завод привез ево на своем коште. Платы дается ему по 12 копеек на день.

Бочкарев Иван — родом бывал Московской губернии города Серпухова. Из того города отлучился седьмой год без паспорта и жил в Алексинском уезде у цегентнера Никиты

Демидова на заводе три года у кирпичного дела. На оной Шайтанской завод привез означенной Демидов на своем коште и работает поныне у кирпичного дела. В подушном окладе написан в показанном городе Серпухове. Подушные деньги платит за него и поныне брат ево двоюродной Дмитрий Ларионов.

В возведении Шайтанского завода участвовали беглые люди господ Строгановых, казенные екатеринбургские работники и ссыльные из Екатеринбурга. В устье речки Шайтанки первостроители подняли металлургический завод и поселок при нем поставили. Ныне Первоуральск — самый крупный город на берегах реки Чусовой.

В 2006 году происходил последний по времени ремонт затворов плотины Нижнешайтанского пруда, которая была возведена в 1732 году. Воду из пруда спустили. Движение автомобилей по плотине было закрыто. Деловые люди возвели рядом деревянный временный объездной мост. Проезд был платный. Каждый день выручка составляла мешок денег.

Месторождение железной руды было открыто в 1702 году у горы Волчьей (сейчас Волчиха). Руду начали брать в небольшом количестве (она тугоплавкая) после возведения Шайтанского (1732) и Ревдинского (1734) заводов. **УС**

Мост жизни Каюма Кушаева

В январе 2007 года ушел из жизни Каюм Кушаевич Кушаев — человек, который всю свою жизнь строил мосты. Сама его жизнь, по сути, мост между веками, между прошлым и будущим.

Он родился в деревне Кузяшево Челябинского уезда Оренбургской губернии, в многодетной семье крестьян-башкир. Название деревни, основанной в 1736 году, связывают со словом куз-яше, что по-башкирски означает слезинка из глаз. То ли слез было тогда пролито немало — это было время, когда башкирские восстания вспыхивали почти каждый год и их жестоко подавляли, то ли первопоселенец предвидел свою и своих потомков будущую трудную жизнь.

Все предки Кушаевых жили на земле и кормились от нее. Его дед, Хаерзаман Абилов, крестьянин и одновременно мулла, в середине XIX века на свои деньги построил мечеть в деревне. Его отец, Кушай, имел трех жен. Детей рождалось много и немало же умирало. Так, у матери Каюма родилось

девять детей, из них семь умерло в раннем детстве. Каюм родился в 1908 году и, по счастью, выжил. Трудно добывался крестьянский хлеб, и это Каюм узнал рано. В 1919 году умер отец Кушай, и работа о младших легла на плечи 13-летнего Газиза и 11-летнего Каюма. Мальчишки пахали землю, сеяли хлеб, косили сено, ухаживали за скотом, заготавливали дрова.

Старший брат, известный башкирский большевик Хафиз Кушаев, 1888 года рождения, после совершения Октябрьской революции руководил установлением Советской власти в Аргаяше, затем воевал на фронтах Гражданской войны. С 1920 года он — председатель Аргаяшского кантисполкома, а с 1922 по 1929 год работал председателем БашЦИК, был фактически первым лицом Башкирской Ав-

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Рашид Хакимов

Окончил Челябинский пединститут и Новосибирскую высшую партийную школу. Кандидат исторических наук. Доцент Челябинского гос. университета. Директор Аргаяшского представительства ЧелГУ. Автор четырех книг по аргаяшской истории. Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан.

◀ Хафиз Кушаевич Кушаев

▲ Каюм Кушаев, инженер-путеец

▶ Хафиз Кушаевич Кушаев

◀ Каюм Кушаев

тономии. Затем Хафиза Кушаева по предложению М. И. Калинина перевели на работу в Москву, в аппарат ВЦИК, заведующим отделом.

Каюм, как и многие молодые люди того времени, был одержим идеей революционного переустройства жизни. Он организовал комсомольскую ячейку в родной деревне, ускоренно окончил семилетку. Юноша страстно желает учиться, и старший брат забирает его к себе. Сначала Каюм учится в землеустроительном техникуме в Уфе, затем в Москве в институте инженеров железнодорожного транспорта. Но...

19 июля 1937 года арестовали брата Хафиза Кушаева, а до этого трагически от рук бандитов при невыясненных обстоятельствах погибла жена брата, Рабига-енге. Репрессии захватили всю семью Кушаевых. Позднее был арестован и другой брат, Хадый. Хафиз Кушаев, о котором аргаяшские башкиры слагали песни, вскоре был расстрелян, а Хадый осужден на десять лет заключения в ИТЛ. Каюма

◀ Кушаев Хафиз в Сочи с женой Рабигой

«как сына кулака, не порвавшего связи с семьей» исключили из института. Вместе с двумя детьми брата его попросту выкинули из квартиры на улицу. Племянница Дина училась в Ленинграде, и ее судьба сложилась удачно, она стала балериной, танцевала в Пермском оперном театре, удостоена звания заслуженной артистки РСФСР. А пятилетнего племянника Ирека Каюм вынужден был отдать в детский дом, и в войну его следы потерялись. Это обстоятельство всю жизнь мучило Каюма...

После долгих поисков работы брата «врага народа» взяли электриком. Когда надзор НКВД ослаб, удалось снова поступить учиться в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, который Каюм закончил в 1941 году, буквально накануне войны. С тех пор длилась его трудная и ответственная работа строителя железных дорог в Челябинской и Свердловской областях. Любая ошибка в проекте или в исполнении могла стоить жизни, возможно, чужой, но прежде всего своей собственной. Кто стал бы защищать брата «врага народа»? И если рассказывают, что строитель после сдачи объекта

становился под мост, когда по нему проезжал первый поезд, то это про Кушаева...

С 1941 по 1962 год Каюм Кушаев работал на Свердловской железной дороге, где вырос от рядового мастера до главного инженера строительного-монтажного поезда (СМП) № 29 треста «Свердловсктрансстрой». Он участвовал в строительстве дополнительных путей на станции Челябинск и железнодорожной станции Шершни летом и осенью 1941 года. Затем строил железную дорогу Сосьва — Алапаевск, Нижний Тагил — Вагай.

Что такое работа строителя дорог? Это кочевая жизнь вдалеке от городов, отсутствие удобств, разлука с семьей. Инженер Кушаев за свою жизнь построил десятки мостов, путепроводов, сотни километров железнодорожных путей. И всегда работал честно и самоотверженно, только этим можно было завоевать доверие власти. Через некоторое время вступил в партию. И своих жизненных взглядов, основанных на чести, верности, трудолюбию, заметим, никогда не менял. За заслуги ему присвоили звание «Заслуженный путеец РСФСР». В 1962–1968 годах репо-

▲ Кушаев Хафиз с родственниками (первый справа)

давал в Алапаевском индустриальном техникуме, где щедро передавал молодежи свой большой опыт.

Каюм обзавелся семьей, появились внуки, а затем и правнуки. Он прекрасно помнил обычаи, ремесла башкир, и душа у него была щедрой. И это сразу проявилось.

Вот один пример. К началу семидесятых годов оказалось, что во всей Челябинской области нет ни одной башкирской юрты и ни одного мастера, способного ее сработать. И тогда Кушаев, по своим детским воспоминаниям, общаясь со стариками, изучив немногочисленную литературу, подготовил рукопись «Башкирская юрта» с подробным и детальным описанием технологии ее изготовления. Но этого было мало, пенсионер Кушаев смастерил для музеев Челябинской и Свердловской областей своими руками 12 (!) башкирских юрт в их натуральную величину. В Челябинском областном краеведческом музее стоит, например, изготовленная руками Кушаева, настоящая пятиметровая в диаметре башкирская юрта.

Живя в Алапаевске, Каюм постоянно приезжал на родину, живо интересовался делами земляков, написал воспоминания для школьного музея родной деревни, его статьи печатались в газетах Свердловской, Челябинской областей и Башкортостана.

Последнее время жил у внуки в Челябинске. А за неделю до смерти попросил перевезти его в родную деревню, где и умер в ясной памяти, не обременив нико-

▲ Кушаев Хафиз (сидит пятый слева)

го и ничем. Лишь в последний час взглянул в окно, спросил, в какой стороне школа и где кладбище. Услышав ответ, удовлетворенно кивнул. И было Каюму Кушаевичу Кушаеву 98 лет, 1 месяц и 26 дней.

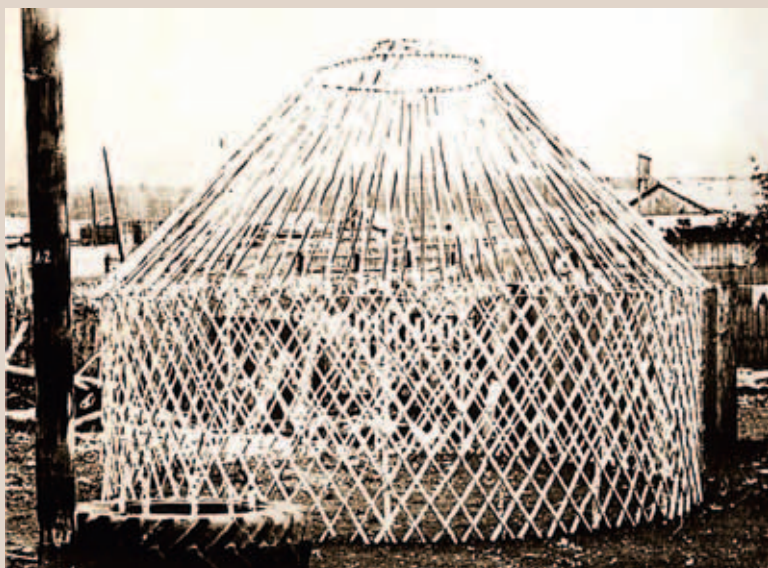
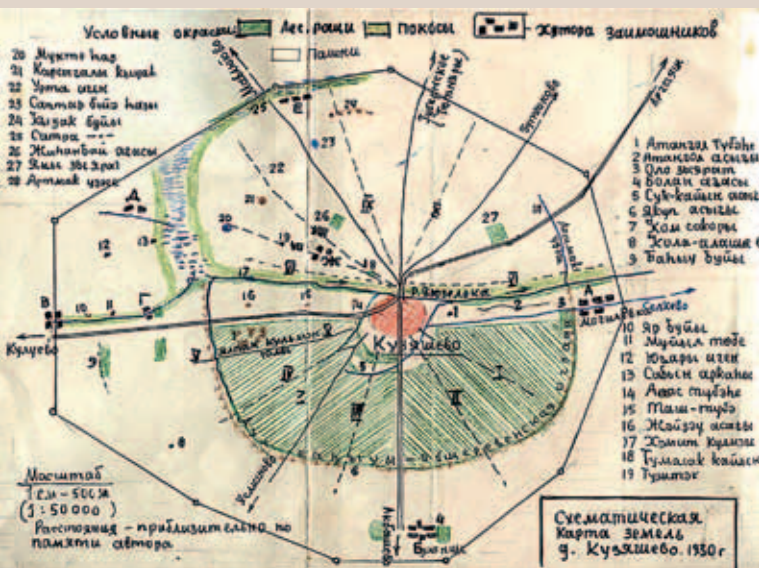
...Проводить в последний путь старейшину рода Кушаевых пришла вся деревня: и стар и млад. Пришли учащиеся из Кузяшевской средней школы, носящей ныне имя старшего брата Хафиза Кушаева. Шел негустой снег, слабо покрывшая улицы и огороды. Своими черными проплешинами от оттепелей они больше напоминали март, чем середину января. Траурная процессия мужчин, подняв усопшего на похоронные носилки, направилась к деревенскому кладбищу, что расположилось в березовом околке, на пригорке у дороги в Аргаяш. Этой дорогой 83 года назад и пошел Каюм в большой мир.

Носилки, приподняв их на уровень плеч, несли быстро, молча сменяя друг друга. Тело покойного мерно покачивалось в такт шагам несущих, а душа, по преданию, покинув тело, но не отлетев в заоблачную даль, поднялась невысоко и сопровождала его.

Не входя на кладбище, носилки опустили на землю. Шестеро стариков встали напротив усопшего и начали читать молитву. За ними выстроились все, кто пришел провожать. Покойник, облаченный в белый саван-кэфенлек, лежал на земле. Над его головой протянули голые ветки березы. Старые деревья тоже покоились рядом. Их нельзя убирать с кладбища, они здесь должны обратиться в прах. Хоть и долгий век березы, а человек пережил ее...

Тихо, никто не шелохнется, только редкие снежинки падали на землю. Люди, деревья, могилы давно усопших внимали словам молитвы. Внимали так же, как и пятьдесят, сто, двести лет назад слушали муллу их деды, прадеды и еще прапращуры...

Завершив предпогребальную молитву, на полотенцах опускают усопшего в мусульманскую могилу. Это обычная яма глубиной метра в два, но с подкопом (ляхет) с южной стороны, где далеко-далеко в Мекке находится священная для мусульман Кааба. А внизу трое самых близких родственников-мужчин, что помоложе, осторожно принимают завернутое в белый саван тело. Бережно укладывают в ляхет, развязывают все завязки-тесемки, которые завязаны на белом одеянии усопшего. Затем, обвязавшись полотенцами, начинают досками закрывать подкоп. После мужчинам подают руки, они поднимаются наверх. Бросив по комку земли, присутствующие берутся за лопаты. Работа идет молча и споро. Меняются часто, лопаты не передают в руки, а бросают на землю, и сразу другие руки быстро их поднимают. Скоро вырастает могильный холмик. Совершив все таинство погребения, чetyре старика во главе с муллой садятся по углам могилы и читают заупокойную молитву, а все мужчины садятся на корточки и тихо слушают слова из Корана. Затем родственники раздают всем милостын-хаер (мелкие деньги, носовые платки, кусочки душистого мыла).

▲ Карта земель д. Кузяшево. 1930 г. Составлена К.Кушаевым

▼ Кушаев Хафиз (сидит в темной гимнастерке справа)

▲ Юрта, сработанная Кушаевым для районного музея

А рядом со свежим могильным холмом возвышается плоский камень, наполовину ушедший в землю, и металлический штырь с пластиной, где рукой сына Каюма написано: «Кушай Хаерзаман-улы. 1862-1919».

*Выйдя из лона матери, человек
Возвращается в лоно Земли
И между этим он или созидает мир,
Или жизнь коптит.*
(Мустай Карим. Перевод автора)

Последний сын Кушаевых соединился с отцом в чреве родной Матери-Земли... ☒

▼ Документы Каюма Кушаева

► Диплом Каюма Кушаева

Иллюстрации подготовил Эдуард Гильман

▲ М.С. Кырчанов с внуком Володей (в форме деда). 1975 год

Герой, внук Героя

В одной из предпраздничных радиопрограмм СТРК (Свердловской государственной телерадиокомпании), где я в течение многих лет работала, прозвучали записанные мною в разные годы воспоминания фронтовиков-уральцев. Многих давно нет среди нас. А голос, живой голос солдата, с нами!

И вот один из участников далекой уже войны — Михаил Семенович Кырчанов — рассказывает, как ушел на фронт с первой мобилизацией, то есть еще в июне 41-го. По военным дорогам он, можно сказать, «проплыл»: по колено, по пояс, по грудь, а то и с головой — чаще в ледяной воде. У него была особая профессия. Сначала был сапером, потом командиром отделения понтонно-мостового батальона. Строил и взрывал мосты и переправы. Взрывал и строил. За боевые заслуги на Сталинградском фронте был награжден ор-

деном Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда». В последующие годы Великой Отечественной — орденами Ленина, Боевого Красного Знамени и шестью медалями. И вернулся с войны Героем Советского Союза.

Родился Михаил в 1907-м в одной из вятских деревень. После четырех классов церковно-приходской школы родители отдали его в батраки. Хозяину понравился любознательный, добросовестный и рукастый паренек, и он обучил его сапожному и портновскому делу.

Инна Гладкова

Тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг — Эдуард Гильман. Он — и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В 1929-м парня призвали в ряды Красной Армии, два года служил в стрелковом полку. А демобилизовавшись, приехал в Свердловск. На строящийся «Уралмашзавод» его приняли столяром. После смены ходил в вечернюю школу. Когда женился, то с молодой женой Евгенией снова подался в деревню. Построил дом. Работал секретарем в сельском совете и два года председательствовал в колхозе. На фронт ушел отцом троих детей.

И вот что интересно: когда в 1973 году на Химмаше в доме № 75 по улице Инженерной поселилась семья Кырчановых, соседи даже не догадывались, что в их доме живет настоящий Герой минувшей войны. Не знали об этом и педагоги химмашевской школы рабочей молодежи, куда Кырчанов, будучи уже на пенсии, поступил работать плотником. Руки у него были золотые, но был при этом немногословен: да — ветеран, да — фронтовик...

Мне довелось встретиться с ним в мае 1975 года накануне Дня Победы.

Не сразу Михаил Семенович согласился на интервью. Он, мол, как все, выполнял свой солдатский долг. И жил по совести. Звезда Героя на него, конечно, не с неба упала. Смолodu хорошо плавал и научился плотницкому делу, и это на войне очень даже пригодилося. С гордостью сказал, что у него растет внук — Володя — скоро шестнадцать, учится хорошо, отличный спортсмен и тоже, как и дед (что греет душу), хочет стать военным.

— Вырос практически на моих руках. Родители постоянно на работе, поэтому у нас было время на мужские разговоры. Парней надо учить мужеству с детства. Про войну рассказывал правду, чтоб не думал, что там всегда побеждают и кричат «ура». На фронте больше стреляют и погибают. Быть солдатом — почетная, но тяжелая участь, особенно, если на передовой. Если, говоря, придется служить в армии, чтоб ноги берег...

В ту встречу с Михаилом Семеновичем мне очень хотелось подробностей той, очень важной для Победы, сентябрьской военной операции 1943 года, с которой началось форсирование Дне-

пра. Чтобы подтолкнуть его к рассказу, я поведала, что эта большая река узенькой речкой «пробежала» и через мое детство: мы, детвора, просто переходили ее вброд у города Дорогобужа на Смоленщине. И тут старый солдат признался, что до сих пор кожей помнит осенний жгучий холод ее быстрой воды. Что именно там вспомнились слова песни: «Ой, Днепро-Днепро, ты широк, могуч, над тобой летят журавли...».

— Под баян часто эту песню пою. Тогда над рекой — какие журавли? Неделю «мессеры» кружили и снаряды да пули свистели. Мост у села Солошино — это Полтавская область — был взорван, нам предстояло его восстановить. А точнее, построить заново, чтобы могла пройти не только пехота, но и тяжелая боевая техника. Я был командиром отделения 126 понтонно-мостового батальона, и опыт наводить переправы у нас уже был солидный. Все понимали, что мы передовые на передовой.

В группе с саперами других подразделений из понтонных собрали первые паромы, на них погрузили танки и пушки. Но вражеская авиация и артиллерия это засекли и многие паромы потопили. Только приказ никто не отменял: мост должен стоять! А где взять

◀ М.С. Кырчанов. Вечная слава

лесоматериал? Вокруг практически только поля. Отправились на поиски вдоль берега и, к счастью, обнаружили затопленные плоты. Подняли и по ледяной воде провели их вверх по течению. Противник то и дело обстреливал. Потом четыре команды забойщиков работали по 17–20 часов в сутки, и днем, и во тьме. При сильном течении и пронизывающем ветре вручную вбивали сваи в грунт, таскали тяжелые мокрые бревна. Работа подходила к концу, когда противник вновь обрушил на мост массированный огонь. И многие участки повредил. И понтонеры еще трое суток снова и снова заходили в реку, работая под обстрелом. Все было: и судороги, и уносило бойцов течением. Но мост восстановили, наши танковые и артиллерийские части успешно перешли на западный, крутой в этом месте, берег Днепра.

Напомним, что Днепр в сентябре 43-го наши войска форсировали еще в нескольких местах. Эта беспримерная по мужеству солдат боевая операция вошла в историю Великой Отечественной войны. Вот тогда за проявленные отвагу и героизм старшему сержанту Михаилу Семеновичу Кырчанову и было присвоено звание Героя Советского Союза.

К концу войны он потерял счет введенным гатям, мостам и переправам. И смерть его обходила, не брала.

— А ты, Семенович, — говорили ему однополчане, — видно, в рубашке родился!

Действительно, четыре года на передовой — и ни одного ранения! Осколки и пули летели мимо, рвали только нехитрое обмундирование. Но после войны, а демобилизовался он уже в 1946-м, много болел: ледяные купели, конечно, сказались.

Заканчивая предпраздничную радиопередачу 2002 года, я посетовала: «Жаль, храбрецы не живут вечно, и на-

шего уральского Героя, к сожалению, уже с нами давно нет, а его прах покоится на Сибирском кладбище...».

А вскоре в редакцию пришло письмо, от которого мне стало плохо. Римма Михайловна Ласточкина (Кырчанова) — дочь Героя — поблагодарила за память об отце и добавила, что на том же Сибирском кладбище Екатеринбурга рядом с Михаилом Семеновичем Кырчановым, Героем Советского Союза, спит вечным сном и его любимый внук — Герой России Владимир Евгеньевич Ласточкин. Дед очень любил внука, но не ждал его к себе так рано...

Моя встреча с родителями Владимира Ласточкина была трудной, но неизбежной.

Говорят, что время лечит даже самые страшные раны. Это неправда. Родительские раны кровоточат всю жизнь. Римма Михайловна и Евгений Григорьевич бережно хранят все документы, связанные с их сыном, которые, хотя и скупо, рассказывают о его жизни и боевых подвигах, о том, как он спасал людей в горячих точках планеты.

У Владимира, как у большинства его сверстников, были светлые дни детства: школа, спортзал, спортклуб... Поступил в педагогический институт на физкультурный факультет, чтобы серьезно заняться спортивной гимнастикой. Но любил и другие виды спорта: лыжи, плавание, туризм, скалолазание, что очень пригодились ему потом в армии.

Призвали его осенью 1980 года. Причем уходил служить уже женатым. Ждала его домой одноклассница Лида. Письма ей и родителям слал из Ташкента, где успешно окончил высшее танковое училище и вышел в звании лейтенанта. Потом служил в Туркестанском военном округе в городе Термез.

В начале 80-х через Термез проходили военные дороги в Афганистан, там шла большая война. Но командира танка Владимира Ласточкина после учебки оставили служить на границе. Правда, дважды его моторизованная часть все-таки совершала короткие вспомогательные рейды за кордон.

После демобилизации «отличником боевой и политической подготовки» сразу предложили службу в милиции, но он решил сначала поработать по своей дипломной специальности — тренером детско-юношеской спортивной школы. Позже все же перешел на службу в милицию. Скоро

Ласточкин стал одним из инициаторов создания отряда спецназа из сотрудников СИЗО, потом целый год был командиром ОМОНа. Но очень ему хотелось попасть в СОБР (в специальный отряд быстрого реагирования), который в Екатеринбурге возглавлял полковник милиции Леонид Валов. Там были ребята сильные, смелые, со специальной подготовкой, словом, фанаты своего дела. И это ему очень было по душе. Но летом 1994 года Ласточкина направляют на учебу в Москву, в Академию МВД.

Походил он на лекции несколько месяцев, жизни спокойной не выдержал — успешно сдал сессию и перевелся на заочное отделение. Жене объяснил, что хочет настоящего «живого дела», ради этого готов стать простым бойцом отдела быстрого реагирования ГУОП. Лида не возражала. Но когда в отделе увидели этого крепкого, хорошо сложенного майора, узнали, какой путь он прошел, о должности «простого бойца» речи уже не было. Определили в отдел управления. Восторга высокий пост у него не вызывал, но он свой воз тянул исправно. Тем более что иногда все-таки удавалось участвовать в операциях по задержанию и обезвреживанию опасных преступников. На его счету 111 прыжков с парашютом. Со временем стал совершать акробатические прыжки, а в составе группы «строил» в воздухе сложные фигуры.

— Господь его хранил долго, — сказал отец Владимира Евгений Григорьевич.

Одна из многих рискованных ситуаций случилась в Тушино. Об этом писала газета «Щит и меч» 7 марта 1996 года:

«Запрокинув голову, инструктор по прыжкам с парашютом в тревож-

ном ожидании смотрел в небо. Прыжок с высоты в три с половиной тысячи метров. Черная точка стремительно приближалась к земле. Парашютист уже миновал положенную по инструкции высоту. Однако его парашют не раскрывался. Экстремальная ситуация! На раздумья времени уже нет...

Что же произошло? Выдергивая кольцо, Володя случайно отцепил один из двух тросиков, на которые крепится основной парашют. Теперь купол никак не мог наполниться воздухом. Другой бы на его месте запаниковал, растерялся. Ласточкин же, действуя на редкость хладнокровно, отцепил и второй тросик, умудрился поймать ногами (!) падающий парашют и раскрыл запасной.

Присутствовавшие на прыжках немецкие специалисты приветствовали его приземление аплодисментами».

Говорили, что Володя оправдывает свою крылатую фамилию — Ласточкин.

Володя не рассказывал ни детям, ни жене о тех опасностях, которым подвергался. Они не знали, например, что был он в первой группе собровцев во время теракта в Буденновске 14 июня 1995 года, когда ребята из отрядов СОБР под прицельным огнем чеченских боевиков сумели занять три здания больницы комплекса и спасти большую группу заложников...

Сейчас дети Владимира и Лидии Ласточкиных выросли. В год гибели отца Свете было 10, Андрею 12 лет. Последнюю встречу семьи запечатлел на кинокамеру сослуживец, заехавший к ним в гости. Любительская съемка была сделана 24 октября 1995 года. Мы видим дружную семью перед очередной командировкой ее главы в Чечню.

Владимир Ласточкин на этот раз поехал в должности начальника штаба сводного отряда СОБРа. Сумел побывать во всех отрядах быстрого реагирования, разбросанных по респу-

блике. Несколько раз попадал под обстрелы. Когда срок командировки истек, из Гудермеса, где уже шли тяжелые бои, пришло скорбное известие: погиб командир СОБРа Свердловской области — в свое время наставник Владимира — полковник милиции Леонид Валов. Тело его находилось в комендатуре города, блокированной боевиками. И Ласточкин не смог уехать. Уговорил друга — Игоря Гудкова, тоже офицера СОБРа, — вместе пробраться к комендатуре, вынести тело погибшего командира, чтобы отправить ближайшим бортом в Екатеринбург.

— Все было не просто, — сказал в интервью Игорь Сергеевич Гудков. — Мы сами напросились. Нас не отпускали, даже угрожали. В итоге — своих ребят, собровцев, мы взять не могли, пошли вдвоем.

Провели разведку подходов к комендатуре, нашли коридор, по которому можно проскочить. Забрали тело командира и двух раненых бойцов. Но попали под обстрел, в результате Володю ранило в руку. Мы спрятались за бетонной стеной. И тут выстрелом из гранатомета разворотило одну из плит. У Володи ранение в голову, меня и ранило, и контузило. Когда очнулся, вынес Ласточкина и еще двух раненых в безопасное место. Доставил и тело Валова. Потом нашу группу на подоспевшем БТРе вывезли из зоны боевых действий, отправили в госпиталь аэропорта Северный. Но врачи оказались бессильны. Спустя пять дней, 25 декабря, Владимир, не приходя в сознание, скончался.

В память о нем в войсках МВД в Москве ежегодно проводятся соревнования на Кубок страны по прикладному карате. Приказом МВД России Владимир Евгеньевич Ласточкин навечно зачислен в списки СОБРа. Звание Героя России ему присвоено посмертно. **УС**

◀ Командир спецназа
Владимир Ласточкин

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0124 - 241X
www.uralstalker.com

▲ Утро в Арктике. Фото Е. Корбута

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com
ISSN 0134-241X

июль 2014

Аэлита

50

Координаты чудес

ВЛАДА ДЯТЛОВА
Красная шапка

50

67

Координаты чудес

МАРИНА КАРПЕНКО
Рай для всех

67

78

Законы Вселенной

МАРИЯ ЕМА
Пятачок

78

Красная шапка

Влада Дятлова

Родилась и выросла на Украине в городе Киев. Имеет высшее педагогическое образование и сейчас получает второе по специальности «Английский язык и литература». Работает учителем в школе. Замужем, воспитывает двоих детей. Опубликованная работа одна: «Сказка про Любаву, дочь боярскую» в литературной газете «Литерра» в 2013 году.

Каплями гранатов лопнувшего ожерелья рассыпались бусины по зеленому мшистому ковру. Сорвешь одну, а глаз примечает следующую. Рука сама тянется за новым полупрозрачным шариком. Шаг за шагом корзинка тяжелеет, губы терпнут от кислого вкуса клюквы. Солнце поднялось уже высоко, растопило легкий налет инея под ногами, подол подмок, но я этого не замечаю в азарте погони. Некогда обернуться: вдруг, пока буду вертеть головой, ягоды разбегутся, попрячутся под темно-зеленые упругие листики, утонут в густом мхе. Еще с десятков соберу — тогда уж посмотрю, куда забрела.

Высокий отдаленный звук разливается над болотом, обдаёт меня пронзительным морозным ветром. Я замираю, вцепившись в ручку корзинки перепачканными соком пальцами. Ужели правда то, что болтают в деревне? Может, обозналась? Иногда топь стонет: отец говорит, это торф проседает, а бабушка Гвен — что это варки, пропащие души, сгинувшие в болоте. Она много чего рассказывала, чем страшней, тем лучше. От ее сказок глупый Педди норовил спрятаться под лавку. А мама... Мама махала на нее кухонным полотенцем и говорила: «Да будет вам детей пугать, ночью не заснут».

Мне вот тоже хочется под лавку с перепугу голове спрятать. Но я лишь до хруста сжимаю плетеную ручку и до звона в ушах прислушиваюсь к тишине. Ничего. Только легкий шорох ветра, ласкающего вереск. Я сажусь на пятки, вытягиваю шею, оглядываясь — куда ж меня занесло в погоне за ягодами. Тропинка по гребню холма осталась далеко позади. Гранитные глыбы, выпирающие из зеленого ковра, кажутся обглоданными костями неведомого чудища. А топь — вот она,

совсем близко, дышит сонно-сизым туманом, поблескивает черными прогалинами воды. Ох, просил же отец не отходить далеко от тропы, не забираться вглубь болота. Сказки сказками, только люди последнее время уж больно часто пропадали здесь. Молоденькие девушки исчезали без следа. Вон у мельника, дядюшки Йорга, дочь пропала. Искали-искали, да так и не нашли.

— Здравствуй, Нисса.

Я подсказываю, резко оборачиваюсь — ягоды из корзинки брызгают красными капельками. Он стоит в паре шагов за спиной, даже и не услышала, как подошел. Так всегда: откуда появился и куда пропал — не уследишь. Плащ, подбитый мехом, глаза чуть раскосые. Не глаза, а ржавая болотная вода. Ни у кого другого таких не видела.

— Дурак ты, Ульв! Напугал! — ледяной страхает, как иней под солнцем. — Слышал?

Я мотаю головой в сторону топи.

— Нет, — твердо говорит он, — ничего не слышал.

Он сдувает со лба неровно подстриженную челку какого-то блеклого мышинного цвета, переступает с ноги на ногу:

— Давай провожу, чтобы не страшно было.

— Ну, давай, — соглашаюсь вроде нехотя.

Ульв несет мою корзинку так бережно, будто я вручила ему главную драгоценность королевской сокровищницы. Он молчит, я — тоже. Он вообще неразговорчив, но рядом с ним молчать уютно, словно все уже давно сказано и решено. И это приятное чувство защищенности — ничего плохого случиться не может, пока он, отстав на полшага, идет за моим плечом. Тропинка петляет между камнями, карабкается между чахлыми зарослями ольшаника на вершину Ушастого холма. Отсюда хорошо видно, почему холм так называют:

сложенный из огромных обтесанных глыб древний дольмен развалился. Два камня накренились и сползли ниже по склонам. Похоже на звериную голову с настороженными ушами. Если подняться на вершину, то видна вся округа: дорога, ведущая к деревне и дальше к Веймерскому замку, дуб, старый и покореженный, на повороте дороги. А еще видна топь — без конца и края, странное существо, не живое, но и не мертвое. Она дышит, всхлипывает, иногда тоскливо воет. Ни земля, ни вода; топь, как оборотень, способна за мгновение превратиться из твердой и надежной в жидкую хлябь — и проглотить тебя.

— Пойдем вокруг холма, — предлагает Ульв.

Я понимаю, почему: так дорога чуть не в два раза длинней, но ему хочется побыть со мной подольше. К нам на хутор он не зайдет. Доведет до одной ему заметной метки — и дальше ни шагу. Знаю, не первый раз он меня провожает. А я и не настаиваю — отцу бы не понравилось.

Вот уже дом мой виден. Приземистый бревенчатый сруб, покрытый замшелой дранкой. С боков к нему жмутся рига да сарай. Вьется дымок из трубы. Хрипло, с присвистом лает старый пес на цепи. По дороге от дома уныло топает копытами Голубчик, впряженный в телегу. Отец встряхивает поводьями, заприметив меня. Ульв вздыхает, отдает мне корзинку, стаскивает с головы шапку и настороженно ждет, пока телега поравняется с нами.

— День добрый, — кланяется он отцу. Тот бурчит что-то неразборчиво и отворачивается.

— Я пойду, — говорит Ульв тихо, глядя в спину отцу. — Я ж ничего такого...

— Он просто не любит, когда я сама на болото хожу. Вот и злится. На меня.

— Я пойду, — еще раз говорит Ульв, но не уходит, мнет в руках шапку.

— А знаешь, я завтра снова собираюсь за клюквой. Ее много в этом году, но самой мне идти боязно. Вот если б...

Бледная тень улыбки трогает его губы. Он осторожно спрашивает:

— Так, может, вместе пойдем?

— С тобой — не страшно.

Он улыбается, но как-то неумело, недоверчиво. Солнечный луч плавится в янтаре его глаз.

Я бегу вслед за телегой, нагоняю, плюхаюсь вместе с корзинкой на сено:

— На мельницу собрался? — спрашиваю отца: на телеге лежит пара мешков с зерном. — Я с тобой.

— Снова на болото ходила? — отец неодобрительно смотрит на корзинку, доверху наполненную блестящими ягодами. — Просил же...

— Я совсем близенько, около самой тропинки. Ты ж сам говорил, не веришь в бабушкины сказки.

— Я и не верю в сказки. В жизни есть много по-настоящему страшных вещей, кроме придуманных чудищ, Нисса. Не ходила бы ты туда! — в сердцах хлопает поводьями отец, конь раздосадованно мотает головой — люди спорят, а ему отдувайся. — Говорят, Хозяин повадился за Ушастым холмом охотиться. Следы там видели...

— Чьи? — замираю я, вспоминая протяжный звук над болотом.

— Да ничьи! — отец злится. — Не следов я боюсь...

— Варки?

— Ну что ты заладила — варки-варки. Не их надо остерегаться. Варки — хищные звери — охотятся, только когда голодны, ради забавы не убивают, людей не трогают.

— А как же...

— При старом лорде Веймере варки здесь тоже жили. Охотились на дичь, ну, могли овец на пастбищах порвать, ну, корову заплутавшую. Но близко к деревьям и хуторам — ни ногой. Людей не убивали. А уж как преставился старый лорд, а следом за ним сгинул без вести молодой наследник — все покатило кувыркком да в болото.

— Так, может, новый хозяин и наведет порядок?

— Наведет... — вздыхает отец, и Голубчик его поддерживает. — Навел уже. Я раньше не боялся тебя дома одну оставить или за ягодами отпустить.

Мы молчим долго, втроем — я, отец и Голубчик. Только сойка свистит на сухой корявой ветке дуба, когда мы проезжаем мимо. Хорошо бы пойти завтра снова за клюквой, но и отца расстраивать не хочется. Я загребаю полную пригоршню ягод из корзины и протягиваю отцу. Он берет парочку заскорузлыми пальцами.

— Па, а если я не сама пойду завтра? Отпустишь?

— Он тебе нравится? — спрашивает отец, и я не пытаюсь делать вид, что не поняла вопроса, лишь неопределенно пожимаю плечами. Нравится ли мне Ульв? Не знаю, но он смотрит на меня так, что где-то внутри меня образуется пустота, в которой крылышками трепещет множество мотыльков. И мне щекотно и хочется смеяться.

— Тебе он не нравится, — говорю вместо ответа.

— Да не то чтоб... — бурчит отец. — Но, понимаешь...

Цокает языком, трясет поводьями. Голубчик устало мотает хвостом и делает вид, что пошел быстрее. Подвода подпрыгивает на колдобине. Я прижимаюсь спиной к отцу. Я понимаю. Два

года назад на нашем дворе было шумно, в доме — тесно, но уютно. А потом пришло моровое поветрие. На холме за домом встали еще шесть камней, а мы с отцом остались вдвоем в гулком старом доме, построенном еще его дедом.

Ветер гуляет в пожелтой траве, путается в каменных глыбах — злится, свистит. Кольшется вечный туман над затаившейся топью. Дорога снова делает поворот, и впереди видна мутная, пенная Урлиса, добросовестно вертящая колесо мельницы.

Во дворе дядюшки Йорга тихо, ставни в доме закрыты, даже пес не лает, только голову поднял, когда наша телега во двор заехала, и снова положил ее на лохматые лапы. Я мельника не сразу и замечаю, хотя сидит он прямо на лавочке у открытой двери. Он всегда такой большой и крикливый, а сейчас похож на полупустой мучной мешок. Здоровенные руки, свешенные между коленями, мнут какую-то бурую тряпку.

— Здравствуй, Йорг! — говорит отец, осматриваясь. — Муки бы мне.

Мельник молчит, смотрит на нас, словно не узнавая.

— А где все твои?

Дядюшка Йорг обводит глазами пустой двор, сжимает кулаки и после долгой паузы мотает головой куда-то в сторону:

— Отправил. Не надо им здесь...

Отец кивает понимающе, забрасывает на спину мешок и тащит внутрь:

— Пойдем, поговорим, Йорг.

Я слезаю с телеги, подхожу к Голубчику, он тычется мне в щеку бархатными ноздрями, успокаивающе всхрапывает.

— Посиди тут, — кидает мне отец, вернувшись за вторым мешком.

Дверь остается открытой, отец и дядюшка Йорг разговаривают, стоя совсем близко. Мельник говорит все громче, но за скрипом жерновов я слов разобрать не могу. Он вытирает лицо зажатой в кулаке тряпкой, голос его больше похож на всхлипы. Отец крепко держит его за локоть. До открытой двери всего несколько шагов, если встать у скамейки, то все хорошо видно и слышно:

— Уверен? — спрашивает отец. — А может, все же варки?

— Варки? Не варки сожгли ферму старого Райфара. Ты хорошо это знаешь, Стеон. Легко свалить пропажу одинокой девушки на болотных чудищ. Но не то, что случилось в Форском монастыре, сам понимаешь. Оборотню не обязательно обростать шерстью.

— Нашел что-то?

— Нашел, — рука дядюшки Йорга разжимается, грязный лоскут падает на припорошенный пол. — Хоть бы похоронить дал по-человечески, рядом с родными. Нет, в болото сбросил. Видно, как волокли тело и где утопили. И следы коней и собак. Уж их со следами варка не спутаешь.

Скрипит жернов, в луче света плывет мучная пыль.

— Продам мельницу, уеду из Веймера. Был бы один, взялся б за вилы, как Райфар. Но у меня младшие, надо как-то жить. Уеду.

Отец молча грузит мешки на телегу, а дядюшка Йорг стоит в проеме дверей, сторбившись, держится рукой за косяк. Глаза у него пустые, волосы припорошены мукой.

— Спрячь косы под платок и вообще надвинь его пониже! — просит отец, выезжая с мельницы. Отец торопится, и Голубчик его понимает, старается. Мы уже и поворот с дубом проскочи-

ли, и Ушастый остался за спиной. Еще немного, и свернем к дому. Но на дороге позади нас раздаётся топот конских копыт, лай собак. Отец оборачивается, и лицо у него — точь-в-точь, как у Йорга: застывшее, белое. В клубах пыли прямо на нас несется темный вихрь:

— С дороги!

Отец тянет поводья на себя, заставляя Голубчика съехать на обочину, телега скрипит и кренится, так и застревает, скособочившись. Мы спрыгиваем на землю, кланяемся низко, как и положено, встретив на дороге лорда. Отец крепко сжимает мою руку, я слышу его шепот:

— Хоть бы мимо пронесло.

Но нет — останавливаются. Я смотрю только на дорогу, на конские копыта, что топчутся вокруг нас, на собачьи лапы, что скребут пыль, желая сорваться со сворок.

— Ваша милость, — еще ниже кланяется отец, тянет меня за руку, чтобы голову не подняла. Я утыкаюсь взглядом в собственные башмаки. Громадная тень нависает надо мной. Я чувствую взгляд; так смотрят на гусеницу: раздавить — или лень ногу поднимать. Сверху цыкают, рукоять плетки упирается мне в подбородок, заставляя поднять лицо.

Он высок — или это мне кажется, глядя снизу вверх. Тонкое, породистое лицо. Может быть, и красивое, если б не хищный прищур глаз. Густокрасная парчовая шапка, отороченная собольим мехом. Такой же камзол — цвет Веймерских лордов. Длинноногий вороной жеребец под ним танцует и зло косится на нас — ради чего всадник прервал его бег?! Хрипят, рвутся со сворок собаки — рыжие, с черными подпалинами на вытянутых мордах, с темной полосой по чуть горбатым узким спинам.

Он никогда не ездит с большим отрядом. Только двое сопровождающих и свора собак. Ему нечего бояться, он — Хозяин каждой травинки, каждого камушка, каждой жизни здесь.

— Как это я проглядел?! — ухмыляется Хозяин, как кот, обнаруживший забытую на столе крынку со сметаной.

— Господин, — один из сопровождающих решается подать голос. — Аббат ведь ждет. С утра.

— Жаль... — раздраженно проводит рукой по гладко выбритому подбородку. — Ничего, буду ехать обратно, загляну. Сдаётся, ты мне кое-что задал, а, Стеон? У меня хорошая память.

— Год выдался тяжелый, ваша милость. Погодите еще немного — все отдам, — отец комкает в заскорузлых пальцах войлочный колпак.

— Ну вот и обсудим пеню за задержку, — плеть со свистом опускается на круп жеребца. Чернорыжий вихрь уносится прочь, оставляя за собой лишь клубы пыли и холодные капли пота на лбу отца.

Отец молчит все время, пока мы вытаскиваем телегу, пока едем домой. У него такое лицо, что я боюсь о чем-либо спрашивать. Я помню его таким, когда он копал в промерзшей земле последние две могилы — для Педди и мамы. Въезжая во двор, ворот он не закрыл, Голубчика не распряг — пошел к колодцу. Долго крутит скрипучий ворот, заглядывая в глубину сруба, словно хочет там разглядеть что-то. Жадно пьет ледяную воду прямо из ведра — струйки льются за воротник куртки, — кашляет, утираясь рукавом, ставит ведро на край колодца и идет в дом, оставляя дверь открытой настежь. Я бегу следом, едва поспевая.

В кухне, дернув на себя рывком тяжелый стол, отец прямо в грязных сапогах становится на сто-

лешницу, осторожно стягивает сверток с балок. Я знаю, что в нем. Отец повоевал со старым королем почти десять лет. Он не любит об этом рассказывать. Предпочел забыть раз и навсегда — вернулся домой, женился, только лук его, длинный, тугой лук со спущенной тетивой, бережно завернутый в холстину, лежит на балках в кухне. Отец сам тщательно выбирал место — лук не любит ни жары, ни холода. Иногда доставал его, смазывал какой-то пахнущей воском смесью, ласково гладил потемневший лак. И уходил за ворота пострелять. «Лук, как и коня, надо выгуливать, иначе он захиреет», — улыбался он. Когда Педди немного подрос, стал ходить с отцом. А я любила смотреть, как отец «выгуливает» лук, но мама бранилась. Стрелял отец только по мишени, охотиться на дичь запрещено — это развлечение для лордов.

— Па... — глажу его по плечу, когда он разворачивает холстину и берет в руки обмотанный тонкой кожей и покрытый слегка потрескавшимся лаком лук, — па, зачем?

— Собирай вещи, Нисса, — накрывает он мою ладонь своей, — я отведу тебя в Райвель, к дяде Остину и бабушке. Поживешь немного у них. Там тебя никто искать не станет.

— Но ведь уже вечер на дворе, как же мы ночью пойдем?

— Ничего, главное с дороги не сворачивать, близко к топи не соваться. Доберемся.

— А варки?

— Послушай, — отец кладет лук на стол и сжимает мои руки, — послушай, ни один зверь не убивает ради забавы. Бояться нам надо совсем другого. Собирайся.

Мне собирать особенно нечего — тощий узелок и мамино ожерелье из темного необработан-

ного янтаря. Все, что у меня есть, в узелке не унесешь — закопченные стены, скрипучее крыльцо, резные ставни на окнах, камни на холме за домом.

Ворота так и остаются незакрытыми, когда мы выходим со двора. Старый пес, натянув цепь, скулит вслед.

— По дороге пешком пойдем, долго Голубчик верхового нести не сможет — стар уже. А по дороге кто только не ездит, след трудно взять. У дуба свернем на тропинку, — отец крепит мой узелок к седлу, Голубчик косится недоуменно: давненько на нем верхом не ездили.

Розово-лиловый закат заливает небо. Дуб тянет вверх изуродованные сухие руки в немой мольбе. Сзади неслышно подкрадывается ночь. В тишине над пустошью и дорогой хорошо слышен звук. Нет, не тоскливый вой. Стук копыт, ругань, хриплый, осипший иступленный лай. Я знаю голос нашего пса, он хоть и стар, но будет защищать двор до последнего. Лай захлебывается, переходит в визг и скулеж. Обрывается.

— Дурак! Я думал, у нас больше времени, — отец хватается за талию и забрасывает в седло.

— Папа! — цепляюсь за него, но он отрывает мои руки.

— По тропинке, мимо кузни Орма, к утру будешь в Райвеле. Не возвращайся, пока не дам знать.

— А ты?! — топот на дороге приближается, скоро уже они выскочат за поворот.

— Беги! Я попробую договориться, выпросить отсрочку. Если тебя здесь не будет, мне станет легче. Ну, давай, я, как все утрясу, приеду и заберу тебя, — он сдергивает с головы шапку и бьет ей изо всей силы Голубчика по крупу. Конь всхрапывает и срывается с места неуклюжей рысью. Я едва

не выпадаю из седла, цепляюсь за поводья, не могу даже обернуться.

Старый дуб на повороте дороги остается за спиной. Каменистая тропка вьется между валунов. Я слышу стук копыт и лай собак на дороге. Голубчик хрипит, но бежит все быстрее, как не бегал уже давно, переходя в тяжелый галоп. Лай следует за нами по пятам, а страх уселся за спиной в седле, стискивает ледяными пальцами грудь, мешая дышать.

Я оборачиваюсь — темные, распластавшиеся в беге тени на фоне ставшего фиолетовым неба. Они уже не лают, берегут дыхание, обходят нас с Голубчиком с двух сторон тропинки. У коня в груди свистит, липкие хлопья пены летят мне в лицо. Против этих созданных для травли собак Хозяина у нас нет ни единого шанса. Страх захлестывает меня, как болотная жижа, я захлебываюсь в нем, немеют руки. Хочется завить от бесилия и ужаса. Голубчик всхлипывает совсем по-человечески и неимоверным усилием набирает скорость, отрывается от преследователей. Выносит меня на пригорок, но ноги у него подламываются. Я вылетаю из седла, качусь вниз по крутому склону. Небо и земля пляшут вокруг безумный танец.

— Нисса! — Ульв выхватывает меня из дикой круговерти, пытается поднять на руки.

— Не надо. Больно, очень больно, — что-то липкое течет по лицу, заливая глаза, я вытираю — и вижу выскочивших на гребень холма собак. Они не остановятся, пока не загонят дичь.

Ульв осторожно опускает меня на землю, морщит нос и вздергивает губу. Звук, который он издает, отзывается дрожью в моих пальцах и холодом в позвоночнике, заставляет собак остановиться и сбиться в кучу.

Они визгливо лают, призывая на помощь своего хозяина. Лишь рыжий вожак дыбит шерсть на холке, шагает вперед и отвечает Ульву утробным рычанием. Прыгают они одновременно, только Ульв успевает кувыркнуться. Плащ вздувается, выворачивается мехом наизнанку, облепливает его с ног до головы, и на мох приземляется уже не человек — крупная тварь, лишь отдаленно похожая на волка.

Ужас из бабушкиных сказок и ночных кошмаров — варк-оборотень. Наверное, я уже умерла. Или сильно ударились головой. Варк сбивает пса в полете и, придавив к земле, вцепляется ему в горло. Мотает головой, отбрасывая ставшее рыжей тряпкой мертвое тело.

Свора пятится, взвизгивает испуганно на несколько голосов. Возможно, они бы сбежали, дай им варк хоть несколько мгновений. Но он бросается, не раздумывая. Жуткий хруст, визг и красные бусины, сыплющиеся на зелень мха, — больше я ничего не помню. Темнота приходит ко мне на мягких лапах, милосердно обнимает, укутывает бархатным теплым плащом.

* * *

Не пойму, где я. Ни земли, ни неба, тусклый свет, туман течет неспешной рекой, облизывая мои колени. Кое-где из него торчат черные гладкие спины валунов.

Серые волны вскипают, закручиваются водоворотами вокруг них. Оглядываюсь, не знаю, куда идти, везде одно и то же.

Пытаюсь закричать, но не могу — гнетущая полная тишина глушит мой голос, забивается в уши. Идти страшно, стоять на месте невозможно: медленное, но настойчивое течение тумана увле-

кает за собой, заставляет идти вниз по пологому склону, все больше погружаясь в марево.

Но я сопротивляюсь течению, отчаянным рывком выбираюсь к ближайшему валуну, цепляюсь за его влажный, шероховатый бок.

— Ниссса... Ниссса... — шуршит ласково мгла.

— И-и-иди вни-и-из! — тонко, зазывно воет ветер.

Нет, отвечать нельзя, если отзовусь — пропаду, надо сцепить зубы и крепко держаться за камень. Я не хочу вниз, там холодно и страшно. Течение становится сильнее, туман вскипает, вздувается приливной волной, выбрасывает вперед когтистые лапы.

— Нет! Не хочу!

— Беги-и-и! — слышу позади себя тяжелый вздох, словно кто-то пытается поднять невероятную тяжесть. Оборачиваюсь и вижу темную фигуру внизу по течению. Он стоит ко мне вполоборота, плечи и спина напряжены. Руки будто натягивают невидимый лук.

— Папа?

— Беги! — он спускает тетиву, и волна, грозившая смести и утопить меня, накрывает его, уносит прочь. Остается лишь густая мгла и полное одиночество.

Кричу, но голос мой вязнет, бегу, спотыкаюсь, падаю, обдираю руки. Подняться уже не могу, так и стою на коленях:

— Папа... — сама себя не слышу, а туман равнодушно молчит. Под ногами хлопает и качается земля. Нет, уже не земля — болото.

Куда идти? Зачем? В серой беспросветной мгле бродят безголосые тени. И я растворяюсь в тумане, становлюсь одной из них — без имени, без памяти, без надежды.

— Нисса! Очнись! — я знала когда-то этот голос, но не могу вспомнить. Кого он зовет, уже не понимаю. — Орм! Сделай же что-нибудь!

— Сделал все, что мог. Но ее душа, похоже, заплутала, — где-то рядом разговаривают люди, но все равно не могу подняться и идти к ним. — Позови ее, Шукар.

Я слышу отдаленные глухие удары, их рваный ритм все нарастает, туман над болотом дышит в такт, все быстрее и быстрее, как загнанная лошадь. Чувствую этот убыстряющийся звук не ушами, но всем телом. Все ближе и ближе — туман редеет, это уже не просто звук, а музыка, странная, завораживающая. Гулкий голос бубна, как пляска огня на поленьях. Искрами выстреливают тонкоголосые колокольцы. Низкий грудной голос тянет одну ноту, как вой, как стон. Туман опадает хлопьями изморози на пожухлый бурый мох. Вижу бесконечную топь — унылые кочки, проталины черной воды. Мне не выбраться, я останусь здесь навсегда. Но где-то, где темень болота смыкается с мраком неба, внезапно вспыхивает крошечный огонек, пульсирует, разгорается в такт бубну и голосу. Встаю, делаю шаг вперед и проваливаюсь по колено в холодную и страшную до судорог полынью между кочками. Выбираюсь, задыхаясь от ужаса, обдирая в кровь пальцы. Стою, пытаюсь отдышаться, боюсь сделать следующий шаг.

Волчица подходит ко мне сзади, толкает руку лобастой головой, трется боком о бедро, как кошка. Темная волчья шерсть заметно тронута сединой. Она смотрит выжидательно мне в глаза. В этой бесконечной серости звериные желтоватые глаза похожи на солнечные зайчики. Я ее не боюсь. Она перепрыгивает на соседнюю кочку, смотрит на меня, приглашает идти следом. И я иду —

шаг в шаг, бубен все слышней, живой огонек все ближе. Волчица легко бежит по болотным кочкам, но следы, которые она оставляет, — человеческие, босые...

* * *

Я открываю глаза. Сначала кажется, что все было лишь страшным сном. Только почему-то ужасно болит голова, и все вокруг плывет, как горячий воздух над дорогой в середине лета. Бревенчатые, закопченные стены, пучки трав свешиваются с потолочных балок, уютно гудит огонь в очаге. С трудом сажусь; все внутри отзывается тупой, ноющей болью. Вытираю испарину со лба, борюсь с подступающей тошнотой, опускаю босые ступни на пол. От ледяного сквозняка зябнут ноги, но это к лучшему — холод разгоняет темноту, сгущающуюся в голове. Несмотря на слабость, поднимаюсь и делаю несколько шагов, цепляюсь за столешницу. Болезненная судорога сводит желудок, дышится с трудом, хочется пить. Волоку неповоротливое тело к двери, надеясь не упасть.

Дверь для меня слишком тяжела, я открываю ее на ширину ладони, а дальше не могу. Нет, это не мой двор. Ни колодца, ни сарая, низкий плетеный заборчик едва очерчивает утоптаный пятак перед домом, а дальше — болото.

Размеренный стук топора — человек, голый по пояс, рубит дрова. Перекатываются мышцы спины и плеч, щепки летят, расколотые бревнышки падают с колоды. На предплечье у него уродливое клеймо: полукруг, пересеченный чертой. Клеймо старое, но настолько глубокое, словно руку пытались до кости прожечь.

Тут дверь подается, цепляясь за нее, я оказываюсь на крыльце. Мужчина оборачивается, смотрит

на меня исподлобья, недобро, с прищуром. Под его взглядом мне становится совсем худо, и я оседаю на ступеньку. Он размашистым движением вгоняет топор в колоду и делает ко мне шаг. Губа у него вздергивается, в глазах загорается злой огонек. Пытаюсь отшатнуться, но тошнота и боль скручивают, меня рвет чем-то бурым, выворачивая наизнанку.

— Торкелл! — из-за дома выныривает Ульв и мгновенно оказывается на середине двора, между мной и мужчиной.

— Она принесет беду, — глухо говорит Торкелл.

— Не пугай девочку, — просит женщина, которую я не заметила раньше. В руках она держит корзину, куда складывает наколотые дрова. Волосы у нее черные, закручиваются тугими локонами, небрежно повязаны цветастым платком. Лицо смуглое, широкоскулое, брови вразлет. Она легким движением кладет ладонь на локоть Торкелла, но он в раздражении стряхивает, резко поводит клейменым плечом:

— Она накличет на наши головы большую охоту. Она — никто, и я не хочу, чтобы из-за этой никчемной девчонки пострадали вы все.

Ульв то ли хрипит, то ли рычит и делает шаг навстречу Торкеллу.

— Вот, — скалится Торкелл, мягко ступая, он обходит Ульва сбоку, — вот, а начнется с грызни внутри стаи...

— Не начнется! — голос, как удар плетью. Крепкий, с седым ежиком волос — Орм. Я хорошо знаю его — впрочем, я всех их хорошо знаю. Орм — кузнец, выковавший, наверное, каждую железку в нашем доме, отец Ульва. Торкелл — лучшего шорника в округе не найти. Его жена, смуглянка Шукар, она приходила к нам повитухой, когда мама рожа-

ла Педди и малышку Тэм. Хорошие соседи, которые собираются и на свадьбы, и на похороны.

Хотя, выходит, я совсем не знала, с кем живу бок о бок. Никогда нельзя быть уверенным, что окажется под меховым плащом, если вывернуть его наизнанку.

Так же, как никогда нельзя быть уверенным в обманчивой твердости болотных кочек.

— Угомонись, Торкелл! — Орм выходит на середину двора, вытирает руки грязной тряпкой.

— Зачем нам это? И без того хватает...

— Что-то я не помню, чтобы ты ответил на этот вопрос, когда в Наврате тащил меня. Ругался, помню, по-черному, а ответить так и не ответил.

— Так получилось... — Торкелл упрямо наклоняет голову, сутулится.

Шукар обходит застывших в противоборстве взглядов мужчин, подхватывает меня за подмышки и тянет в дом:

— Зачем же ты встала, тебе нельзя...

Я вяло и безуспешно вырываюсь из ее рук, но она не отпускает:

— Не бойся, — она ногой закрывает дверь, — не обращай внимания. Пусть поговорят.

И добавляет:

— Мужчины... — словно это все объясняет.

Она укладывает меня на лежанку, подносит чашку с травяным настоем, но я отодвигаюсь, насколько возможно, прижимаюсь спиной к бревенчатой стене, мотаю головой.

— Не бойся, — солнечный свет играет в ее рыжих глазах, черные пряди волос изрядно пересыпаны сединой, и я вдруг понимаю, по чьим следам выбралась из болота. Беру чашку в руки — пахнет терпко.

— Я хочу домой, к папе. Как он?

— Пей! — она подталкивает чашку к моим губам. — Тебе надо поспать.

Травяной настой теплый, горьковатый, вязкий, и я снова проваливаюсь в сон: душный и холодный одновременно.

Знобит, не могу согреться, как бы ни укрывал меня Ульв. А изнутри меня сжигает огонь, в пересохшем горле хрипит, воздуха не хватает, кажется — тону в болоте, захлебываюсь. И лишь шершавая рука Ульва не дает мне утонуть окончательно — цепляюсь за нее и выныриваю. Все вокруг плавится и оплывает в горячечном бреде, как свечной воск. Только Шукар и Ульва, которые попеременно сменяются возле моей постели, я вижу ясно. Шукар поит меня настоями, а Ульв — просто сидит, успокаивающе сжимая мою ладонь в своей.

— Папа? — спрашиваю, когда Шукар в очередной раз прилаживает на мой лоб холодную тряпку. Она косится на Ульва. Он вздыхает, как человек, собирающийся нырнуть в холодную воду, отодвигает Шукар, присаживается рядом с лежанкой на корточки, гладит мою руку.

— Что? — хриплю, пытаюсь подняться, но Ульв твердо смотрит мне в глаза:

— Не беспокойся, он жив. Лорд велел плетей дать, но он жив. Только он не хочет, чтобы ты пока возвращалась домой. Потерпи немного, вот станет тебе полегче...

Шукар опускает руку на его плечо и крепко сжимает.

* * *

Я выздоравливаю помалу, как пробуждается весенняя земля, очнувшись от смертельного зимнего сна. Прихожу в себя под разговоры в кухне, отдаленный стук кузни, бесконечные напевы Шу-

кар. Она вышивает и поет. Эти песни похожи на ее узоры — яркие, волшебные, бесконечные. Я не понимаю языка, на котором она поет, но чувствую дыхание горячего ветра и необозримый простор.

— О чем ты поешь?

Шукар пожимает плечами:

— Ни о чем и обо всем. Я из народа нори'ар.

Мы — вольный степной ветер, кочевники. Поем обо всем, что видим, обо всем, что с нами случилось. В этих песнях — вся наша история.

— У вас совсем нет дома, вы всегда в дороге? — удивляюсь я.

— Мы кочуем весь год, но весной все — живые и мертвые — возвращаемся к предгорьям в долину Маков.

— Как это — мертвые возвращаются?

— Если кто-то умирает во время кочевья, тело его сжигают и пепел ссыпают в глиняный горшок. Весной развевают над долиной. В начале лета там всегда бушуют грозы, а потом — зацветают маки. Красное море от края и до края, — Шукар гладит пальцами цветы на ткани, — все, кого мы любили и потеряли...

Она доверчиво протягивает ко мне на раскрытых ладонях свою вышивку:

— А это мои маки, мне ведь никогда не вернуться в долину — слишком далеко.

Протягиваю руки, касаясь ее ладоней, ощущаю, как подрагивают ее пальцы. Маки на вышивке все разные: ярко-красные, охряные, розоватые, незрелые бутоны и раскрывшиеся цветы.

Я нерешительно прикасаюсь к самому маленькому крайнему бутону.

— Эйш... она родилась такой слабенькой, я долго носила ее в платке за спиной, дольше, чем всех остальных...

Она прижимает ткань к груди:

— Мы кочевали привычным путем, как и много-много раз до этого. Мы не знали, что началась война. Нам не было никого дела до королевских дряг. Но у воинов вашего короля такие луки, что прошивают человека насквозь. Все случилось слишком быстро — я не успела ни спрятаться, ни вытащить Эйш из платка. Никто не выжил, кроме меня, потому что моя девочка... была за спиной. Я ничего не помню, но Торкелл говорит, он нашел меня далеко от дороги. Я ползла. Куда? Зачем?

Шукар пожимает плечами:

— Глупый вопрос «зачем?». Зачем убивать таких безобидных бродяг, как мы? Зачем Торкелл меня спас?

— Он тебя вылечил? Или Орм?

— Меня нельзя было вылечить. Четыре стрелы... странно, что я продержалась так долго. Можно было только сделать меня варком.

— Он укусил тебя?

— Какая глупая сказка! Если я тебя укушу, то у тебя будет просто рана. Но если дать человеку выпить нашей порченной крови...

Дверь скрипит, и с улицы вваливается Торкелл. В кулаке он держит за шею петуха.

Длинные голенастые лапы птицы слегка подрагивают.

— Вот, — бурчит варк. — Куриный бульон — лучшее лекарство, сама говорила, кашу она ест с трудом.

— Где ты его взял?

— Где взял — больше нет! Ты б лучше его ощи- пала и сварила, Шукар. Пусть ест!

— Не хватало еще из-за краденого петуха накликать на нас беду.

— Коричневые братья пожаловали в Веймер, — говорит Орм, заходя в дом за Торкеллом. Угрюмый Ульв протискивается в дверь следом. — Сожженный монастырь — это не замордованные крестьянские девчонки. Братья... — он кривится, как от кислого, — несут свет и высшую справедливость, особенно когда это касается интересов церкви, ее денег и земель. Поглядим, как будет выглядеть эта справедливость для хозяина Веймера.

— Ха! — скалит зубы Торкелл. — Это тебя, Орм, коричневые братья, не задумываясь, сожгли бы, если б ты не вывернулся из капкана, оставляя на железных крючках лохмотья своей шкуры. А лорд отбрыснется, откупится, ничего ему не будет.

Ульв мрачнеет еще больше, присаживается на краешек моей лежанки.

— Он ведь не оборотень и не колдун, как ты. Он людей не лечил — против божественной воли. Тебе ж коричневые братья хорошо объяснили: лечить — значит, идти против воли бога. Болезни и смерть надо принимать со смирением, — вкрадчиво говорит Торкелл, не обращая внимания на злые огоньки в глазах Орма. — Какая на нем вина — насильничал, убивал... Так, тьфу! А ты, погрязнув в тщеславии и гордыне, наплевав на божий промысел и, того хуже, на заветы церкви, людей лечил.

Улыбка у Торкелла страшная, он сжимает руку сильнее, слышится хруст, и петух окончательно обвисает. Я отворачиваюсь.

— Он откупится, — повторяет Торкелл, — а вину все равно надо на кого-то свалить. Как думаете, на кого?

Все молчат. А что тут говорить? Даже я знаю ответ.

— К зимнему солнцевороту топь промерзнет так, что выдержит даже всадника в доспехах. А следы на снегу хорошо видны, — глядя в стол, говорит Орм.

— Не впервой, — бурчит Торкелл. — Предлагаю идти на север, там леса глухие, дичи много, людей мало.

— Опять бросать обжитое место... — вздыхает Шукар. — Но мой дом там, где стая.

— Значит, на север? — спрашивает Торкелл.

— Припасы жаль бросать... зря, выходит, все лето корячились. Много не унесем, — говорит Ульв, глядя на меня.

— Шкуры бы унести, — тянет Торкелл. Все выжидательно смотрят на Орма.

— Подождем до солнцеворота, поглядим, что коричневые братья наreshают.

— По крепкому насту бежать легче, — после долгого молчания произносит Орм. — Тебе, Ульв, тоже придется решать.

Я сжимаюсь в комок, Ульв опускает свою ладонь на мою успокаивающе. Торкелл смотрит на тушку петуха у себя в руке и ворчливо говорит:

— Сам, значит, ощипаю.

Он выходит первым, а за ним — остальные, оставляя нас с Ульвом вдвоем.

— Не бойся, Нисса. Я отведу тебя в Райвель. Ты меня прости. Говорят, варк не может не смотреть на луну, а я не мог не смотреть на тебя. Как бы меня ни вразумлял Орм, как бы ни злился Торкелл.

— Орм — твой отец?

— Нет. У варков не бывает детей. Такими, — он хрустит пальцами, сиюсья подобрать слова, — не рождаются, а становятся, когда жизнь подводит к последней черте. Мы просто заблудились —

не люди, но и не звери. Почти умерли, но выжили. Зачем? — он пожимает плечами — так же, как Шукар. — Я не знаю. Но тебе такой судьбы не хочу. Ты вернешься обратно к людям. А мы уйдем.

— Куда?

— Куда? — переспрашивает Ульв. — Не знаю. Таким, как мы, нигде нет места. Все равно куда идти — лишь бы вместе. Все, что у нас есть, — стая. И... — он проводит рукой по макам на оставленном Шукар платке, — обрывки человеческих воспоминаний. Орм говорит, пока мы помним, мы все еще люди. А Орм знает, что говорит. Он был ученым, врачом. Хотя почему — был? Это он тебя вылечил. А Шукар — вытащила. Он никогда не рассказывал, как стал варком. Много чего другого рассказывал, а это — нет.

— А ты? Как — ты?

— Отца своего я не помню. Мать говорила, ушел на войну и не вернулся. А дядька байстрючком вечно называл. Орм ходил к моей матери, сколько себя помню. Ну, ты понимаешь... Не знаю, наверно, любил ее. Таким тоже хочется любить. Без него мы бы не выжили: какая жизнь у солдатки с малым дитем? Ко мне он всегда был добр, учил многому, сказки рассказывал. Мне исполнилось десять, когда мать пошла на реку стирать, а лед весенний, некрепкий — провалилась в полынью. Может, меня бы Орм тогда и забрал, но тут дядька мой объявился. Пока мать жива была — носу не казал, в храме не здоровался. Но вдруг родство в нем заговорило. А скорее, жадность: убогий огрызок земли и халупу нашу решил подгрести себе. Орму сказал: «Ты чужак, сестрин хахаль, не разевай роток на семейное добро». У дядьки детей — мал мала меньше, а еще я. Года два он меня с грехом пополам терпел, по пьяни сильно поко-

лачивал. Орм иногда наведывался, все спрашивал: «Как ты?». Что мне ему говорить было? Молчал, только все равно ждал его приходов. Жили впроголодь, хуже, чем мы с матерью. Из старых башмаков и козуха я быстро вырос, младшему кузнецу отдать пришлось. А мне на новые как-то дядька не расщедрился. Я начал кашлять, сначала и внимания не обратил, а перед солнцеворотом стало мне совсем худо — кашляю, а на ладони кровь вижу.

Орм пришел, как обычно, на праздник Долгой ночи, гостинцев нехитрых мне принес.

Я на крыльцо вышел, и тут кашель меня скрутил. Орм как увидел, взбеленился, на дядьку орать начал:

— Куда ж ты смотришь? Лекаря ему звал? Я ж тебе денег, пусть мало, но оставлял на мальчишку!

— У меня своим детям есть нечего! А я должен платить лекарю за этого нагулянного неизвестно от кого пащенка?! — дядька еще что-то кричал о моей матери, я поднялся, попробовал его ударить, но снова упал, кровь хрипела в горле. Орм ничего не сказал, поднял меня, закинул на спину, как мешок, и ушел.

Он пытался меня лечить, но было слишком поздно — горлом шла кровь, горячка сжигала меня. И однажды ночью Орм вместо травяного настоя протянул мне что-то густое, соленое. Помню — холод, словно кости покрылись изморозью, и, кажется, я выл от боли, ломающей все внутри.

Ульв молчит долго, лицо у него жесткое, тени в уголках губ, как трещины на камне.

— Что с твоим дядей? — спрашиваю я.

— Не знаю. Ты думаешь, я его... Хотя... правильно думаешь. Я пришел к околице села ранней весной, когда снег уже почти стаял. Долго

ждал — и дождался, когда он, пошатываясь, пошел через мостик из таверны домой. Я хотел подойти к нему человеком, но когда увидел — стал варком. С него весь хмель слетел разом. Он бежал, оскальзывался, падал. Ногу подвернул и мог только ползти по раскисшему снегу. Мне б хватило одного прыжка его догнать. Но я вдруг подумал, его дети станут такими же сиротами, как я. Развернулся и ушел. Я не знаю, что с ним.

После той встречи... дядьке, может, и не поверили бы в селе, но мои следы остались повсюду в грязи. Надо было уходить, и мы ушли оттуда уже вчетвером. Потому что все, что у нас есть, — стая. Пересекли топь и прибились сюда, в Веймер. Пока жив был старый лорд, все текло своим чередом. Но теперь нам снова бежать. Ты пешком далеко не уйдешь. Раздобудем лошадь, и отведу тебя завтра в Райвель.

— Раздобудем?

— Нам терять уже нечего. Торкелл приглядел где, остальные помогут.

— Торкелл? Он меня... ненавидит.

— Нет, ненавидит он совсем другое. Собак, людей с королевским гербом на одежде — вот уж кому лучше ночью с ним на одной дорожке не встречаться.

— Почему?

— Могу только догадываться. Видела на плече Торкелла клеймо: королевский герб, месяц и копьё? Орм рассказывал, что века полтора назад хозяевами этой земли были норморы. У них был обычай: когда мальчику из знатной семьи исполнялось шесть, делали татуировку — фамильный герб. Потом, с течением жизни, татуировка становилась больше и больше — все выигранные и проигранные битвы, все важные события.

Рисунок расплзлся на руку и спину. Но первая татуировка, вроде как первый этап возмужания, — на плече. А потом, переплыв Пролив, здесь высадились завоеватели, предки новых хозяев. Королевская династия Талесов и все лорды — их потомки. Норморы проиграли свою войну. Орм говорит, кровь с плах лилась рекой. А женщин и детей — в каменоломни, должен же кто-то строить новые замки. Я думаю, Торкелл из той старинной норморской знати. Наверно, был слишком мал, чтобы очутиться на плахе, но — достаточно взрослый для каменоломен. А поверх старинного герба на плече его приложили клеймом. Ему трудно любить, но он умеет быть преданным. Правда, только своим. Стая... здесь не обязательно любить друг друга, но надо принимать других такими, какие они есть, стоять плечом к плечу, иначе не выжить. Торкелл может не любить тебя, но он будет принимать мой выбор. Этот петух... — Ульв мотает головой в сторону двери, — для чужого он бы так не поступил. И если он сказал, что добудет лошадь, — значит, так тому и быть.

— Ульв, зачем мне лошадь?

— Тебе надо добраться до Райвеля.

— Я не хочу туда, почему я не могу вернуться к папе?

— Это невозможно. Твой отец... хочет, чтобы ты уехала отсюда. И я тебя отведу. Я должен идти. Сегодня ночью будет лошадь.

Он встает резко и уходит, дверь за ним гулко хлопывается.

— Не надо коня... Я не поеду в Райвель.

Но он меня уже не слышит. Впрочем, это и к лучшему. Пока он и остальные будут где-то искать лошадь, я успею добежать до дома. Я никому да не могу уйти, пока не увижусь с отцом. Ко-

жух мой и башмаки, заново прошитые Торкеллом, на лавке у двери.

Платка нигде нет, я тороплюсь и выскакиваю простоволосой. Морозный ветер треплет выбившиеся из косы пряди, полная луна льет расплавленное серебро на землю. Набрасываю кожух уже на ходу — там, где на нем зияли рваные дыры, заботливые руки Шукар наложили латки, прошлись узорным швом. Я провожу пальцами по серебрящемуся в свете луны узору — ты меня поймешь, Шукар. Я не могу не вернуться, я оставила там слишком много.

* * *

Далеко над болотом слышится тоскливый вой. Прости, Ульв, я должна хоть повидаться с отцом. Как он без меня?

Сейчас, уже близко, с этого пригорка будет виден дом...

Может быть, я заблудилась, сбилась с пути? Долина и дорога, холм с камнями, а дома нет. Только темное пятно, уже припорошенное снегом, черный остов печной трубы.

Я оседаю прямо на замерзшую землю, пытаюсь расстегнуть ворот куртки — дышать нечем. Но пальцы окоченели, не слушаются. Так и сижу, стиснув руки в кулаки. Ветер дует в лицо, несет едва уловимый запах гари.

Сбивчивое дыхание у меня за спиной:

— Просил же тебя — не ходи, — Ульв опускается на землю рядом со мной.

— А папа? Где же он? — спрашиваю я, хотя и так уже все прекрасно понимаю.

— Если тебе станет легче, я снял тело с дуба, там, на повороте дороги, где его вздернул Хозяин. И дотащил до холма за вашим домом. Лопа-

ты у меня, правда, не было, а копать могилу когтями тяжело. Но я подумал... ему будет лучше рядом с родными. Шукар, когда на нее находит, иногда плачет и говорит, что все бы отдала, лишь бы вернуться когда-нибудь в свою долину Маков. Вот я и похоронил его на вашем холме.

— Ты меня обманывал!

— Обманывал. Не мог сказать, язык не поворачивался. Ты была слишком слаба, я подумал, так лучше — пусть он для тебя еще какое-то время остается живым.

— За что? Зачем?! — глупый вопрос, на который нет ответа. Я вцепляюсь в завязки его плаща с остервенением, дергаю так, что на шее Ульва сразу же вспухает багровая полоса. Но он не пробует оторвать от себя мои скрюченные болью пальцы, только держит за запястья, пока я бьюсь в немом припадке.

— Он же застрелил несколько собак лорда Веймера, — бурчит Ульв, когда я немного ослабляю хватку, — я ему обязан жизнью, так же, как и ты. В споре — полторы дюжины псов. Если бы они все разом кинулись на меня...

Я вою, выплескивая в морозный воздух всю свою боль. Всю свою душу, разодранную в клочья, — звук этот разливается над топью, замершей в немом понимании.

— Тише, услышат, он тебя все еще ищет — не успокоится, пока не найдет, — просит Ульв, пытаясь зажать мне рот рукой, — я отведу тебя в Райвель, там не отыщут, это уже не Веймер.

— Нет! — дергаюсь и кусаю Ульва за руку — рот наполняется соленым. — Нет!

— Что же ты наделала?! — обреченно спрашивает Ульв, глядя на прокушенную ладонь. — Ты вообще понимаешь?

— Понимаю, — вытирая рот тыльной стороной ладони, отвечаю я. — Я тоже не успокоюсь, пока не найду.

Все вокруг меркнет, становится бесцветным, холод поднимается откуда-то из глубины меня, промораживает кости. Бьется перепуганной птицей в горле душа, норovia выскользнуть — еще немного, и она уйдет прочь, бродить по топи, заплутает, пропадет...

Но Ульв прижимает меня к себе, укрывает меховым плащом, и становится легче, теплей. Бледное, надкушенное облаками лунное яблоко надвигается все ближе, ближе... — я падаю в молочный туман.

* * *

Камень твердый и шершавый, как отцовская рука. Только очень холодный, но если привалиться к нему плечом, то он постепенно пропитывается моим теплом. Я не могу уйти отсюда, словно прикована незримой цепью. Никакие доводы разума не в состоянии подточить ржавчиной эту цепь, заставить ее разомкнуться. Разум здесь не поможет, и уговоры тоже. Ульв как-то сказал: стая принимает тебя таким, какой ты есть, понимает. Вот они и понимают меня — молча, стиснув зубы, ждут моего решения, хоть до солнцеворота осталось совсем недолго, и надо уходить.

Я знаю, как порвать цепь. Мне только надо немного подождать. И я жду, каждую ночь, затаившись на холме за могильным камнем. И они вместе со мной — терпения нам не занимать.

Я ловлю ртом снежинки, редкие, крупные. Это такое увлекательное занятие! Мир вокруг бесцветен, но это тоже красиво — только черное и белое, и все, что между этими двумя крайностями: серый

цвет имеет множество оттенков. Жемчужная луна, аспидные силуэты кривых сосенок на фоне угасающего неба, дымчатый хрусталь кружевных льдинок, пепел снега. И водоворот запахов. Запахи тоже имеют вкус и цвет. Сизый легкий аромат молодого снега и терпкий, хрустящий ветер.

А еще запах Ульва. Его самого я не вижу, но чувствую — где-то в темноте, за моим плечом. Плыву в этом запахе, как в ласковой теплой воде, меня качает на волнах, я жмурюсь на луну, потягиваюсь до хруста, хочу позвать Ульва — но ветер меняется: накатывает тошнотворной волной со стороны дороги. Я вскакиваю, припадая к земле, выбираюсь на вершину холма: дорога внизу, как на открытой ладони.

Всадники, их трое; призрачными хлопьями тумана танцует лохматое пламя на факелах. Собаки — эти, наверное, недавно куплены. Без них охота не так интересна. Мне нужен только один из всадников: высокий, в шапке, отороченной мехом. Я не различаю цвета, но знаю, что шапка цвета клюквы, раскатившейся по земле, цвета огня, обливающего бревенчатый дом, цвета ненависти, бурлящей в моей крови.

Мы не охотимся ради забавы — только для того, чтобы утолить голод. Но голод бывает разный. Тот, что подводит спазмом пустое брюхо, легко успокоить. Гораздо сложнее с тем, что скручивает в тугой узел больную душу.

Я вою так, что испуганно вскидываются лошади на дороге, брешут псы, надеясь заглушить страх, луна ныряет в облака.

В ответ слышу совсем близко три слившихся в единое целое голоса. А чуть погодя на краю Веймерской топи отдаленным эхом отвечает четвертый. Мы выходим на охоту.

Я лечу над землей, едва касаясь ее лапами. Я чувствую за своим плечом Ульва. А слева от дороги бесплотными стремительными тенями текут Торкелл и Шукар. Они настигают того, что удерживает на поводках собак. Торкелл хватается за горло коня, Шукар вспрыгивает всаднику на спину — она, как рысь, предпочитает нападать сзади. Собаки с визгом разбегаются, даже не пытаюсь обороняться. Бегут врассыпную по пустоши.

Глупые псы! Вы созданы только для того, чтобы травить незащищенную дичь. Против настоящих охотников вы — лишь трусливо бегущая добыча. Короткий визг. Еще один. У Торкелла свои счета с собаками, а Шукар ему поможет. Ничего, они нас нагонят, чуть позже.

Мы с Ульвом выскакиваем на дорогу. Он отрезает от меня еще одного всадника, бросаясь под копыта коня. Человек пытается отмахнуться от варка факелом — бесполезно, Ульв просто в настроении поиграть с ним, как кот с мышкой. И дать мне время насладиться моей добычей.

Я лечу по дороге за последним всадником, в отороченной мехом шапке. У него прекрасный конь, но тем интересней. У меня нет времени ждать, когда, наконец, качнутся весы в руках слепой церковной справедливости. У меня своя справедливость.

Беги! Ты, кто считал себя Хозяином этой земли, каждой травинки, каждого камушка, каждой жизни. Беги! Нахлестывай свою лошадь. Пусть продлится мое удовольствие — мне приятно вдыхать твой страх. Я не спешу прыгнуть. Я дам тебе вволю нахлебаться ужаса, позволю пожить еще немного, до поворота дороги, до сухорукого старого дуба.

А потом Орм, старый и расчетливый, не торопясь, пробежит наперерез тебе по самой кром-

ке топи и выскочит на дорогу на повороте. Твоя лошадь шархнет в сторону. Тогда я прыгну, вцеплюсь в горло, почувствую пряный вкус твоей жизни и моей мести на губах. Может быть, тогда мир вокруг снова окрасится разноцветьем — полыхнет багрянцем восход, испуганная желтоватая луна закатится за лиловые силуэты сосен.

И, может быть, я перестану видеть во сне черный остов печной трубы на белом снегу. Лопнет цепь, удерживающая меня здесь.

Но его обезумевший конь взвизгивает на дыбы раньше, желая сбросить тяжесть, мешающую бежать еще быстрее. Всадник падает, шапка отлетает в сторону. Почему же я медлю?! Останавливаясь, смотрю, как ползет он в жалких потугах сохранить жизнь.

Он поднимается и тяжело бежит, не разбирая дороги. А я все не двигаюсь, хотя мне хватит одного прыжка, чтобы настигнуть его, — но здесь топь подходит совсем близко к дороге. И там, в сером тумане, — тени, замерли, так же как и я, в ожидании. Туман вздыхает, словно приносиваясь. У него на бегущего больше прав.

Несмотря на то, что несколько дней морозило, топь еще не успела схватиться. Я слышу хруст ломающегося льда, всплеск, крик... и удовлетворенный вздох болота.

— На север? — спрашивает Торкелл, неслышно подошедший сзади, в тени наброшенного на голову капюшона не спрятать хищный огонь, тлеющий, как угли.

Куда угодно — здесь меня ничто больше не держит. Все, что у меня есть, уместается в моей душе — замшелые камни на кладбище, скрюченный дуб. И туман над топью. Справедливая цена уплачена сполна — баш на баш. **У**

Марина Карпенко

Родилась 18.12.1961 г. в Красноярске. В раннем возрасте вместе с родителями переехала в Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. В звании сержанта, должности радиотелефониста 20 лет отслужила в МЧС (ПЧ). Еще 3 года там же в должности диспетчера. В 2009 году начала посещать литературную группу «ЛИК», которой руководил член Союза писателей России Алексей Михайлович Бельмазов. Печаталась в литературной газете «ЛИК», городской газете, журналах «Огни Кузбасса», «Русский писатель», интернет-журнале «МАвочки и ДЕльчики», альманахах «Проза.ру», международном сборнике «День Сказки».

Рай для всех

Взошедшая на небесный трон луна осветила ночные улицы. В подворотнях всполошились кривляющиеся тени.

Запоздавая молоденькая путница медленно шла по ночным улицам, вдыхая принесенные полевым ветром ароматы. Намеренно выбирая заросшую травостоем тропку, наслаждалась горьковатым духом полыни. Хорошо-то как! Стряхивая налипшие травинки, она вышла к людной после киносеанса остановке маршрутного автобуса.

Когда долгожданный свет фар потрогал асфальт, появился еще один пассажир. Юноша лет пятнадцати-шестнадцати в легком девичьем сарафане и рваных колготках. Грязные китайские шлепанцы завершали странное одеяние. Темнота будто обступила сгрудившихся людей, и только странный юноша, не обращая внимания на любопытные

взгляды, оставался в стороне, соблюдая неписанные законы изгоя.

Фары подплыли к автобусной остановке, и автобус, по-домашнему устало вздохнув, лязгнул дверцами и стал принимать толкающихся пассажиров. Странный парень скользнул последним и, устраиваясь на заднем сиденье, прикрыл глаза.

Кондуктор ловко собирала мелочь, рассовывая в ладошки пассажиров билеты, добралась до «странного» и зло заговорила что-то, вытолкнув нежелательного персонажа на следующей остановке.

— Ломка у него! — возмущенно бубнила она. «Жаль парнишку», — подумала девушка.

— Такой убьет за грош, — опровергая ее мысли, обронила пожилая дама, сидящая позади.

Дашка обернулась и встретилась взглядом с говорившей. Происходящее показалось сценическим действием, и она потихоньку стала разглядывать участников спектакля.

Разыгравшийся ветер кидал в окно брызги холодного дождя, и пассажиры неохотно покидали теплый автобус, соскальзывая в темноту на неосвещенных остановках-полустанках. Салон быстро пустел, за окном мелькали редкие огни, в зеркалах автобусных стекол отражались ехавшие в нем люди. Справа сидела женщина с необыкновенно белым лицом, напоминающим японскую маску, — азиатские черты только подчеркивали это сходство. Перед ней расположился толстенький, небольшого роста гражданин, который время от времени доставал платок, приподнимал шляпу и вытирал потеющий затылок.

На одном из сидений примостилась молодая парочка. Девушка явно гордилась симпатичным поклонником, который бесстыдно тискал ее на глазах

остальных пассажиров. Одна из них, пожилая дама, сидела, плотно сжав губы, явно желая, но не решаясь высказаться по этому поводу.

Последнее, на что Дашка успела еще обратить внимание, так это на то, что под лобовым стеклом автобуса подпрыгивал, пританцовывая и раскачиваясь, цветастый болванчик. А дальше она запомнила сильный толчок в грудь, испуганные глаза толстячка и словно в замедленном кино летящую против законов физики сумку пожилой дамы.

* * *

Розовые лучи утреннего солнца пробивались сквозь опущенные веки. Дарья лежала с закрытыми глазами, не отпуская еще живущее в ней чувство. Пережитое представлялось ощутимо реальным — ей снилось, что она летает. Сердце трепетало, отчего щекотало в горле.

Распахнувший дверь больничной палаты коридор позвякивал столовской посудой и шаркал подошвами пациентов.

— Ну, как мы сегодня? — голосом лечащего врача вопрошал белый халат.

— Доктор, я только что летала во сне.

Татьяна Николаевна присела на придвинутый стул и отсчитала удары пульса на запястье летицы.

— Немудрено — выжить в такой аварии! Везунчик вы, Даша. Готовьте к ляпороскопии, — бросила врач через плечо записывающей назначения медсестре и изучающим взглядом, глядя в лицо Дарье, сообщила: — Возможно, понадобится срочная операция.

* * *

Сколько света! Безупречной белизны стены вызвали уважение. На операционном столе помести-

лось Дашкино тело. Она смотрела на него со стороны, и ей не было страшно. Только немного смешно и любопытно.

Позвякивали блестящие хирургические инструменты, над неподвижным телом колдовали трое в зеленоватых халатах, колпаках и бахилах. Они бубнили, словно в трубе, монотонно роясь в ее груди, гулкие стены рикошетили звуками, произвольно гуляющими в пространстве.

Синюшные губы, заплывший глаз — пожалуй, Дашку больше не волновала собственная внешность. Она вспомнила о нестиранном нижнем белье в корзине. Кто-то брезгливо кинет его в огонь. Безразлично о романе с Дэном, по которому еще недавно было пролито столько слез. О родных, которые вскоре забудут о ней, путая жалость к себе с тоскою по Дашке. Она покидала тело по собственной воле. Настоящее стремительно отодвигало прошлое, которое все меньше связывало ее с этим ставшим предметом телом, с этим миром. Там, за пределами операционной, простиралась свобода и огромное небо с обитаемыми планетами.

Легкая, словно перышко, Дашка прошла сквозь стены и расслабленно поплыла вверх, наслаждаясь простором. Раньше она пыталась понять, что такое вечность, бескрайность, бездна. Сейчас нахлынуло понимание, и от этого перехватывало дух. Ей казалось, что весь мир наконец-то принадлежит ей.

Она не представляла, сколько прошло времени до того, как на ее пути появилось серое облачко. Исследуя его, Дашка натолкнулась на объект, который возмущенно ойкнул при ее приближении.

— Осторожнее, — возмутилось создание.

Приглядевшись, Дашка увидела полупрозрачного толстячка из автобуса.

— И вы здесь? — удивилась она.

— А где же мне быть? — проворчал толстячок.

— Вы тоже покинули свое тело?

Толстячок окинул Дашку презрительным взглядом и промолчал.

Только сейчас Дарья заметила, что рядом с ней не только этот бывший пассажир злосчастного автобуса.

— Ах! — выдохнула она. — Вы все здесь?!

— Нет, пока не все, — буркнула пожилая дама, — ожидаем нашего горе-водителя, который упорно цепляется за жизнь, и молодого человека.

Девушка из автобуса суетилась и нервничала в ожидании возлюбленного.

— Конечно, не может оторваться от смазливой медсестрички, — капризно возмущалась она.

Хмурый кондуктор скрупулезно пересчитывала выручку.

— А что дальше? — решила поинтересоваться Дашка.

— На суд, — закатывая глаза, возвестил толстячок, покорно переплетая пухлые ручки.

Бледное личико азиатки склонилось, демонстрируя согласие.

Наконец молодой человек воссоединился с возлюбленной и подошедший вздыхающий автобус принял их на прежние места.

За темным окном мелькали огни, в зеркальных стеклах отражались пассажиры последнего в этой жизни рейса.

У всех был торжественный вид. Пожилая дама что-то молитвенно шептала. Толстячок пробовал молиться, но постоянно сбивался, отчего думал, что потеет, и тер лысину.

Девушка на заднем сидении что-то страстно шептала возлюбленному, преданно заглядывая в гла-

за. Белое лицо-маску портили две борозды молчаливо катящихся слез не то радости, не то облегчения. Над лобовым стеклом выплясывал свой тряпичный танец болванчик.

* * *

Просторный холл встретил прибывших прохладой и белизной больничной палаты.

— Располагайтесь, — предложил появившийся невесть откуда человек. — Прошу простить за скромный прием, причиной которого явилась необыкновенная занятость. Поясню некоторые правила: в данный момент вы заканчиваете земное существование, кое продлится еще сорок дней. Особо значительными для вас будут также девять дней с момента отторжения тела. Отпевание, прощание с родственниками, привыкание к новым обстоятельствам произойдет за указанный мною период. Дальнейший путь будет зависеть от вас и вашего волеизъявления.

— Как это? — не сдержался толстячок. По привычке держась за голову, он задал волнующий всех вопрос: — Мы попадем в рай или в ад? Когда суд? Где райские врата?

— На протяжении земного существования вам предоставлялось право выбора, у вас никто его не отнимает, — пояснил человек. — Полагайтесь на свою совесть, она поможет вспомнить все грехи, а искреннее раскаяние укажет дорогу в Царство Отца Небесного.

Толстячок шумно выдохнул и сел, пытаясь осознать произошедшее.

«С собственной совестью уж как-то договоримся», — промелькнуло в его голове.

«До сих пор у нас с ней не возникало особых проблем», — ехидно подумал любовник.

«После стольких мучений мне и говорить-то с ней не о чем», — решила азиатка.

«А она вообще существует?» — внезапно задумалась девица.

На губах присутствующих появлялись улыбки недоумения, а затем и радости. Все начали поздравлять друг друга.

— А если некие грешки, скажем, не припомнятся, укроются в сознании? — усомнился молодой человек.

— Кому же, как не вам, ведать собственные грехи? От себя не спрячешься, — пожал плечами гид. — Если, осознав свое падение, вы придете к искреннему раскаянию, то будете, несомненно, прощены и допущены к жизни вечной. Должен предупредить, — после небольшой паузы продолжил человек, — что ознакомление с правилами не закончено. Прошу подойти к последней черте.

Только теперь присутствующие обратили внимание на тускло светящуюся линию вдоль коридора.

— Эта черта отделяет мир мертвых от мира жизни вечной. Говоря на вашем языке, рай от ада. Не питайте ложных иллюзий, она разделяет указанные миры гораздо больше, чем это может показаться. Примерно как жизнь и смерть. В данном пространстве, где вы сейчас находитесь, можете пребывать до окончания сорока дней, а затем вам все-таки придется сделать окончательный выбор, где находиться — по ту либо по эту сторону. Обещаю, — доброжелательно улыбнулся гид, — что для желающих остаться в раю следующая встреча будет носить более торжественный характер, согласно значимости момента. Отец Небесный с радостью примет вас. На данном этапе вы можете попрощаться с близкими вам людьми. У кого оста-

нется время, просьба помочь молящимся донести молитвы до врат Царства Небесного. Прошу располагаться и обещаю, что нужды ваши будут удовлетворены полностью.

Гид раскланялся и незаметно скрылся, оставляя подопечных осваиваться и приходиться в себя.

— Вот это да! — восхитился парень. — Это я понимаю! По-человечьи! Кому рассказать, не поверят.

— Вот уж не подумала бы, что в рай пускают всякий сб... всех подряд, — немного разочарованно поправила пожилая дама, поглядывая на «сладкую парочку».

— Да! Да! Какое счастье! — твердила, размазывая слезы, женщина с бледным лицом. — Я так настрадалась, так настрадалась, имею право.

— Я стану кормить тебя яблоками из райского сада, — пообещала возлюбленному девица.

— Я должен увидеть жену, — засобирался толстячок. — Она наверняка что-нибудь забудет, а мне здесь жить. И Петру Ивановичу надо напомнить, где документы. Квартальный отчет не доделан. Да... что уж, теперь.

— Я тоже спешу, — засобиралась дама, — я должна видеть, как позаботились о моем Леопольде.

— Прощаться в пивнушку к этой гадине? — заподозрила молодого человека девица, мешая назревающим планам возлюбленного.

В конечном итоге все разошлись, и опустевший коридор наполнился светом восходящего солнца.

* * *

Дашка проплыла по знакомой с детства улице, заглянула в окно. На стене, повесив стрелки-усы, замерли часы. Ничего с момента ее последнего

пребывания в этом доме не изменилось, разве что зеркала покрывали куски черной материи. Она походила в последний раз по знакомым с младенчества комнатам и вернулась на улицу.

У ворот соседка тетя Маша судачила с незнакомой женщиной.

— Валентина в больнице, горе-то какое — дочка у нее в аварии разбилась! Всю жизнь на нее тянулась, куска недоедала, ночей недосыпала, а теперь все, жить стало незачем, — слезно частила Мария. — Слегла бедная, как бы сама вслед за дочерью не отправилась.

Женщина перекрестилась и скорбно поджала губы. Дашку как обухом по голове ударили. Как же так, ей казалось, что мама ее не любит! Недаром же говорила, что Дашка ее наказание, и все пилила, пилила — то не так, это не эдак.

Обгоняя ветер, Дашка рванулась к больнице.

Мать лежала на кровати бледная, невидящими глазами уставившись в одну точку.

— Мама! Мамочка! — крикнула Дашка, падая ей на грудь.

Валентина встрепенулась, в следующий момент из ее глаз выкатилась слезинка, и женщина снова замерла, больше ни на что не реагируя.

— Моя мама умирает! — рыдала Дашка. — Помогите же кто-нибудь!

До утра она сидела рядом с матерью и медленно, глядя ее по голове, монотонно всхлипывала.

Вернувшись к черте, Дашка сжалась и некоторое время сидела так. В голове было пусто. В груди болело.

Новые знания захлестнули своей простотой и лаконичностью. Теперь она ясно понимала, что скоро станет частью чего-то большого, целостного, частью мироздания, но это почему-то не радовало.

Она знала, что забудет любящую ее маму, очарование таинства жизни на земле.

«Он давал мне индивидуальность, он верил в силу моего созидания, как в собственную. Позволял мне быть одновременно частью его и меня. А я? Как я могла быть такой эгоисткой? Не замечать очевидного. Я предала ее, его, — думала Дашка. — Они отдали мне все, а я предала. Помахала ручкой и свинтила. Прости меня, мамочка, прости, родная. Прости, Отец Небесный. В раю таким, как я, места нет», — решила девушка и перешагнула черту...

Вопли страждущих привели ее в чувства. Она сидела в огненной долине, на холме, а там, внизу, к ней тянулось множество рук, ее умоляли о глотке влаги. Дашка не знала, чем им помочь, и плакала. Бедняги ловили ее слезы, жадно слизывая их с опаленных рук.

Огромный верзилка с бычьей головой ткнул в Дашку трезубцем и со словами: «Нам чужого не надо» — отшвырнул прочь.

* * *

Толстячок Николай Иванович застал жену за хлопотами над его собственным поминальным столом.

Краснощекая и дородная, под стать супругу, Любовь Самсоновна обладала пышными телесами и слезливым, но твердым характером. Поминутно смахивая слезы и сморкаясь, она виртуозно руководила многочисленными помощниками, снующими между кухней, кладовой и погребом, направляя их в нужное русло. На столе, как по волшебству, появлялись хрустящие огурчики, обжаренная, с корочкой рыбка, громко шипела кухонная сковородка, пополняя горку румяных блинчи-

ков. Пахло квашеной капустой и борщом. Из густой деревенской сметаны произрастала расписная деревянная ложка. Кутья поблескивала отборным изюмом, в углу остужался наваристый компот, а из погреба несли запотелую домашнюю наливочку.

— Матушка, хлеба, хлеба не забудь, — растерянно лопотал Николай Иванович.

У одра, как и полагается, чинно восседали траурные матроны в ожидании осанистого батюшки. Дом заполняли многочисленные родственники, сослуживцы, соседи, привлеченные кухонными благовониями, во дворе толпились местные бродяги. Наводненная автомобилями улица вызывала вопросы у проходящих зевак и ротозеев.

— Умер? Разбился? Как же так? Не может быть... А такой был живенький, ладненький, — шептался народ.

Чувственный Николай Иванович сновал между пришедшими, основательно мечтая о полном стаканчике наливочки, плакал и пытался поделиться важной новостью:

— А я ведь в рай, дорогие мои, сразу в рай! И без разговоров.

— Любушка моя, голубушка, — чмокая собственную вдову, умилялся покойный.

— Соседушка, ладушка да лапушка, — щекотал ничего не подозревающую моложавую соседку.

Наконец, решив, что пора, Николай Иванович окинул хозяйским взглядом хлебосольный стол и умиротворенно проследовал к графинчику с наливкой. Но после нескольких неудачных попыток испить домашний нектар он впервые пожалел о собственной кончине и, разочарованно поглазев на пирующих, покинул присутствующих в полном расстройстве своих самых сокровенных чувств.

Расположившись у последней черты, Николай Иванович с горечью осознал, что находится в полном одиночестве.

— Чревоугодие, грех, — робко подала голос совесть.

— Да... заткнись ты, — в сердцах посоветовал Николай Иванович.

— Ты даже не голоден, — робко продолжила та.

— Уж мне-то лучше знать, — потер лысину усопший.

— И воровство грех, — продолжила совесть, — и мздоимство.

— Ну... началось, — недовольно насупился Николай Иванович.

Ноздри его защекотал знакомый запах жареного мяса. Николай Иванович принял. Дух произрастал из-за роковой черты.

«Я только одним глазком...» — не успевая додумать пришедшую на ум мысль, Николай Иванович живенько сунул нос в пределы запретной границы.

Два подозрительных субъекта с породистыми носами профессионально жарили куски свежежайшего мяса, обильно поливая их отборным вином. Кольца золотистого лука плотно обхватывали шампур, а на столике дожидалась пара бутылочек «Столичной».

— Третьим будешь? — поинтересовался один из обладателей благоухающего продукта.

— Да... я... помер я, братцы! Такие вот дела. Рюмочку не поднесете? Я тут, напротив, обустроиться намерен. Если бы не обстоятельства, я ни-ни, — бессвязно оправдывался Николай Иванович.

— Да ладно, что как не родной? — подбодрил другой мужик. — Со всяким может случиться. Все мы смертны.

Николай Иванович горестно вздохнул и затрулил к столику.

— А ты говорил: мяса маловато, смотри, какой борюк к нам спешит, — заржал, открывая личину, здоровенный чертенок.

— Так нечестно!.. — попытался возмутиться Николай Иванович, но вскоре, осознав собственную глупость, в ужасе затих.

* * *

Гюзаль и Лола появились у черты одновременно.

— Ты чего куksiшься? Радоваться надо, скоро в рай попадем, — просветлев лицом, возвестила Гюзаль.

— Мой сбежал, — горестно сообщила Лола.

— Куда он денется? Все равно сюда придет, — рассмеялась Гюзаль.

— Понятно, — безрадостно согласилась Лола.

— Любишь очень? — с оттенком зависти спросила Гюзаль.

— Не знаю. У нас все девчонки по нему сохнут. То есть сохли, — поправила себя Лола. — Я с периферии, а он — красавчик, к тому же прописка, родители не за станком на заводе стоят. Такого только дура упустит. Я — не дура! — с гордостью возвестила Лола.

— Так теперь-то не все ли равно? — удивилась Гюзаль.

— Не скажи. Может, и все равно, только надо баш на баш. Вот найду лучше, этот сразу пинка под одно место получит! — выкрикнула в сердцах Лолита. — А ты чего выбелилась, как в ведро с известью макнули? Косметикой пользоваться не умеешь?

— Я оспой болела, — созналась Гюзаль, — тут не знаешь, куда макнуться, чтобы люди не шара-

хались. Детей иметь не могу, муж бросил. Одна на свете, все отвернувшись.

— Ладно, не ной, в раю несчастными не бывают.

Женщины еще немного посудачили и, разбираемые любопытством, заглянули через открывшийся проем в райские сады. Прохлада и птичье щебетание располагали к отдыху. Где-то поблизости шла репетиция ангельского хора. Диковинные бабочки без устали порхали от одного дерева к другому.

— А где обитатели райских куш? — удивилась Лолита.

— Все трудятся, — сообщил неизвестно откуда появившийся уже знакомый гид.

— Как трудятся? — удивилась Лолита. — Это же рай — им наслаждаться надо!

— У вас ошибочное представление о рае, — терпеливо пояснил гид. — Наша задача — оберегать людей, потому к каждому приставлен ангел-хранитель. Ему отдохнуть не удастся, пока человек жив: молитвы донести, слово божье до слуха людского. Дел много, а помощников не хватает — каждая травинка присмотра требует. И вы не бездельничайте — видите, старушка от тяжелой болезни умирает? Утешьте бедную, облегчите ей страдания.

Лолита и Гюзаль устремились к болящей. Плохо пахнувшая, давно не мытая плоть старой женщины источала зловоние. Брезгливая Лолита зажала нос, наотрез отказываясь подходить к нищенке.

Превозмогая отвращение, сердобольная Гюзаль стала шептать бедняге слова утешения. Старушка затихла, лицо ее просветлело, и она заснула спокойным, безмятежным сном праведницы.

Женщины хотели удалиться, но неподалеку их ожидала другая несчастная, и старик, и ребенок, и не было конца нуждающимся в утешении.

— Может, мы что-то попутали? Наверно, старик обманул нас. Это скорее ад, чем рай. Давай уйдем, — предложила Лолита.

— Я останусь... — беспомощно оглядываясь на страждущих, отказалась Гюзаль.

Раздосадованная Лолита покинула сердобольную подругу, возвращаясь к последней черте.

Немного успокоившись, возмущенная женщина заглянула в запретную зону.

У тлеющего огня возлежали мужчины, по телосложению напоминающие легендарного Аполлона. Загорелые тела украшали диковинные татуировки.

Играя мускулами, некоторые шутливо боролись. Один из сидевших напевал под гитару что-то модное и знакомое, из шансона.

«Вот это тусовка! Вот он, рай-то! А я все думаю, в чем подвох? Развести хотели, — радовалась своему открытию Лолита. — Что из того, что рога торчат, мужчина должен быть чуть красивее обезьяны. Скоро я здесь хозяйкой буду, — самоуверенно подумала она. — Надо разоблачить старикашку. Хотя... каждый сам за себя», — решила женщина и, поправляя прическу, переступила черту.

* * *

Вероника Поликарповна разыскивала своего кота Леопольда.

В квартире бездетной женщины хозяйничал неизвестно откуда взявшийся внук, а любимое хозяйкой животное обитало на ближайшей помойке. После встречи с местной разношерстой братией кот имел потрепанный, но все еще презентабельный вид.

Доедая рыбью голову, Леопольд почувствовал присутствие хозяйки и довольно заурчал.

— Бедный мой, — причитала Вероника. — Я обязательно узнаю, можно ли котам в рай? Всякой нечисти можно, а благородным котам, что, нельзя?

Она еще немного побывала в ставшей чужой квартире, плюнула новоявленному внуку в чай и удалилась.

У черты никого не было. Вероника присела, дожидаясь чьего-либо присутствия, и услышала разговор. Говорили явно из запретной зоны. По голосам — женщины обсуждали последние события обоих миров. Прислушиваясь к говорившим, Вероника все больше склонялась к черте.

— Подслушивать нехорошо, — говорила совесть.

— Да тихо ты! — одергивала Вероника.

— Кто владеет информацией — правит миром.

Она так напрягалась, что, в конце концов, свалилась за черту, переполошив беседующих женщин.

— Извините, я тут задремала, сейчас же ухожу, — попыталась вывернуться хитрюга.

— Ничего, кума, будь как дома, — рассмеялись чертовки.

— Наливку пьешь?

— Пью.

— Вот и будешь бурдюком, а то мы не знали, во что вино наливать.

* * *

Кондуктор Алевтина в который раз пересчитывала выручку. Монеты побрякивали, давая женщине хоть какое-то утешение.

— Надеюсь, этого на первое время хватит, — лихорадочно рассуждала она. — Рай раем, а деньги, они всегда деньги.

Глаза ее затуманили наворачнувшиеся слезы, и в какой-то момент подумалось: «Разве это была

жизнь? Счастливых деньков по пальцам счесть можно...».

Алевтина горестно вздохнула и, по привычке возведя вверх глаза, посетовала:

— Где она, справедливость твоя? — Она еще раз пересчитала монеты и добавила: — Разве это деньги? Слезы!

В тот же момент медяки обернулись каплями сверкающей влаги и, ручейками просочившись сквозь пальцы обескураженной женщины, стекли к ногам. Через секунду образованная ими лужица бесследно исчезла.

— Так это были мои слезы? — обожгло Алевтину.

— Так и есть, — подтвердила совесть. — Ты никогда не была довольна. Не замечала тех, кому жилось гораздо труднее, чем тебе. Не умела радоваться малому, не сможешь и большому, — упрекнула совесть, намекая на рай.

— Как же так? — Алевтина вдруг вспомнила живущего неподалеку старика.

Глупый старик выстрагивал детям свистульки и поделки в подарок. А мог бы продавать. На обиды и оскорбления не отзывался, тихонько отсиживаясь в своей каморке. Алевтина знала, что чудак перебивается с хлеба на воду, но во дворе всегда сновали прикормленные им вездесущие воробьи. «Убогий», — обзывала чудака Алевтина.

— Убогий, — повторила заученное слово женщина, увидев все под другим углом. — А, может, и нет?..

Страницами известной, но до конца так и не понятой ею книги мелькала перед ней жизнь.

«Не таким уж невзрачным был пройденный путь, — впервые с гордостью подумала Алевтина о своей жизни. — Что мешало мне быть счаст-

ливой?» — растерялась женщина. Она искала и не находила ответа.

* * *

Разочарованный Вадик появился у черты последним — он долго сновал в земном мире в поисках безутешно страдающей по нему души. Таковых не нашлось — те, кого Вадим считал друзьями, недолго горевали по усопшему, так что к черте он подходил с чувством, как будто его никогда и не существовало на свете.

Лолита как назло куда-то подевалась. Испытывая чувство благодарности, Вадим впервые взглянул на подругу как на единственно близкого человека.

— Лола! Лолка! — нетерпеливо вглядывался в пространство Вадим.

Ему хотелось прижаться к ней, верной и родной, повиниться в своих изменах, глупости. Он был уверен, что она поймет и простит.

Теперь все будет иначе, по-настоящему. Да-да, именно по-настоящему! Прожитая жизнь представилась ему некой репетицией, теперь-то он знал, как надо жить. Вадим видел себя героем. «Нужно спасти мир. Я знаю то, что не знает никто. Я — Архимед, нашедший точку опоры. И я переверну этот мир!».

— Лолита! — крикнул переполняемый чувствами Вадик и услышал знакомый смех. За чертой кто-то веселился, и этот кто-то был явно в обществе его возлюбленной.

Вадим заглянул за черту и обнаружил сидящую на коленях рогатого Лолиту. По ее виду трудно было предположить, что девушку удерживают настолько.

— Ах!.. Женщины! — заламывая руки, вскричал Вадим. — Все беды из-за вас.

* * *

Гюзаль трудилась не покладая рук. Она сбилась со счета, скольким несчастным оказала помощь.

Теперь она могла видеть тех, кто трудился рядом. Легкокрылые создания мелькали повсюду, и они одобрительно кивали ей, как своей. Она отвечала им гордой улыбкой удовлетворения — за долгие годы женщина впервые не прятала своего испещренного оспой лица и чувствовала себя частью великого, не ведомого ей, мироздания. Целая армия посланников стояла на страже попавших в беду. Если бы только люди видели, как отчаянно сражаются за них эти хрупкие с виду создания! Уносят тяжелые болезни, с трудом волоча их подальше от людей, подсовывают опору споткнувшимся.

— Какие мы глупые и неуклюжие! — горевала Гюзаль. — Сколько проблем от нас Создателю и его помощникам.

Приближаясь к очередному больному, она вдруг узнала знакомые черты. Мужчина еще не знал о своей болезни, но червоточина разрасталась, и Гюзаль это видела.

Этот человек когда-то клялся любить ее вечно. За него она готова была умереть. Сейчас рядом с ним находилась красавица-жена, в доме резвились румяные дети. У него имелось то, что должно было принадлежать им обоим, но досталось ему одному.

Это он однажды не захотел обратиться к дорогостоящим врачам, когда она заболела. Это из-за не оказанной вовремя помощи она лишилась радости материнства. Из-за полученных от болезни изъязнов была оболгана и изгнана любимым человеком, вынужденно скиталась по свету без угла и приюта.

— Будь ты проклят! — переполняемая смешанными чувствами зависти и ненависти, произнесла женщина.

Получившая поддержку, болезнь вспыхнула с новой силой. Крылатые создания бились о преграду проклятия, но не могли преодолеть ее, и вскоре Гюзаль перестала их видеть.

* * *

Дашка очнулась от ледяного холода. Зубы ее стучали громче, чем выбивают чечетку подкованные туфли танцора. Внимательно разглядывая потолок, она все больше растворялась в пространстве слабоосвещенного помещения до тех пор, пока окончательно не растворилась.

В следующий раз Дашка очнулась в тепле. Возле нее сновали взволнованные люди. Лечащий врач Татьяна Николаевна возбужденно говорила кому-то:

— А я думаю, как же так? Все сделали правильно и вовремя — и летальный исход! Наркоз переносила хорошо, а сердце остановилось! Поразительно, этот случай нужно непременно изучить — главное, чтобы мозг не пострадал... — тараторила врач.

«Нужно помалкивать о том, что со мною случилось, — пришла к выводу Дашка. — Иначе точно решат, что умом тронулась».

Когда голос Татьяны Николаевны затерялся в конце больничного коридора, дверь скрипнула, и послышались чьи-то осторожные шаги. Сердце у Дашки забило быстрее. Она медленно открыла глаза.

— Мама!

Валентина прижала дочь к себе, до боли стиснула ее руку. Смахивая катящиеся по щекам слезы, она шептала своей девочке что-то нежное, знакомое, и на душе у Дашки становилось спокойно и радостно.

Удивившую врачей пациентку еще несколько дней держали в больнице, подключали к каким-то аппаратам, датчикам и трубкам и, так ничего и не обнаружив, отпустили.

Счастливая Дашка снова шагала по твердой земле, поглядывая на луну и бескрайние просторы ночного неба.

Солнце утренних куполов на ее пути осветило небо. Дашка взошла на ступень белокаменной церкви и замерла. Душу переполняли чувства. Охватившее ее смятение превратилось в подступивший к горлу ком, а покотившиеся слезы принесли облегчение. Дашка вздохнула полной грудью, ей захотелось поделиться радостью, и она повернулась к стоящему позади пареньку.

Что-то неуловимо знакомое виделось в фигуре незнакомца. Глаза его излучали такую муку, что у Дашки болезненно сжалось сердце. Изгой с останки?!..

Дашка подвинулась, уступая место незнакомцу, и он неуверенно встал рядом. Так и стояли на самой первой ступени к храму, щурясь от яркого солнца и ощущая терпкую горечь степной пыли.

* * *

В небесном преддверии рая распахнулись врата.

В окружении поющих ангелов на встречу с душами людей, закончивших земное существование, торжественно вышел крепкий седовласый старец. Не увидев ожидающих у ворот новичков, он заметно поник и, устало сгорбившись, долго вглядывался в пустоту.

Притихшие ангелы старались не смотреть друг другу в глаза, а ангелы-хранители тех, кто не пришел, плакали. **УС**

Пятачок

Мария Ема (псевдоним)

Родилась в 1972 году. Окончила Историко-архивный институт (ныне РГУ), замужем, живет в Москве. Публиковалась с 1998 года в газете «Тайная власть» и в приложении «Супертриллер» под псевдонимом Мария Игнатова (рассказы «Голубое сияние», «Шарлатан», «Демон ночи», «Подвал»).

Пашкин отец — Петр Викторович Конохов — обожал старые рисованные фильмы. Он называл их смешным словом «мультики», которое Пашке казалось порождением заскорузлого мышления предков, не преодолевших силу гравитации. Смотреть аляповато раскрашенные движущиеся картинки ему казалось скучным, поэтому он вертелся, вздыхал, сучил ногами и всячески саботировал просмотры. На этой почве у него с отцом постоянно случались конфликты. В конце концов они ругались всерьез. К тому времени Пашке исполнилось четырнадцать. Он — студент подготовительного курса Космической академии, приехав домой на каникулы, наотрез отказался смотреть «эту древнюю галиматью». Отец тогда вспыхнул, хотя человеком был очень сдержанным, и выгнал его из дома. Несколько ночей Пашка ночевал у своего друга, однокурсника Сани Адреева, а затем Петр Викторович встретил сына на улице.

— Понимаешь, какое дело, — сказал он. — Мультики — единственное, что связывает меня с прежним миром. С детством, если хочешь. Я понимаю твоё стремление успеть за прогрессом, но и ты пойми мое — не забыть прошлое. Давай договоримся — полчаса в день, пока ты дома, ты уделишь просмотру мультиков вместе со своим старым отцом. А все остальное время делаешь, что пожелаешь.

Отец редко показывал истинные чувства, а тут вдруг сказал такое, что Пашка осознал — это потаенное, выстраданное... важное. И — ошарашенный — молча кивнул. Вечером он вернулся домой, а после ужина постучался к отцу, до оскомины зная, что будет дальше. Но он обещал.

— Заходи, — пригласил отец, когда дверь открылась, опознав Пашку. — Садись. И смотри молча. Спрашивать будешь потом.

Пашка сдержал вздох, сел, подстроил кресло так, чтобы спинка была прямая с небольшим наклоном

вперед: сидеть неудобно — не уснешь за просмотром. Покосился на отца. Тот смотрел в экран визора с улыбкой блаженного. «Вот ведь, какая у людей бывает зависимость! — поразился Пашка. — Нет бы сенсорный концерт Амальгами послушать или поучаствовать в акциоматче «Пикси» — «Шамбала» с возможностью подключения в режиме «чтение» к сознанию игрока по выбору!».

От скуки и невероятного желания вздремнуть он принялся обегать глазами комнату. Взгляд зацепился за давно знакомую уродливую стеклянную свинью с щелью вверх. Называлось это убожище «копилка», и предназначалось оно для складирования металлических денежных знаков, именующихся «пяточками» в пору, когда информационные купюры еще не были даже в проекте. Свинья досталась отцу от его деда, тому от прадеда и, похоже, видела зарю мира, не прошитую стартующими межпланетниками. Нет, не хотел бы Пашка жить в то далекое время! Он мало знал про него и еще меньше интересовался, но представлялось ему нечто в чаду угольных паровозов и путанице бесконечных проводов, с атмосферой, заставляющей спадаться легкие, и свободным доступом к медицинским препаратам, называемым наркотиками, от которых — парни говорили — мозг выгорал изнутри. В общем, была в голове у Пашки полная историческая каша со смешением времен и жанров, а пресловутые мультики казались логическим следствием им же самим придуманного мира. Ну, скажите, какой прок может быть от истории про обожравшегося медведя, зачем-то полезшего в нору к кролику? Ну, понятно же даже малышне на первом цикле обучения, что медведь не может и лапу в нору засунуть — не влезет лапа, что уж о туше говорить? А они там — со свиньей, кстати! — еще и чай пили! Где вы видели кролика, пьющего чай? Носящего очки? Да

еще выдающего сентенции с видом виртуальной реавстрации Платона?

Пашка сдержал вздох. Незачем отцу слышать, как он тоскует по свободе от культурных цепей давно стигнувшего прошлого!

Когда показались финальные титры, Петр Викторович остановил просмотр и повернулся к сыну.

— Неужели тебе совсем не смешно? — спросил он. — Ну ни капельки?

— Ну, па-ап, — замылся Пашка, будто отец поймал его с поличным на угоне флаера. — Ну там же неправильно все! Нелогично! Против научных фактов!

— Это каких же? — прищурился отец.

— Ну вот скажи мне, если, предположим, медведь застрял... где-то, разве свинья и кролик станут его выгаскивать? Да они даже близко к хищнику не подойдут! Это же их враг, смерть, а ты говоришь — смешно!

Петр Викторович на мгновение закрыл лицо руками. Покачался из стороны в сторону, да так, что Пашка даже испугался, что он свалится с дивана. Затем вновь посмотрел на сына. Спросил тоскливо:

— Мы Марс в прошлом году официально признали освоенным или в позапрошлом?

— В прошлом, — испуганно ответил Пашка.

— Свинью-копилку видишь? — снова спросил отец.

Пашке стало так нехорошо от его тона, что он только кивнул.

— Представь, сын, что свинья — это вечность. А пяточки, которые в ней лежат, — это наши мысли и поступки. Вот мы Марс освоили, дали людям возможность жить, дышать чистым воздухом, работать и любоваться красными закатами — это пяточок в копилку, понимаешь?

Пашка снова кивнул.

— А те, кто придумывал и рисовал мультики, давали людям возможность через малое увидеть великое,

через смешное — грустное. Через нелогичное — смысл жизни. Это тоже пяточки. Может быть, их нельзя сравнивать с освоением Марса, но положить в копилку можно. Понимаешь?

Ошарашенный Пашка кивнул в третий раз.

— Иди, — махнул рукой отец, — за ужином увидимся. И хотя бы сделай попытку подумать над тем, что я сказал!

Конечно, Пашка забыл обо всем, едва переступил порог дома. Каникулы пролетели, как один день. Отец больше ни о чем не спрашивал и ничего не пытался объяснить. Пашка исправно посещал его «сеансы» и даже начал следить за сюжетом, считая нелогичности повествования, чтобы не заснуть. А в ночь перед отъездом ему приснилась гигантская розовая свинья, на боку которой он выжигал боевым лазером огромные буквы «В-Е-Ч-Н-О-С-Т-Ь».

Восемьсот шестидесятый выпуск Космической академии был построен на плацу в первый день мая. Выпускники сдерживали дрожь в коленях и крики, рвущие глотки восторгом. Тяжелейшее обучение закончено! Распределение по флотам завершено! Дикий зверь по имени Галактика ждет их с нетерпением, желая пожрать, развеять в прах, низвести в небытие, но они — люди! И зверь покорится им!

Приветственные и поздравительные речи неслись с трибуны, где собралось руководство Академии. Только что выступил адмирал Исследовательского флота Ассоциации Клоков Виталий Всеволодович. Пашка, получивший направление под его командование, внимал словам, как живой воде, и думал: «Это же легенда века, титан, драконоборец! Вот на кого следует равняться, к чему стремиться! Вперед, только вперед! К звездам, к неизведанному, к победе над силами космоса!.. А не тратить время на осколки прошлого, которого давно уже нет!». Царапнуло что-то гвоздиком по сердцу.

То ли тоска по дому, то ли сожаление о прошедших годах, о детстве, которого не вернешь, о друге Саньке Андрееве, распределенном на транспортник маршрута Земля — Марс.

Пашкины родители ждали в толпе в гостевой зоне. Когда торжественная часть закончилась, выпускники разошлись по своим.

— Я так удивилась, что сбор ранний! — взволнованно говорила мама и по-домашнему опрашивала на Пашке парадный китель. — В шесть утра — это ж с ума сойти, как рано!

— Кто ходит в гости по утрам... — засмеялся отец.

И вдруг чей-то глуховатый голос подхватил:

— ...тот поступает мудро!

Пашка поморщился. Выкопал недавно где-то в словарях архивное слово «ретроград». Вот как раз и повод его применить. Ретрограды вокруг!

Он обернулся и окаменел. Адмирал Клоков — живой адмирал, титан, драконоборец и легенда века! — стоял рядом, приветливо улыбаясь.

— Тарам-парам-парам-парам?.. — неуверенно произнес отец.

— На то оно и утро! — по-военному четко отработовал адмирал.

И они понимающе улыбнулись друг другу.

— Ваш? — кивнул на Пашку Клоков.

— Наш! — деловито вмешалась мама. — Получил направление на пятую научную платформу Исследовательского флота Ассоциации в качестве младшего помощника третьего астронавигатора!

— Когда ты успела все это выучить? — искренне изумился отец.

Мама, которая была почти на две головы ниже его ростом, умудрилась посмотреть на супруга свысока.

— Прекрасно! — сказал Клоков непонятым тоном. — Значит, до встречи во флоте, курсант!

Ошеломленный Пашка отдал честь и после долго провозжал взглядом высокую сутулую фигуру.

— Наш человек! — уважительно сказал отец вслед Клокову и повернулся к жене. — Нет, ты скажи мне, как ты умудрилась запомнить все Пашкины регалии?

Родители шутливо заспорили, а Пашка все смотрел в толпу, где давно уже исчез адмирал, и у него в голове никак не соотносились цитаты из мультиков — с прогрессом, олицетворением которого он преданно и беззаветно почитал Клокова.

Сообщение о смерти отца застало Пашку — теперь второго астронавигатора первой научной платформы Исследовательского флота Ассоциации Павла Петровича Конохова — близь Веги. Флот дрейфовал у одного из межзвездных городов-спутников перед броском в очередную пасть Гидры по прозвищу Галактика, и Пашке, почти одновременно с получением печального известия, была доставлена на борт посылка с Земли. Он не спешил открывать ее, догадываясь, что обнаружит внутри всю отцовскую коллекцию мультфильмов.

В Пашкиной жизни ничего не изменилось. Он все так же заступал на вахты, повышал квалификацию, занимаясь с корабельным мозгом, которого старожилы звали почему-то Бывальым, подолгу плавал в бассейне и посещал флотские балы на флагмане. Но в каком-то уголке души навсегда стало пусто, и пустота была сродни вакууму. От несоответствия обычного течения жизни этому сосущему под ложечкой чувству впору было сойти с ума. Его взгляд чаще и чаще обращался к посылке. Пашка догадывался, что отец отправил ее, предчувствуя скорую кончину. И однажды тоска по нему стала столь сильной, что он вскрыл посылку, извлек кристаллы с записями мультфильмов и просмотрел их все подряд — между вахтами — забыв про еду и сон. Он по-прежнему не понимал — что же в них смешного, где логика? — но вспоминал отцовское внимание, добрые улыбки, с которыми

тот следил за приключениями рисованных героев древности. И пустота потеснилась. Отец будто присел рядом.

«Молчи. Спрашивать будешь потом».

Сейчас Пашка жалел, что не спросил об этом и о том... Что промолчал минуты близости с родным человеком, подаренные жизнью. Что был так слеп и глух... Ведь не в мультиках дело!

Присланные отцом рисованные фильмы вошли в Пашкину жизнь, чтобы навсегда в ней остаться. Друзья, прознав про его увлечение, добродушно подшучивали. Он в ответ пожимал плечами — не развлечение, не расширение кругозора, не средство поднять настроение эти мультики. А память. Память же жива, куда сердце помнит.

Проходили годы. За Пашкиной спиной остались покоренные метеоритные пояса Цефеид, эвакуация земной колонии с нестабильной Тейде и открытие трех кислородоатмосферных планет из двадцати восьми, числящихся в Звездных каталогах. Он погрузнел, округлился и отчасти польсел, но был по-прежнему энергичен, восходя на мостик «Ковчега», флагманского корабля Исследовательского флота Ассоциации. Адмирала Конохова ценили, уважали, даже побаивались, несмотря на его — известное всему флоту — пристрастие к такой несерьезной науке, как древняя история.

Ежедневные просмотры мультфильмов успешно заменяли Конохову часы отдыха, релаксирующие процедуры и другие доступные блага свободного времени. Но до сих пор оставались для него тайной за семью печатями. Он и сам бы не смог сказать, в чем дело — прочитал кучу литературы, одолел обучающие программы по культурологии того времени. Теперь и сюжет, и ирония, и психологические выкладки авторов мультфильмов были ему ясны! Он знал — где смеяться и почему, зачем медведь одевал на свинью маску за едой, почему осел играл на ударных и так далее и тому подобное!

Знал — и продолжал не понимать. Не понимая — продолжал смотреть, пытаясь докопаться до истины — зачем он это делает? Тоска по отцу давно отступила. Мама ушла следом, оставив в Пашкиной памяти светлую, легкую грусть. Он давно уже был сам по себе — Павел Петрович Конохов, одинокий космический волк, которому нет-нет да доставляли хлопоты волчата с подчиненных научных платформ.

Вот и сейчас просмотр пришлось остановить. На пороге мялся практикант Анисимов Кирилл. Адмирал махнул рукой посетителю — заходи, мол.

Тот вошел, вертя головой во все стороны, с любопытством уставился на экран, где медведь тестировал странное полетное устройство. Но вдруг, вспомнив, зачем пришел, выгнулся в струнку.

— Садись, — кивнул Павел Петрович на кресло напротив.

Про сложные отношения Кирилла с Миловацким, капитаном корабля в составе Флота, на котором Анисимов проходил практику, адмирал был осведомлен. Несостыковка характеров — обычное дело в космосе, где люди подолгу находятся в одном и том же социуме. Сейчас попросит перевести его на другой корабль.

— Слушаю тебя, Кирилл.

— Я... У меня есть просьба, Павел Петрович... — парень замялся.

— Миловацкий в курсе? — мягко спросил адмирал.

— Антон Егорович в курсе. Он же и посоветовал к вам обратиться. Дело в том, что у меня заканчивается практика во Флоте. И я... хотел бы остаться здесь после окончания Академии.

— Я просмотрю повторно твои данные, Кирилл, и дам ответ. А что с кораблем? Определился?

Анисимов недоуменно посмотрел на него.

— Так а ж на «Верном» практику прохожу. Вот там и хотел бы остаться.

Павел Петрович хмыкнул про себя. А парень-то с горором — от трудностей не бегаёт, как говаривал отец. Да и Миловацкому наука: что ты за капитан, раз подходишь к подчиненному не находишь?

— Что ж... Я тебя услышал. Но ты же понимаешь — мне понадобится характеристика от твоего руководителя.

Кирилл кивнул. Не виновато, не задиристо.

— Понимаю, Павел Петрович.

— Тогда свободен.

Анисимов направился к выходу, однако на пороге остановился, замялся.

«Спекся, парень, — с сожалением решил адмирал. — Сейчас начнет оправдываться в содеянном, но винить Антона...»

— Павел Петрович... а что вы смотрели, когда я пришел? Картинка смешная такая!..

Адмирал удивленно взглянул на него.

— Это мультики. Мультфильмы. Вручную рисованные истории XX века. Один из видов древнего искусства.

— А почему зверь такой круглый? — удивился Анисимов. — И как называется этот вид флаеров, с куполом и ручкой?

Адмирал Конохов сделал глубокий вздох.

— Садись обратно, Анисимов. Молчи. Спрашивать будешь потом.

И запустил просмотр с самого начала.

Глуховатый голос отца прозвучал так явственно, словно тот сидел рядом:

«Мультики — единственное, что связывает меня с прежним миром. С детством, если хочешь. Я понимаю твоё стремление успеть за прогрессом, но и ты пойми мое — не забыть прошлое».

...И разносился по тихой и пустой Вселенной звон пяточка, упавшего в копилку... **УС**

Подпишись и читай! Индекс 73413

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ								73413			
на журнал								(индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 2014 г. по месяцам								Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											
Доставочная карточка											
ПВ	место	литер	на журнал					73413			
			(Индекс издания)								
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стоимость	подписки		___руб. ___коп.				Кол-во компл.				
	переед-ресовки		___руб. ___коп.								
на 2014 г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.